

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА»

О.М. ДОЛИДОВИЧ
В.И. ФЁДОРОВА

**ЖЕНЩИНЫ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX –**

НАЧАЛЕ XX вв.

**(Демографический, социальный,
профессиональный аспекты)**

Монография

Красноярск 2008

Рецензенты:

Коновалова О.В., д-р ист. наук, доцент
Федорченко В.И., д-р ист. наук, профессор

Д 64 Долидович О.М., Федорова В.И.

Женщины Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (демографический, социальный, профессиональный аспекты): монография / О.М. Долидович, В.И. Федорова; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск 2007. – 232 с.

ISBN 978-5-85984-288-2

В монографии рассматриваются вопросы развития женского социума в Сибири в эпоху зарождения в России движения, направленного на эмансипацию женщин. В научный оборот впервые вводится материал, характеризующий численный, социальный, профессиональный состав русского женского населения Сибири, его культурно-образовательный уровень, роль и место в общественном производстве. Раскрываются сложные процессы либерализации семейно-брачных отношений, изменения социально-правового статуса женщин и трансформации ментальных представлений о роли женщины в обществе. В работе предстают образы сибирячек Е.А. Авдеевой-Полевой, А.В. Потаниной, А.Ф. Ядринцевой, В.А. Баландиной и др., оставивших яркий след в общественной и культурной жизни Сибири.

© Красноярский
государственный
педагогический
университет
им. В.П. Астафьева, 2007

© Долидович О.М.,
Федорова В.И., 2007

ISBN 978-5-85984-288-2

ВВЕДЕНИЕ

Женское движение как исторический феномен зарождается в эпоху перехода от традиционного общества к гражданскому и представляет собой различные формы активности, направленные на достижение равноправия женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах. В России женское движение получило свое развитие во второй половине XIX в. на фоне общественного подъема, вызванного либеральными реформами 1860–1870-х гг. Женщины начали борьбу за право на образование, за право участия в экономической и общественно-политической жизни страны.

Женская эмансипация в различных регионах огромной Российской империи имела существенные особенности, обусловленные этническим составом населения, уровнем социально-экономического и культурного развития. Изучение женского движения в такой отдаленной окраине России, как Сибирь, позволяет увидеть, как региональные особенности влияли на социально-правовой, семейный статус женщины, представить общественную жизнь регионов в переломный период. Анализ социально-исторического опыта женского движения дает возможность обозначить его роль и место в социально-культурной жизни пореформенной Сибири.

Особое значение имеет анализ демографических (численность, уровень рождаемости, смертности, брачности, грамотности), социально-правовых характеристик женского населения, места женщин в общественном производстве. Их изучение в динамике позволяет проследить качественные изменения в женском социуме, явившиеся предпосылкой для зарождения и развития женского движения – одной из ярких страниц общественной жизни пореформенной России.

Актуальность проблемы определяется также тем, что в нашей стране проблема женского движения еще не нашла систематической и глубокой разработки, оставаясь «открытой» для специальных исследований. На региональном уровне «женская тема» на сегодняшний день только начинает привлекать внимание исследователей.

Начало изучения женского вопроса в отечественной историографии совпадает с его зарождением в пореформенные годы XIX в. «Творцом женского вопроса» принято считать писателя и публициста М.Л. Михайлова. Он заложил основы концептуального подхода к изучению женского движения, сравнивая его с движением за отмену рабства, борьбой за свободу и достоинство человеческой личности. Реформу общественных отношений, по его мнению, следовало начинать не с ликвидации крепостного права, а с преобразований в семье, поскольку именно патриархальная семья формировала абсолютистскую модель общественных отношений. В своих статьях М.Л. Михайлов наметил конкретные пути освобождения женщин: предоставление доступа к высшему образованию, равно с мужчинами права на труд и свободный выбор профессии, уравнивание в гражданских правах¹. Близко к позиции М.Л. Михайлова стоял другой видный шестидесятник, Н.В. Шелгунов, который видел важнейшее условие достижения подлинного равенства женщин в активном вовлечении их в общественное производство².

Авторов консервативного направления в историографии объединяло негативное отношение к эмансипации. Однако некоторые из них признавали необходимость реформы женского образования для привилегированных сословий – дворянства и чиновничества. Так, по мнению публициста И. Апрелева, к середине 1850-х гг. в России такая реформа назрела. Однако он выступал против участия женщин в общественном производстве, считая, что «трудиться может женщина и дома», поскольку ее главная задача – исполнять обязанности супруги и матери³. Другие категорически отрицали необходимость даже та-

ких изменений в положении женщин. Особенно яростно эту точку зрения отстаивали представители православной церкви. Бакалавр Киевской духовной академии В.И. Аскоченский на страницах журнала «Домашняя беседа» писал, что эмансипация противоречит Закону божью, который гласит: «Жена создана для мужа кость от кости его, плоть от плоти его». Любое проявление женской гражданской инициативы, даже в сфере благотворительности, он расценивал как «попытку отнять у нас жен и матерей, и наделить нас вместо того «синими чулками» и стриженными нигилистками»⁴.

Таким образом, на начальном этапе в разработке темы женского движения доминировали труды публицистического характера, которым было присуще пристальное внимание более к практическим задачам женского движения, нежели к вопросам его истории и теории.

Новый этап изучения истории российского женского движения связан с обращением исследователей к собственно научным аспектам проблемы: особенностям женского социума в России, причинам, характеру и формам женского движения, социальному составу его участников. Так, М.В. Кечерджи-Шаповалов в исследовании «Женское движение в России и за границей» (СПб., 1902) пришел к выводу, что отличительной чертой женского движения в России была значимость «самопомощи» как самостоятельного направления первых женских организаций. Причины этого автор видел в традиционной психологии коллективизма, присущей менталитету русского человека⁵.

Профессору Московского университета В.М. Хвостову принадлежит приоритет в разработке целого ряда проблем, связанных с повышением социального статуса женщин и становлением женского движения в России. Являясь преподавателем Высших женских курсов, ученый оказал большое влияние на идейные убеждения лидеров женских организаций начала XX в. Он одним из первых выявил связь женского вопроса с особенностями истори-

ческой эпохи капитализма. В.М. Хвостов справедливо отмечал, что именно в новое время вопрос о равноправии женщин приобрел острую социально-политическую актуальность, тогда как в древности он, как социальное и духовное явление, возникнуть не мог. Именно развитие крупной промышленности положило начало разрушению традиционного типа семьи, способствовало вовлечению женщин в общественное производство⁶.

Е.Н. Щепкина, председательница Союза равноправия женщин, в работе «Из истории женской личности в России» (СПб., 1914) представила картину исторического пути русской женщины от древности до начала XX в. Истоки незавидной женской доли в России она видела в «утверждении патриархальных начал» в семье и влиянии православной религии⁷.

Перечисленные работы относятся к либеральному направлению в историографии. Их авторов объединяет понимание женского движения как различных форм легальной борьбы женщин за равноправие в обществе. Они, как правило, не связывали его с борьбой за революционное ниспровержение существующего строя.

В противовес либеральной трактовке женского движения в работах представителей леворадикального направления акцент делался на его политической составляющей. Так, А.М. Коллонтай в своей работе «Социальные основы женского вопроса» (СПб., 1910) резко критиковала либеральных авторов за их стремление ограничить задачи женской эмансипации лишь требованием равного права на образование и труд, утверждая, что «надклассовость» этих требований не более чем иллюзия. По ее мнению, за этим скрывалось стремление буржуазии затушевать истинное содержание женского вопроса, решение которого возможно лишь при условии ликвидации общественного строя, основанного на социальной эксплуатации. Поэтому женское движение она рассматривала как часть политической борьбы пролетариата за свое освобождение⁸.

Разработка женского вопроса на общероссийском материале подтолкнула обращение к этой теме на региональном уровне. Первыми, кто поднял ее в Сибири, были историки областнического направления. Специальное монографическое освещение проблема женского неравенства получила у С.С. Шашкова, который в 1870-х гг. опубликовал два фундаментальных исследования – «Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция» (СПб., 1871) и «Очерк истории русской женщины» (СПб., 1872). Женский вопрос для Шашкова – часть социальной истории, неразрывно связанная с эволюцией семьи и государства. Шашков отводит женщине роль цивилизующего элемента в обществе. В Сибири же, в силу малочисленности женщин, развитие по пути культурного прогресса сильно тормозилось. Шашков считал, что положение сибирской женщины было хуже, чем в Европейской России, и объяснял это более низким культурным уровнем населения, грубыми патриархальными нравами, консервация которых была обусловлена общей исторической отсталостью Сибири⁹. Крайний негативизм в оценке общей концепции истории Сибири не позволил автору беспристрастно оценить особенности социального строя региона и место в нем женщины. А они заключались в том, что в сибирском обществе в силу отсутствия крепостного права и помещичьего землевладения общий уровень жизни населения был выше, не так резко ощущались социальные антагонизмы, характерные для центра страны. Это во многом определило и более высокий статус сибирской женщины.

Во многом со взглядами С.С. Шашкова созвучна общая тональность оценки сибирского общества историка и публициста А.П. Шапова¹⁰. Шапов рассматривал его через призму своей концепции особой сибирской народности, которая сформировалась в результате колонизации Сибири русскими. Существенным фактором сложных этносоциальных процессов, по мнению автора, являлись смешанные браки русских первопроходцев с женщинами

коренных народов. Поэтому женскому элементу в формировании сибирского социума историк отводил важное место, утверждая даже, что социально-культурный прогресс напрямую зависит от положения женщины в обществе. И если общество хочет улучшения своего антропологического расового типа, совершенствования социальных институтов, то ему нужно коренным образом менять подход к женскому образованию и воспитанию.

Женская тема получила дальнейшее развитие в трудах идеологов областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. На историческом материале XVII–XVIII вв. Ядринцев проследил особенности генезиса женского социума в Сибири. В статье «Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк» он впервые приводит материалы, характеризующие динамику численности женского континента, источники его формирования на начальном этапе колонизации Сибири, правовой статус сибирячек. Ядринцев, как и другие областники, считал, что в Сибири сложился особый тип общественных отношений, которому были свойственны черты демократизма, более высокая степень защищенности прав личности. Все это не могло не влиять на взаимоотношения полов¹¹. Но вместе с тем в своем капитальном труде «Сибирь как колония» (СПб., 1892) он утверждал, что дальнейшее развитие сибирского общества по пути гражданского и культурного прогресса сдерживается колониальной политикой центра. Игнорирование властью нужд сибирского края остро сказывалось в нехватке квалифицированных кадров. Решение этого вопроса теоретик областничества связывал с активным привлечением женщин в сферу культуры и образования. В этом он видел специфику женского вопроса в Сибири¹².

У Г.Н. Потанина нет специальных работ, посвященных женскому вопросу, а лишь множество отдельных положений о роли и месте женщины в семье и обществе¹³. Он считал, что вопросы эмансипации актуальны лишь для женщин, живущих собственным трудом. Возглавить жен-

ское движение должна интеллигенция. Необходимо направлять женщин к общественно полезной деятельности, которая имела бы для них «воспитательное значение», потому что в конечном итоге цель каждой женщины состоит не в «личном пробивании себе дороги к пирогу», а в сопричастности общественной и политической жизни страны. Ближайшую задачу женского движения в Сибири он видел в том, чтобы поднять, «возбудить» женское движение, найти женщинам дело на местной почве. Именно в провинции, путем практического вовлечения женщин в деятельность общественных, научных, профессиональных организаций, начнется подлинная эмансипация.

В работах других сибирских исследователей затрагивались лишь отдельные аспекты проблемы. Так, вопросы женского образования в Сибири рассматривали Н.Н. Бакай, П.М. Головачев, М. Соболев¹⁴. Исследования этих авторов насыщены ценным конкретным материалом, однако он подавался вне контекста проблемы женской эмансипации, поэтому женское образование не рассматривалось авторами как важный социализирующий фактор.

После Октябрьской революции тема женского движения отошла на второй план, а если историки и обращались к ее отдельным аспектам, то, как правило, через призму участия женщин в революционной борьбе. Проблема женского движения оказалась невостребованной и на региональном уровне, хотя не исчезла совсем из поля зрения историков. Отдельные ее аспекты поднимались попутно при изучении общих вопросов, как, например, истории образования.

В 1960–1970-е гг. наметился перелом в изучении проблемы, она получила «гражданство» в советской исторической науке. Появились исследования Э.П. Михеевой, А.Е. Иванова, Н.П. Ефремовой, П.С. Ткаченко, И.Н. Ковалевой, посвященные участию женщин в общественном движении. Но в силу господствовавшего в советской историографии социально-классового детерминизма женское движение трактовалась в них, главным образом, как

форма борьбы против самодержавного строя¹⁵. На региональном уровне изучение проблемы шло в общем для советской историографии формате. Исследованию женского движения в Сибири не уделялось сколько-нибудь значительного внимания. Даже в таком капитальном труде, как «История Сибири с древнейших времен до наших дней», эта тема не получила своего отражения¹⁶.

Хотя тема женского социума в Сибири так и не вылилась в эти годы в самостоятельную исследовательскую проблему, тем не менее на этом этапе были заложены предпосылки для ее изучения. Особый интерес в этом плане представляют труды по истории крестьянской семьи З.Я. Бояршиновой, В.А. Горелова, А.А. Лебедевой, Н.А. Миненко¹⁷. Предметом их анализа стали такие вопросы, как структура и численный состав сибирской семьи, семейные обычаи и традиции, права и распределение обязанностей между членами семьи. Однако отдельные вопросы «женской истории» рассматривались лишь попутно с изучением эволюции семьи.

Большой вклад в изучение крестьянской семьи в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. внес В.А. Зверев¹⁸. Предметом его исследований стали такие вопросы, как репродуктивное поведение крестьян, порядок семейных разделов, воспитание детей, влияние ссылки на различные стороны крестьянского быта, отношение к образованию и др. Значительный интерес для исследователей женской темы представляет приводимый Зверевым материал о трудовых обязанностях женщин в крестьянских семьях, их статусе, имущественных и наследственных правах, уровне образования.

Определенное внимание уделялось историками изучению женского труда в промышленности Сибири. Необходимо отметить работы В.И. Тужикова, Д.М. Зольникова, Б.К. Андрющенко, В.А. Скубневского, в которых освещены вопросы, касающиеся заработной платы женщин, оценены масштабы применения женского труда в промышленности. Однако эти проблемы рассматривались

лишь попутно, в связи с изучением процесса формирования пролетариата в Сибири¹⁹.

В целом, в советской историографии женский вопрос трактовался как неотъемлемая часть революционной борьбы рабочего класса за свое освобождение. А потому проблематика исследований была сужена, работы страдали общими недостатками, присущими советской исторической науке того времени: идеологизацией, ограниченностью источниковой базы. По проблемам «женской истории» не проводилось дискуссий, монографии немногочисленны, отсутствовали обобщающие работы. Хотя были основательно проработаны отдельные аспекты проблемы: история женского образования, роль женщин в освободительном движении. На региональном уровне отдельные аспекты социально-правового статуса женщин в Сибири исследовались как сопутствующие при разработке других научных задач.

В постсоветской историографии изучение проблемы женского движения получило новый импульс. Это было связано с более свободным проникновением методологических идей из зарубежной историографии. В частности, широкое распространение получили гендерные исследования.

Активно разрабатывает новую область исторического знания ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н.Л. Пушкарева, которая занялась «женской темой» еще в середине 1980-х гг. Она сосредоточила свое внимание на исследовании частной жизни женщин допетровского времени, их социально-правовом и семейном статусе²⁰. Истоки зарождения женского движения в России Пушкарева относит к первым десятилетиям XIX в. и связывает их с появлением «нетипичных, ярких женских личностей» – З.Н. Волконской, Е.И. Голицыной, Н. Дуровой и др., а не с общественным движением середины века. По ее мнению, именно они стали той силой, которая разрушила патриархальный тип русской семьи: «Они – некие «примерь», «модели», по образцу и подобию которых пытались строить свои биографии десят-

ки, а то и сотни последовательниц, что, разумеется, влияло на умонастроения общества в целом»²¹.

Необходимо отметить, что Пущкарева впервые вышла за рамки традиционного рассмотрения темы как части общественного движения, обратила внимание на фактически не изучавшуюся сферу частной жизни российской женщины. Однако гендерный подход также страдает односторонностью, как и классовый. Он не позволяет увидеть место изучаемого процесса в историческом контексте, а женский вопрос не может рассматриваться в отрыве от социально-экономических факторов.

Проблемы гендерной методологии исторического познания и феминологии находятся в центре внимания С.Г. Айвазовой²². По ее мнению, в России женское движение стало составной частью общественного движения страны, но частью не самой значительной, поскольку главной целью считалось освобождение от феодально-абсолютистского строя. Это объясняет широкое участие женщин в революционном движении. Женское движение было прервано революцией 1917 г. Большевики формально предоставили женщине юридические права и свободы, но «общественно полезный» труд обернулся для нее двойной нагрузкой – на работе и в домашнем быту. С.Г. Айвазова считает, что на современном этапе прерванная эмансипация женщин должна продолжиться, поскольку это явление связано не с революционным движением, а с процессом формирования свободной, полноценной личности. В работах Айвазовой история движения за женское равноправие сводится к истории женского самосознания и рассматривается в русле политической истории. Необязательным кажется использование автором категории гендера, которая понимается достаточно узко, как социальные интересы женщин.

Вопросы истории женского движения получили капитальную разработку в диссертационном исследовании О.А. Хасбулатовой «Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860–1917 годы)».

Согласно ее концепции, главной задачей деятельности женских организаций была самозащита, которая рассматривается как собирательное понятие, означающее самостоятельную инициативную деятельность личности с целью повышения своего статуса, самореализации в различных социальных сферах²³. Автор видит три направления в женском движении: реформистское, пролетарское и национал-патриотическое. Однако, на наш взгляд, выделение последнего направления в качестве отдельного течения не представляется обоснованным, так как оно не было оформлено ни организационно, ни идейно.

Фундаментальный труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.)» (СПб., 2000) в значительной мере заполнил пробелы в изучении социального статуса женщин из различных сословий в дореволюционной России. Миронов показывает процессы модернизации, протекавшие в русской семье в XVIII – начале XX вв., и утверждает, что еще в XV–XVII вв. в России сложился специфический патриархально-авторитарный семейный строй. Он сохранялся вплоть до реформ 1860-х гг. в семьях всех сословий, отношения в которых строились на доминировании мужчин над женщинами и главы семьи над всеми домочадцами, строгом разделении ролей по половозрастному признаку. В пореформенное время наблюдалась гуманизация семейных отношений, однако сильные пережитки крепостничества, стойкая патриархальность семейных отношений, слабое развитие феминистского движения помешали завершению этого процесса. Автору в полной мере удалось воссоздать подлинную картину положения русских крестьянок, горожанок, дворянок в семье и обществе, отраженную в обычном праве и законодательстве на протяжении почти трех столетий²⁴.

Значительный интерес для нашей работы представляет статья Н.М. Барышникова «Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX в.»²⁵. Предметом системного анализа стал процесс вовлечения женщин в

сферу бизнеса в начале XX в. Автор исследовал наиболее значимые структурные показатели женского предпринимательства: степень женской предпринимательской самостоятельности и активности, масштабы бизнеса и др. Однако М.Н. Барышников не рассматривает феномен женского предпринимательства в аспекте женского движения. Оставлен без внимания вопрос о причинах его зарождения, широкого и быстрого развития в изучаемый период, не раскрыто его влияние на социально-культурные процессы российского общества в этот период.

Если говорить о гендерных исследованиях на региональном уровне, то они еще пока не получили в сибиреведении полноправной «прописки». «Женская история» в Сибири так и не стала предметом специальных исследований. Но с конца 1990-х гг. появляются работы, посвященные различным аспектам данной проблемы.

В последнее время внимание исследователей все чаще привлекает сфера частной жизни сибиряков. В этом плане следует отметить работы Ю.М. Гончарова, который исследует историю западносибирской городской семьи в XIX в., в том числе и вопрос о роли в ней женщины. Он дает анализ правового статуса женщины, ее трудового вклада в материальное благосостояние семьи²⁶. Ю.М. Гончаров утверждает, что на социально-правовой статус женщин повлияло то обстоятельство, что Сибирь на протяжении XIX – начала XX вв. продолжала оставаться фронтиром – регионом интенсивной колонизации. Здесь ощущался постоянный недостаток женского населения, численно преобладали мужчины, поэтому семейные отношения в Сибири отличались большим демократизмом, чем в Европейской России. Положение женщины было более свободным и независимым, в общественном сознании сибиряков преобладало уважительное отношение к ней. Вместе с тем процессы освобождения, индивидуализации женщины у Гончарова показаны только в контексте истории городской семьи.

Красноярский историк Б.Е. Андусев считает, что в сибирской семье господствовали патриархальные отноше-

ния, однако в более мягком, чем в Европейской России, варианте. Женщины обладали высоким статусом: «Малейшее ущемление их прав, покушение на их достоинство осуждались и наказывались»²⁷.

Тема участия женщин в общественной и культурной жизни региона в последние годы стала привлекать не только историков. Проявлением возрастающего внимания к женскому вопросу в общественном сознании стало множество публикаций в местной печати. Однако работы краеведов, как правило, носят ограниченный фактологический характер. Так, в 2005 г. посмертно было опубликовано исследование Н.П. Мешалкина «Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков)»²⁸. Работа представляет собой серию очерков о видных женщинах Енисейской губернии. Очерки слабо связаны общей концептуальной идеей (видимо, в силу того что автор не успел закончить свое исследование).

В 1997 г. в Новосибирске вышла четырехтомная «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири». Это коллективный труд сибирских историков. В нем собраны уникальные материалы, содержащие ценные сведения о предпринимательской деятельности сибирских купцов, в том числе и женщин²⁹.

За рубежом также существует интерес к проблемам женского движения в Сибири в пореформенный период. В 2004 г. в США были переведены на английский язык и опубликованы воспоминания сибирячки, женщины-врача Анны Николаевны Бек с предисловием А. Рассвейлер³⁰, которая в начале 1990-х гг. приехала в Сибирь, чтобы исследовать степень вовлеченности сибирских женщин в общественную деятельность. Ее внимание привлекли неопубликованные воспоминания А.Н. Бек, и она сузила предмет своего исследования, полагая, что эти мемуары заслуживают отдельной публикации. Биография Анны Николаевны Бек ярко иллюстрирует русскую, в частности сибирскую, женскую историю, а также историю медицины в период переломных событий конца XIX – начала XX вв.

Таким образом, в отечественной историографии накоплен определенный материал, раскрывающий основные вехи женского движения в России, который может послужить отправной базой для дальнейшего изучения этой проблемы на обновленной методологической основе. Историкам еще предстоит решение целого комплекса задач, связанного с выявлением особенностей этого явления в России, и, думается, изучение женского движения на региональном материале послужит для этого необходимой предпосылкой.

Методологической основой настоящего исследования является синтез формационного и гендерного подходов. Формационный анализ позволяет исследовать женское движение в контексте развития капиталистической эпохи. Именно капитализм породил в обществе проблему женской эмансипации, дал толчок женскому движению, под которым следует понимать различные формы борьбы женщин за свои гражданские права. В этом смысле женское движение как исторический феномен неразрывно связано с развитием крупного производства, подорвавшего узкие рамки традиционного хозяйства и органически связанной с ним формы патриархальной семьи, в которой женщина занимала подчиненное положение.

Однако признание примата «экономического базиса» в истории общества отодвигает исследование психологической мотивации человеческих поступков на задний план; все, что связано с внутрисемейной жизнью, со спецификой брака, половых взаимоотношений, ролью женщины, остается «за кадром». При таком подходе совершенно не учитывается обратное влияние межполовых отношений на экономическую и общественную жизнь. Это не только обедняет многоцветную палитру человеческой истории, но в известной степени деформирует представление о ней. Дополнить традиционный социально-классовый анализ положения женщин в обществе комплексом антропологических, психологических, культурных характеристик позволяет сочетание формационного и гендерного подходов.

Концепция гендера подразумевает изучение положения женщин через призму, прежде всего, социопсихологических и социокультурных особенностей. Гендерный подход позволяет выделить женский социум Сибири в качестве самостоятельного объекта исследования и рассматривать его как общность, отличающуюся специфическими демографическими характеристиками и многоуровневыми социальными функциями, меняющимися на протяжении исследуемого периода. Гендерные исследования строятся на междисциплинарном подходе, развиваются в тесной связи с такими науками, как социальная философия, социальная и общая психология, социология, антропология и этнология. Они делают акцент на биосоциальных и психологических факторах и их роли в мотивации людей, поскольку мужчины и женщины отличаются по целому ряду морфологических, психофизиологических характеристик.

Из различных исследовательских методов, выработанных отечественной наукой, в нашей работе применялись сравнительно-исторический, хронологический, логический, статистический. В частности, сравнительно-исторический метод позволил выделить особенности женского движения в Сибири. С помощью хронологического метода мы попытались проследить женское движение в динамике, увидеть изменения, происходившие в нем на разных этапах. При анализе демографических особенностей населения Сибири, оценке участия женщин в общественном производстве и общественно-культурной жизни применялся статистический метод. Кроме того, использованы такие методы гендерных исследований, как социологический (определяющий социальную обусловленность мужского и женского бытия), аксиологический (утверждающий равную самооценку личности мужчины и женщины), институциональный (ориентирующийся на изучение социальных институтов, влияющих на жизнедеятельность женщин).

Исторические источники по изучаемой проблематике

достаточно многообразны. К актовым источникам относятся документы юридического характера. В работе использовались законодательные акты, характеризующие правовое положение и социальный статус женщин в дореволюционной России, опубликованные в Своде законов Российской империи и специальных тематических сборниках³¹.

Анализируя гражданское право Российской империи, необходимо помнить, что существовало противоречие между положением женщин по закону и в реальной жизни. Законодательство не успевало закреплять те новые права, которые они постепенно приобретали в жизни. Кроме того, женщины из различных социальных групп были неравны перед законом: под действие Свода гражданских законов попадали лишь представительницы господствовавших классов, тогда как подавляющую массу женщин в России в XIX в. составляли крестьянки, а они жили по нормам обычного права.

К этой же группе источников относятся и частноправовые акты. В фондах губернских управлений и окружных судов содержатся договоры купли-продажи, дарения имущества, нотариально заверенные доверенности и завещания, составленные от имени женщин. Они свидетельствуют о том, что к концу изучаемого периода сибирячки стали практически полноправными участницами экономических отношений.

Делопроизводственные источники представлены документацией различных дореволюционных ведомств и учреждений. Так, в работе используется отчетная документация губернских управлений и городских управ, которая содержит богатый фактический материал, свидетельствующий о возраставшей во второй половине XIX – начале XX вв. общественной активности женщин в сибирских городах. Это разрешения городских властей на издательскую деятельность, частную торговлю, содержание аптек, школ, отдельные от мужей виды на жительство, постановления городских дум о присвоении званий почетных

гражданок и т.д. Существенный интерес представляют материалы фондов уездных полицейских и жандармских управлений, местных отделений окружных судов. Журналы заседаний окружных судов, дела о расторжении браков, судебных тяжбах между членами семей, уголовных преступлениях, списки лиц, состоявших под негласным надзором полиции, содержат информацию о различных видах преступлений, в которых принимали участие женщины, наказаниях, применяемых к ним. Одновременно это позволяет судить о положении женщины в системе судопроизводства и уголовного права в Сибири. Исключительное значение для изучения роли женщины в хозяйственной жизни края имеют данные, полученные при обследовании экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири, а также сведения о землепользовании и сельскохозяйственном быте сельского населения Иркутской и Енисейской губерний³². В них содержится богатый материал об интенсивности женского труда в сельском хозяйстве, масштабах отходничества, участии женщин в кустарных промыслах.

Недостатком делопроизводственных источников является то, что они фиксируют лишь фактическую сторону дела, оставляя в стороне такие важные аспекты проблемы, как менталитет, социальная и психологическая мотивация общественной деятельности сибирячек.

В следующую группу источников объединены статистические сборники: материалы первой Всеобщей переписи населения 1897 г., статистические временники, ежегодники, обзоры промышленности, памятные книжки по сибирским губерниям, составлявшиеся губернскими статистическими комитетами. Упомянутые издания позволяют проследить динамику численности, социального состава, вероисповедания, уровня образования, профессиональной занятости женского населения Сибири. Однако дореволюционная статистика освещала далеко не все стороны социального положения женщин³³.

Особую роль как источник играет периодическая пе-

чать. На страницах центральных и сибирских изданий женский вопрос рассматривался в ряду важнейших общественных вопросов современности. Материалы периодической печати представляют собой группу информативных источников, позволяющих изучить отношение общества к существующей в России и Сибири системе распределения прав и обязанностей между полами, женскому движению и феминистской мысли конца XIX – начала XX вв.

Важную группу составляют источники личного происхождения. При написании работы были использованы воспоминания первой сибирской писательницы Е.А. Авдеевой-Полевой, публициста и общественного деятеля В.И. Вагина, врача, литератора Н.А. Белоголового, писателя И.Т. Калашникова, редактора «Восточного обозрения» И.И. Попова, чиновника В.В. Струве, сибирского купца и мецената Н.М. Чукмалдина и др.³⁴ Они содержат ценные свидетельства современников, характеризующие сибирское общество пореформенного периода, позволяют выявить предпосылки возникновения женского движения, идейные истоки самоорганизации женщин, изучить развитие женского образования в регионе, статус и положение в семье женщин различных социальных групп.

По своему характеру и информативным возможностям к мемуарам близки путевые заметки³⁵. Они содержат описание быта сибирского населения, семейных обрядов, традиций, хозяйства. Недостатком этого вида источников является то, что интересующий нас материал о положении и статусе женщины в семьях сибиряков и обществе фрагментарен, крайне отрывочен.

В целом документы личного происхождения достаточно разнообразны по содержанию, отражают различные аспекты изучаемой темы, при этом требуют критического осмысления, тщательного анализа и отбора наиболее существенных.

Таким образом, широкий комплекс представленных источников создает основу для целостного изучения женского движения в Сибири во второй половине XIX – начале

XX вв. Многообразие видов использованных источников, несомненно, повышает ценность информационного поля, создаваемого ими. Значительная часть источников введена в научный оборот впервые.

Примечания

¹ Михайлов, М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. – 1860. – I – IV. Т. LXXX. № 4, апрель. – С. 473–499; № 5, май. – С. 89–106; № 8, август. – С. 335–350.

² Шелгунов, Н.В. Женское безделье // Русское слово. – 1865. – № 7.

³ Апрелев, И. Заметки о женщинах // Семейный круг. – 1859. – № 4. – С. 126.

⁴ Аскоченский, В.И. // Домашняя беседа. – 1864. – № 6. – С. 159–173.

⁵ Кечерджи-Шаповалов, М.В. Женское движение в России и за границей. – СПб., 1902.

⁶ Хвостов, В.М. Женщина и человеческое достоинство. Историческое судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. – М., 1914. – 510 с.; Он же. Женщина накануне новой эпохи. Два этюда по женскому вопросу. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1905. – 101 с.

⁷ Щенкина, Е.Н. Из истории женской личности в России: Лекции и статьи. – СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1914. – 307 с.

⁸ Коллонтай, А.М. Социальные основы женского вопроса. – СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1910. – 431 с.

⁹ Шашков, С.С. Сибирское общество накануне своего юбилея // Дело. – 1879. – № 3. – С. 299.

¹⁰ Шапов, А.П. Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества // Отечественные записки. – 1874. – № 5–6. – С. 426–456; Он же. Положение женщины в России по допетровскому воззрению // Дело. – 1873. – № 4. – С. 170–177; № 6. – С. 138–145.

¹¹ Ядринцев, Н.М. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях. Исторический очерк // Женский вестник. – 1867. – № 8. – С. 104–123.

¹² Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

¹³ Потанин, Г.Н. Письма: в 4 т. / Г.Н. Потанин; сост. А.Г. Грум-Гржимайло. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977.

¹⁴ Бакай, Н.Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии. – Красноярск: Тип. Е.Ф. Кудрявцева, 1895. – 78 с.; Головачев, П. Исторический очерк женского образования в Сибири // Сибирская жизнь. – 1898. – № 231, 234; Соболев, М. К вопросу об университетском образовании женщин // Сибирь. – 1901. – № 237. – С. 6–7.

¹⁵ Михеева, Э.П. Из истории высшего женского образования в Рос-

сии // История СССР. — 1969. — № 2. — С. 174–179; Иванов, А.Е. За право быть студенткой // Вопросы истории. — 1973. — № 1. — С. 206–210; Ефремова, Н.П. Елизавета Дмитриева — героиня Коммуны // Вопросы истории. — 1972. — № 3. — С. 213–216; Она же. «Шестидесятницы» // Вопросы истории. — 1978. — № 9. — С. 78–83; Ткаченко, П.С. Из истории высшего образования русских женщин // История СССР. — 1979. — № 5. — С. 171–179.

¹⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т.3. Сибирь в эпоху капитализма / ред. Ф.А. Кудрявцев. — Л.: Наука, 1968. — 530 с.

¹⁷ Бояршинова, З.Я. Крестьянский двор в Сибири как производственная единица // Вопросы истории дореволюционной Сибири: сб.ст. — Томск: Изд-во ТГУ, 1983. — С. 6–16; Горелов, В.А. Структура и численный состав семьи (по материалам Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири: сб. ст. Ч. 1. — Новосибирск: Наука, 1971. — С. 96–105; Лебедева, А.А. Семья и семейный быт русских Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. — Новосибирск, 1975. — С. 81–102; Миненко, Н.А. Община и русская крестьянская семья в Юго-Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в.: сб.ст. — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 104–126.

¹⁸ Зверев, В.А. Внутрисемейные отношения у русских крестьян Сибири конца XIX — начала XX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: сб. науч. тр. — Новосибирск: НГПИ, 1981. — С. 82–108; Он же. Численность и структура русской крестьянской семьи в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: межвуз. сб. научн. тр. — Новосибирск: НГПИ, 1980. — С. 28–57 и др.

¹⁹ Тужиков, В.И. О формировании пролетариата Сибири во второй половине XIX в. (1861–1891 гг.) // Вопросы истории Сибири: сб. ст. Вып. 1. — Томск: Изд-во ТГУ, 1964. — С. 56–66; Зольников, Д.М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. — Новосибирск: Наука, 1982. — 207 с.; Андрищенко, В.К. Капиталистическая обрабатывающая промышленность пореформенной Сибири и ее рабочие кадры: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Томский ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного знамени государственный университет им. В.В. Куйбышева. — Томск, 1989. — 252 с.; Скубневский, В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. — февр. 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Алтайский государственный университет. — Барнаул, 1991. — 447 с.

²⁰ Пушкарева, Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» // Отечественная история. — 2002. — № 6. — С. 52–66; Она же. Женщины Древней Руси. — М.: Мысль, 1989. — 286 с.; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). — М.: Ладомир, 1997. — 381 с. и др.

²¹ Пушкарева, Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» // Отечественная история. — 2002. — № 6. — С. 53.

²² Айвазова, С. Гендерное равенство в контексте прав человека. — М.: Юрид., 2001. — 80 с.; Она же. Женское движение в России: традиции и современность // Общественные науки и современность. — 1995. — № 2. — С. 121–130; Она же. Идеи истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. — 1991. — № 4. — С. 12–134 и др.

²³ Хасбулатова, О.А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860–1917 годы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный социальный университет. — М., 1995. — 41 с.

²⁴ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000.

²⁵ Барышников, М.Н. Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX в. // Факты и версии: историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Кн. 2. — СПб., 2001. — С. 51–64.

²⁶ Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX вв. — Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. — 383 с.; Он же. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX — начала XX в. // http://zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

²⁷ Андусев, Б.Е. Сибирское краеведение: учеб. пособ. для учащ. и студ. — Красноярск: РИО КГПУ, 1999. — С. 142.

²⁸ Мешалкин, П.Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков). — Красноярск: СибГТУ, 2005. — 108 с.

²⁹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / отв. ред. Е.Н. Зуева, В.А. Скубневский. — Новосибирск: Наука, 1994–1997 гг.

³⁰ Rassweiler, I. The Life of a Russian Woman Doctor / Indiana University Press, 2004.

³¹ Свод законов Российской империи. Т. III. Уставы о службе гражданской. — СПб., 1896. — 250 с.; Т. IX. Законы о состояниях. — СПб., 1876. — 312 с.; Т. X. Свод законов гражданских. — Пг., 1914. — 479 с.; Т. XI. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. — СПб., 1857. — 264 с.; Т. XV. Законы судопроизводства уголовного. — СПб., 1876. — 154 с.; Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. — СПб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1873. — 338 с.

³² Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. III, IV, X. — СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1889–1890; Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии: в IV т. — Иркутск, 1889–1893.

³³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в II т.

Т. I. / под ред. Н.А. Тройницкого. — Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905; Ежегодник России, 1907 г. — Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1908; Статистический временник Российской империи. — Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866; Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — Спб.: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1865 и др.

³⁴ Авдеева, Е. Воспоминания об Иркутске. — Оттиск; Вагин, В. Сороковые года в Иркутске // Литературный сборник. — Иркутск, 1895. — С. 249–280; Белоголовый, Н.А. Воспоминания и другие статьи. — М.: Типо-литография К.Ф. Александрова, 1897. — 654 с.; Калашников, И.Т. Записки Иркутского жителя // Русская старина. — 1905. — № 7. — С. 187–251; № 8. — С. 384–409; № 9. — С. 609–646; Попов, И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. — Иркутск: Восточ.-Сиб. кн. изд., 1989. — 384 с.; Шубкин, Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы) / публ., предисл. и послесл. В.Н. Шубкина. — СПб.: РХГИ, 1998. — 672 с.; Кащенко, Н.Ф. Сибирские высшие женские курсы. Их положение, нужды и надежды. — Томск: Типо-литография Сибирского Товарищества печатного дела, 1912. — 16 с.

³⁵ Белов, И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. — М.: Тип. А. Семена, 1852. — 105 с.; Исаев, А.А. От Урала до Томска // Вестник Европы. — 1891. — Кн. 9. — Т. 5. — С. 55–87; Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири. — Спб.: Тип. М.О. Вольфа, 1868. — 351 с.; Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. — Тюмень: Тип. К. Высоцкого, 1878. — 164 с. и др.

Глава 1. ЖЕНСКИЙ СОЦИУМ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

1.1. Женский контингент населения Сибири

Сибирь представляла собой колонизируемую окраину, что определяло специфику демографического развития региона. Одной из особенностей демографической структуры населения была диспропорция полов. Она возникла на ранних этапах колонизации и была связана с тем, что продвижение на восток осуществлялось отрядами казаков и промысловиков. Опасная, полная лишений жизнь первопроходцев не способствовала обзаведению семьями.

В конце XVI – начале XVII вв. в среде служилых людей распространенным явлением была торговля женщинами, а также обычай отдавать своих жен в «кортому» (аренду). К примеру, если муж уходил в далекий поход, то за определенную сумму оставлял свою жену желающему, чтобы тот пользовался всеми правами мужа. Многие служилые, уже имея жен и детей на Руси, в Сибири снова женились, либо, выехав в Москву с «соболиною казною», воеводскими поручениями или по другим делам, женились там и затем увозили жен в Сибирь, где продавали их своим товарищам.

Первоначально малочисленность женщин остро ощущалась и в крестьянской среде. Успешное ведение земледельческого хозяйства было невозможно для крестьянина-одиночки и требовало семьи с несколькими работниками. Крестьяне не могли обзавестись собственным хозяйством, жаловались, что отсутствие в доме хозяйки мешает заниматься полевыми работами, неоднократно писали челобитные с просьбами прислать им «гу-

лящих женок» (то есть свободных, вольных). Так, в 1627 г. подал челобитную тобольскому воеводе крестьянин Иван Семенов от имени двадцати товарищей. В ней он, жалуясь на тяжелую жизнь, просил прислать наряду с лошадьми и денежным жалованьем «гулящих женочек, на ком жениться». «Как, государь, с твоей государевой пашни придем, — хлеба печем и ести варим и толчем и мелем сами, опочиву нет ни на малый час! А как бы, государь, у нас, сирот твоих, женишки были, и мы бы хотя избные работы не знали...». Воевода распорядился выдать крестьянам по 2 рубля денег, купить лошадей, но в «гулящих женках и девках» было отказано, поскольку таковых в Тобольске не нашлось¹.

По мере налаживания хозяйственного и общественно-го быта соотношение полов постепенно начинает выравниваться. Так, по данным десятой ревизии 1858 г., доля мужчин составляла 51 % населения Сибири (1495 928 чел.), женщин — 49 % (1 440 108)².

В пореформенный период в Сибири начались значительные изменения, свидетельствовавшие о постепенном втягивании этой отдаленной окраины в общероссийские процессы. Ускорение торгово-промышленного развития, рост городов и переселение из европейской части страны не могли не сказаться на социально-демографической ситуации, способствуя количественным и качественным изменениям в соотношении различных социальных групп населения, его половозрастного состава, повышению социальной мобильности, росту профессионального и культурно-образовательного уровня. Однако вплоть до конца 1890-х гг. продолжало сохраняться преобладание мужчин. Так, по данным первой Всеобщей переписи населения 1897 г. в Сибири и на Дальнем Востоке проживало 5 758 822 человека, из них мужчин — 2 964 419 (51,4 %), женщин — 2 794 403 (48,6 %)³ (Приложения. Табл. 1), тогда как по России в целом в соотношении полов преобладали женщины: на 100 мужчин приходилась 101,1 женщина, в Европейской России — 104,2, а в Сибири — лишь 94,3⁴. При этом половозрастной состав старожильческого насе-

ления Сибири был более сбалансированным и благоприятным для естественного воспроизводства, а вот в составе переселенцев преобладал мужской контингент. Семьи, имевшие относительно большее количество мужчин, могли получить в Сибири больший земельный надел, поэтому переселенцы стремились выдать дочерей замуж на родине.

Территория Западной Сибири к этому времени в значительной степени уже была освоена и заселена, а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке процент переселенцев к концу 1890-х гг. заметно возрастает. Поэтому с продвижением на восток численность мужского народонаселения увеличивалась. Так, в 1897 г. в Тобольской губернии на 100 мужчин приходилось 102,8 женщины, в Томской — 100,4, в Енисейской — 90,7, Иркутской — 87,6, Забайкальской — 78,3, Амурской — 76,2, Приморской — 46,2, а на Сахалине только 37,2 (Приложения. Табл. 2).

Особенно ощутимым дисбаланс между полами был в городах. Согласно переписи 1897 г., женщины составляли 43,6 % городского населения Сибири, однако в Западной и Восточной Сибири этот разрыв был не таким большим, как на Дальнем Востоке. К примеру, в городах Томской губернии женщины составляли 48,9 % населения, Иркутской губернии — 47,3%, в городах Приморской области — 19,3 %, на о. Сахалин — 17,8 %⁵.

Диспропорция полов объяснялась особенностью социального состава населения сибирских городов — преобладанием военнослужащих и чиновников. Подавляющее большинство из них приезжали сюда по назначению из Европейской России. Как правило, они были людьми молодыми и холостыми, а поскольку службу свою они рассматривали как явление временное, то не спешили обзаводиться семьями на новом месте. Кроме того, многие города являлись центрами золотодобывающих районов, что определяло приток сюда мужчин. Только в маленьких городах, не имевших большого торгово-промышленного или транспортного значения, доля женщин могла быть выше. Данные переписи 1897 г. под-

тверждают, что мужское население было мобильнее женского. Так, в Томской губернии среди городского населения 40,5 % мужчин и 48,1 % женщин были уроженцами того же уезда, где и родились, 12,6 % мужчин и 12,5 % женщин были уроженцами другого уезда той же губернии, 46,7 % мужчин и 39 % женщин – уроженцами других губерний. В округах Томской губернии уроженцами были 63,4 % мужчин и 66,1 % женщин, по 2,3 % мужчин и женщин были уроженцами другого уезда той же губернии и по 34,1 % – уроженцами других губерний⁶.

К началу XX в. удельный вес численности женщин среди городского населения Сибири повысился: в 1897 г. в среднем на 1 000 мужчин в городах приходилось 754 женщины, в 1914 г. – 811⁷. Однако и в это время численное преобладание мужчин сохранялось. В 1907 г. здесь проживало 6 893 900 чел., из них 3 522 500 мужчин (51 % населения) и 3 371 400 женщин (49 %)⁸. В период Первой мировой войны в структуре населения происходили большие изменения. Повышенная смертность, снижение рождаемости, гибель мужского населения на фронте, эпидемии и прочие неблагоприятные факторы изменили как общую численность населения, так и его половой, возрастной состав и размещение, поэтому к концу изучаемого периода в Сибири наметилось преобладание женщин. Так, данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. показывают, что в Сибири проживало 11 321 000 чел. (из них 10 232 400 сельского и 1 088 600 городского населения). Среди сельского населения Сибири 53 % (4 697,3 тыс.) составляли женщины и лишь 47 % (4 099,7 тыс.) – мужчины. Это объясняется тем, что из Сибири было мобилизовано на войну 1 111,1 тыс. мужчин (7,24 % всего количества мобилизованных в стране)⁹.

Переписи, проводившиеся в условиях военного времени в 1916 и 1917 гг., были неполными, а их материалы детально не разрабатывались. Перепись населения 1920 г. подтвердила, что в первой четверти XX в. в регионе численно преобладали женщины. В 1920 г. в Сибири проживало 8 078 837 человек: 4 155 120 (51,5 %) женщин и 3 923 717

(48,5 %) мужчин¹⁰. Численное преобладание женщин в сельской местности было более значительным: на 100 мужчин приходилось 106,6 женщин, в городах – 101,1, а в целом по Сибири – 105,9 (Приложения. Табл. 3, 4, 5).

Таким образом, из-за постоянного притока переселенцев в течение всего изучаемого периода в Сибири сохранялось численное преобладание мужчин над женщинами и лишь с 1916 г., под влиянием Первой мировой войны, количество женщин стало превышать количество мужчин.

Для характеристики женского населения Сибири большое значение имеют не только численность, но и такие показатели, как средний возраст, уровень рождаемости и смертности, семейное положение, сословный, конфессиональный состав, грамотность. Наиболее полные сведения по ним дает Первая всероссийская перепись населения 1897 г.

Возрастной состав населения Сибири имел ряд отличительных особенностей. Согласно переписи значительной была доля детей (до 9 лет) – 25,1 % мужского населения и 26,8 % женского, причем городские жители по количеству детей уступали сельским. В городах было сосредоточено гораздо меньше (относительно общей численности городского населения) детей, подростков и пожилых людей, чем в сельской местности. Люди зрелого возраста составляли здесь более значительную группу населения. Это объясняется тем, что города постоянно испытывали приток большого количества взрослого населения, в сельской местности он был менее значителен¹¹ (Приложения. Табл. 6). В детском и юношеском возрасте (до 19 лет) женщины численно преобладали над мужчинами (47,5 и 44,6 % соответственно). В зрелом возрасте (20–59 лет) количество мужчин превышало количество женщин (47,3 и 44,8 %), особенно в городах, где было сосредоточено много пришло-го населения (61,5 % мужчин и 49,5 % женщин). В сельской местности этот разрыв не был таким большим (47,3 % мужчин и 44 % женщин), что обуславливалось усиливав-

шимся отходом мужчин на золотые прииски, промыслы, в города¹².

Процентное отношение, выражающее численность каждой возрастной группы, уменьшалось вместе с возрастом. Однако в Сибири, по сравнению с губерниями Европейской России и империи в целом, была высокой численность стариков (старше 60 лет): в Европейской России – 6,9 % мужчин и 7,2 % женщин, в Сибири – 8,1 % мужчин и 7,7 % женщин. Поскольку в Сибири уровень жизни населения был выше, чем в губерниях европейской части страны, то и средняя продолжительность жизни была выше¹³. Средний возраст мужчин в Сибири равнялся 26,7 года, женщин – 25,7, тогда как в Европейской России – 24,9 года у мужчин и 25,5 у женщин, а в целом по империи – 25 у мужчин и 25,3 у женщин¹⁴ (Приложения. Табл. 7). Таким образом, население Сибири было несколько старше населения других областей Российской империи, что также было обусловлено притоком большого числа переселенцев, среди которых преобладали люди зрелого возраста.

Для России в целом, благодаря господствовавшей традиции браков в раннем возрасте, уровень брачности был достаточно высоким: на 1 000 человек в 1850 г. он равнялся 20,6. Однако к концу пореформенного периода наблюдается устойчивая тенденция к снижению брачности: в 1880 г. – 18,4, в 1900 г. – 17¹⁵. В Сибири же эта тенденция была выражена не так заметно. В середине XIX в. она составляла 19,1 на 1 000 человек населения, в 1890-х гг. – 18,8, в начале XX в. – 18,4¹⁶. Демографическое поведение населения региона относилось к традиционному типу, для которого были свойственны жесткие стандарты, обусловленные хозяйственно-экономической целесообразностью и давлением социальных и религиозных стереотипов. Обычным явлением была ранняя брачность – до 30 лет. Перепись 1897 г. показала, что в Сибири в возрасте 15–19 лет в браке уже состояло 11 % мужчин и 15,2 % женщин, что свидетельствует о более раннем возрасте вступления в брак у женщин. К 39 годам в браке состояло 55,8 % мужчин

и 80,3 % женщин, затем количество замужних и женатых сокращается за счет роста вдовцов в старческом возрасте¹⁷ (Приложения. Табл. 8). Статистические данные отдельно по губерниям подтверждают, что у женщин возраст вступления в брак был ниже, чем у мужчин. Так, в 1902 г. в Енисейской и Тобольской губерниях 2/3 женихов были в возрасте от 21 до 50 лет, 1/3 составляли юноши до 21 года, мужчины старше 50 лет – около 1 %. Невест моложе 21 года было 2/3, в зрелом возрасте (21–50 лет) – 1/3, старше 50 лет – 0,5 %¹⁸. В тех местностях, где особо остро ощущалась диспропорция полов и нехватка женщин, для того чтобы сохранить женщину в домашнем хозяйстве, старались подольше не выдавать замуж дочерей, а сыновей женить как можно раньше. На Алтае дочерей выдавали замуж в 22–24 года, а сыновей в 15–17 лет, в Приангарье – в 25–27 и в 18–20 лет соответственно¹⁹. В итоге невесты зачастую были старше женихов на 5–7 лет. Однако со временем ослабление хозяйственной функции семьи, развитие самостоятельности личности привели к тому, что выбор брачного партнера и времени вступления в брак стал больше зависеть от самих брачующихся.

Необходимо отметить, что количество вдовых женщин намного превышало количество вдовцов. Это объясняется тем, что женщины редко вступали в повторный или третий брак. Браки вдовцов с вдовами также были редкими. Вдовцы предпочитали жениться на девицах и очень редко на вдовах, поскольку те были уже в возрасте или обременены детьми. Так, в 1902 г. в Енисейской и Тобольской губерниях наибольшее количество браков было заключено между холостыми и девицами (в среднем 837 на 1 000 браков), затем шли браки вдовцов с девицами (в среднем 87 на 1 000 браков), браки вдовцов с вдовами (47 на 1 000 браков), и на последнем месте по численности были браки холостых с вдовами (28 на 1 000)²⁰.

Если сравнить уровень брачности населения Сибири в возрасте от 15 до 49 лет с аналогичным показателем по

Европейской России или империи в целом, то выясняется, что в Сибири процент мужчин, состоявших в браке, был меньше, а процент холостых и вдовцов — выше. Здесь было много военных, чиновников, которые не спешили обзаводиться семьями. У женщин же, наоборот, процент состоявших в браке превышал показатели по империи и Европейской России, а количество незамужних и вдовых было меньшим. Это объясняется тем, что процесс колонизации Сибири обусловил специфическую демографическую структуру населения — женщин было меньше, чем мужчин, а каждое крестьянское хозяйство нуждалось в женских рабочих руках²¹ (Приложения. Табл. 9).

При сравнении степени брачности городского и сельского населения Сибири выясняется, что среди сельских жителей доля мужчин и женщин, состоявших в браке, была гораздо выше, чем среди горожан, как и в целом по России. Согласно переписи населения 1897 г., в городах Сибири в браке состояли 54 % мужчин и 55,3 % женщин (в возрасте от 15 лет и старше), в сельской местности — 64,1 и 67,8 % соответственно; в Европейской России: в городах — 54 и 49,9 %, на селе — 67,4 и 64,7 % соответственно²². Кроме того, официальная статистика показывает, что в городах и мужчины, и женщины вступали в брак в более позднем возрасте, чем в сельских районах. Средний возраст вступления в брак в городе был примерно на 3 года выше, чем у новобрачных в деревне²³. Особенно высоким этот возраст был у купцов, чиновников, военных при достаточно высокой средней разнице в возрасте супругов, достигавшей 8-10 лет²⁴. Более высокий возраст вступления в брак в купеческих семьях был связан с тем, что достижение экономической самостоятельности мужчиной требовало времени, и они могли позволить себе жениться только годам к тридцати. Для чиновников и служилого дворянства брачный возраст отодвигался на более позднее время в связи с необходимостью получения образования и достижения определенного служебного положения, позволявшего прокормить семью. Военные также вступали в брак позднее

в связи с трудностями службы. В то же время в среде мещан и городского крестьянства возраст вступления в брак и разница в возрасте супругов были низкими (в среднем 2-4 года), что диктовалось необходимостью женских рабочих рук для ведения хозяйства.

Количество официальных разводов было ничтожным. Согласно переписи 1897 г., в Сибири было 0,4 % разведенных мужчин и 0,3 % — женщин²⁵. Получить развод было чрезвычайно трудно. Несмотря на большие денежные затраты и потери времени, возбуждение ходатайства о разводе не гарантировало успеха. Потому если на него и решались, то обычно уже после фактического разрушения семьи, главным образом для того, чтобы получить законную возможность вступить в новый брак или оформить брак, уже возникший фактически.

Браки разрушались по разным причинам, но закон признавал уважительной только измену одного из супругов, поэтому инициатор развода обычно обвинял супруга в прелюбодеянии. В Тобольской епархии с 1890 по 1915 гг. количество бракоразводных дел, возбужденных крестьянами, составило 732. Большинство этих дел было возбуждено под предлогом «прелюбодеяния» — 437 (52,6 %), из них по инициативе мужей, обвиняющих жен, 385 (88,1 %), по инициативе жен — лишь 52 (11,9 %). Женщины, при их меньшей грамотности и бесправном положении, значительно реже мужей ходатайствовали о разводе²⁶.

Крестьянам трудно было выбраться из дальних деревень в губернский город для оформления документов и процедуры развода. Бракоразводные дела тянулись медленно, иногда много лет. Так, в 1903 г. еще не были решены дела о разводе в Иркутской духовной консистории супругов-крестьян Киренского уезда Черкашиных (возбуждено в 1895 г.) и Березовских (велось с 1896 г.)²⁷. В 1913 г. в Сибири было официально расторгнуто или признано недействительными лишь 250 браков, что составляло 0,35 развода на каждые 10 000 человек православного населения (в Европейской России соответствующий пока-

затель равнялся 0,38²⁸). В результате многие фактически распавшиеся семьи были вынуждены обходить закон: получили распространение неузаконенные разводы. Особенно широко они были распространены в крестьянской среде. Этот факт подтверждал известный знаток быта сибирских крестьян Н.А. Костров: «Официальные, законные, разводы в семьях наших крестьян почти никогда не бывают, так как достижение их сопряжено с хлопотами, превышающими средства крестьянина. Но зато весьма часты разводы добровольные или самовольные»²⁹.

Большая часть жизни женщины была посвящена семейным обязанностям, главнейшая из которых была связана с рождением и воспитанием детей. Уровень рождаемости в Сибири на 1 000 человек населения равнялся: в 1897 г. — 49,3, в 1899 г. — 55,2, в 1901 г. — 51,3, в 1903 г. — 50,1, в 1905 г. — 45,4, в 1907 г. — 49,2, в 1909 г. — 53,8, в 1911 г. — 50,7, в 1913 г. — 49³⁰. Таким образом, рождаемость в Сибири на протяжении всего изучаемого периода держалась на достаточно высоком уровне, тогда как в целом по России во второй половине XIX — начале XX вв. наблюдалась тенденция ее снижения, что было обусловлено намеренным прототвращением рождений, увеличением числа разводов и возраста вступления в первый брак. Причина — постоянный приток переселенцев, среди которых были сильны традиционные стереотипы. К тому же большая людность семьи имела значение для хозяйственного освоения на новом месте. Так, к примеру, в 1895 г. в Енисейской губернии было 51,3 родившихся на 1 000 жителей обоего пола, причем в округах в среднем — 51,6, а в городах — 48³¹.

С середины XIX в. среди городского населения Сибири малая семья стала преобладающей. Причем людность семьи значительно различалась по сословиям. Так, например, по подсчетам Ю.М. Гончарова, в Барнауле в 1897 г. она составляла: среди дворян и чиновников — 3,2 человека, духовенства — 6,5, купечества — 5,3, мещан — 3,7, военных — 3,3, крестьян — 3,4³². Появились такие группы населения, как интеллигенция, рабочие, чиновники, которые жили только

малыми семьями. Большая семья изживала себя, сохраняясь лишь в отдельных группах населения, например среди части купечества, у старообрядцев.

На показатели рождаемости и естественного прироста населения оказывала влияние продолжительность репродуктивного периода женщины. В 1892 г. красноярский врач В.М. Крутовский проводил медицинское обследование женщин Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. Результаты обследования показали, что половая зрелость, т.е. время наступления первой менструации, у сибирских девушек наступала в среднем в 15,1 года (у горожанок в 14,7 года, у деревенских девушек — в 15,6). Родовой период наступал у горожанок к 17 годам, у деревенских женщин — к 19. Одна нерожавшая женщина приходилась на 11,6 рожавших. Менопауза наступала у горожанок в 45,5 года, у деревенских — в 46,7. Возраст последних родов приходился на 38-39 лет³³. Таким образом, средняя продолжительность половой жизни сибирских женщин от наступления первой менструации до менопаузы составляла более 30 лет, период активного деторождения был существенно короче — около 20 лет. Тяжелые условия жизни и огромные физические нагрузки ограничивали способность женщин к деторождению. Это подтверждают данные о большом количестве выкидышей — на 23,7 нормальных родов приходился один выкидыш³⁴.

В Сибири, как и в Европейской России, замужняя крестьянка рожала за свою жизнь в среднем от 6 до 10 детей³⁵. Однако это не означает, что большинство семей были многодетными: высокой была смертность новорожденных. Доля детей, не доживших до одного года, составляла 40–55 %. Причины: скученность населения в городах, частые эпидемии, бедность и, как следствие, недостаток питания, отсутствие медицинской помощи, антисанитарные условия домашней обстановки, отсутствие должного ухода за детьми вследствие занятости женщин хозяйственными делами. В начале XX в. детская смертность оставалась

высокой. В 1902 г. в городах Тобольской губернии дети в возрасте до 10 лет составляли 38,1% всех умерших, в сельской местности – 55,9 %; в Енисейской губернии – 33,9 и 49,9 % соответственно³⁶.

Среди новорожденных численно преобладали мальчики. Так, в Иркутской губернии в начале 1890-х гг. на 100 девочек рождалось 103-106 мальчиков³⁷. В 1902 г. в Енисейской губернии из 35 876 родившихся детей мальчики составляли 51,2 %, а девочки 48,8 %; в Тобольской губернии из 86 635 родившихся – 51,2 % мальчиков, девочек – 48,8 %. В губерниях Европейской России за этот же год мальчики составили 51,3 % родившихся, а девочки 48,7 %³⁸. Впоследствии, из-за более высокого уровня смертности мужчин, устанавливался половой паритет, и в старческом возрасте женщины количественно преобладали над мужчинами. Однако в Сибири это было характерно только для старожильческого населения.

В конце XIX – начале XX вв. в Сибири, как и по России в целом, возросла доля незаконнорожденных детей. Так, в 1865 г. в Енисейской губернии они составили 6,6 % новорожденных, а в 1895 г. – уже 11,2 %, причем среди городского населения этот показатель был очень высоким – 14,4 %, а в отдельных городах (Красноярск, Енисейск) достигал 19 %. В округах процент незаконнорожденных был значительно ниже – 10 %³⁹. Наибольшее количество незаконнорожденных в Сибири было зарегистрировано у православных и старообрядцев. Это связано с тем, что в пореформенный период под влиянием переселенческого движения, промыслового отхода, ссылки возросло число невенчанных гражданских браков. А старообрядцы официально не регистрировали свои браки, следовательно, все родившиеся у них дети считались незаконнорожденными.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. условия воспроизводства населения как в России, так и в Сибири оставались тяжелыми. Частые роды препятствовали участию женщины в общественной и культурной жизни, сводили её существование к беременности, уходу за детьми, из которых более половины умирало. При этом

женщины не прекращали трудиться, поскольку мужчины не могли без их помощи материально обеспечить семью.

Смертность в России в середине XIX в. была высокой – 46 умерших на 1 000 человек населения, но к началу XX в. она начала постепенно снижаться. Уровень смертности с 1851–1859 гг. по 1909–1913 гг. понизился с 46 до 30 чел. на 1 000 населения⁴⁰. В Сибири же уровень смертности в исследуемый период, наоборот, вырос, хотя и незначительно. В 1897 г. он составлял 29,3, в 1900 г. – 35,9, в 1905 г. – 31,5, в 1913 г. – 31,1 чел. на 1 000 населения⁴¹. Это объясняется притоком в Сибирь переселенцев, среди которых смертность была очень высока, массовыми эпидемиями вследствие недостатка медицинской помощи. Уровень смертности у мужчин был выше, чем у женщин. Так, в Иркутской губернии в 1887 г. на 100 женщин умирало 112,4 мужчин⁴². В 1902 г. в губерниях Европейской России мужчины составили 51,5 % умерших, женщины – 48,5 %, за этот же год в Енисейской и Тобольской губерниях – 52,2 и 47,8 % соответственно⁴³. В городах смертность была выше, чем на селе. В 1895 г. в городах Енисейской губернии на 1 000 жителей приходилось 40,7 умерших, в округах – 38,2. Причем в городах смертность мужчин была значительно выше – 56,1 против 52,8 у женщин на 1 000 населения, тогда как на селе – 35,7 и 41,4 соответственно⁴⁴. Причина заключалась в том, что в городах численно преобладало мужское население – военные, рабочие, чиновники, ссыльные, а на селе, при отсутствии медицинской помощи, была высока смертность женщин при родах.

В плане социального состава женский контингент в Сибири также имел свою специфику. Так, если в Европейской России мы наблюдаем практически паритетное соотношение мужчин и женщин по различным сословиям, то в Сибири для различных социальных групп характерен определенный дисбаланс полов. Так, женщины преобладают среди крестьян – 72,6 % против 69,2 % мужчин. Среди прочих сословий доля женщин гораздо мень-

ше. Мужчин-дворян в Сибири было 0,3 %, женщин — 0,2 %, мещан — 5,6 и 5,5 %. Большой разрыв между полами существовал среди иностранных подданных — 1,7 % мужчин и 0,3 % женщин. Паритет наблюдался в сословии почетных граждан (по 0,3 %) и среди лиц духовного звания (по 0,3 %)⁴⁵ (Приложения. Табл. 10).

Как видим, самая большая диспропорция полов наблюдалась среди иностранных подданных — среди путешественников или тех, кто прибывал в Сибирь по торговым делам, преобладали мужчины. Среди сельских сословий, наоборот, численность женщин незначительно превышала численность мужчин, что объясняется усиливавшимся их отходом в города на заработки, на золотые прииски.

При анализе полового состава представителей различных конфессий выясняется, что большая часть населения Сибири исповедовала православие — согласно переписи 1897 г., 84,9 % мужчин и 86,7 % женщин. На втором месте по численности были буддисты и ламаисты (4,8 % мужчин и 3,7 % женщин), старообрядцы (3,9 и 4,4), мусульмане (2,4 и 1,9), католики (0,8 и 0,3), евреи (0,6 и 0,5), протестанты (0,3 и 0,2) (Приложения. Табл. 11).

Среди старообрядцев женщины численно преобладали над мужчинами (51,6 и 48,4 %), среди прочих конфессий преобладали мужчины: у православных женщины составляли 49,1 % населения, у евреев — 46,4 %, у мусульман — 43 %, у буддистов и ламаистов — 41,9 %. Самая большая диспропорция полов наблюдалась у католиков — женщины составляли лишь 28,7 % их⁴⁶. Такая половая структура населения объясняется тем, что старообрядцы и инородческие племена представляли собой местное сибирское население с устоявшимся половозрастным составом. В составе других конфессий был очень высок процент переселенцев, среди которых численно преобладали мужчины. Для сравнения: в Европейской России среди старообрядцев женщин было 54 %, православных — 51,2 %, евреев — 51,3 %, католиков — 49,9 %, мусульман — 48,7 %, буддистов и ламаитов — 48,2 %⁴⁷. То есть в Европейской России поло-

вой состав населения был более сбалансированным, а в Сибири приток переселенцев поддерживал такую структуру населения, при которой численно преобладали мужчины (Приложения. Табл. 12).

На половозрастной состав населения оказывала влияние и ссылка. Процент ссыльных ко всему населению Сибири колебался в различных ее регионах. По переписи 1897 г., самый высокий процент ссыльных ко всему населению был зарегистрирован на Сахалине — 31,8 %, в Иркутской губернии он составил 14,2, Енисейской — 9,1, Тобольской — 7,4, Забайкальской области — 2,2, Якутской — 2, Томской губернии — 1,4, Приморской области — 1, Амурской — 0,6. В целом по Сибири ссыльные составляли 5,2 %⁴⁸.

По данным Главного тюремного управления, за 1861–1898 гг. в Сибирь было сослано 534 800 человек, включая членов семей, добровольно последовавших за ссыльными. Большинство ссыльных составляли мужчины⁴⁹. Законодательство способствовало тому, чтобы семьи следовали за ссыльными и тем самым содействовали успеху колонизации окраинных районов империи. Число добровольно следовавших за ссыльными за период с 1823 по 1879 гг. составило значительную цифру — 101 288 человек, т.е. 16,7 %, или 1/6 по отношению ко всем сосланным в Сибирь. Среди них абсолютное большинство составляли женщины и дети⁵⁰.

По подсчетам американского исследователя сибирской ссылки Д. Кеннана, из всех ссыльных, прибывших в Сибирь в 80-х гг. XIX в., на долю мужчин приходилось до 65 %, а на долю, жен и детей, добровольно следовавших за мужьями, — около 35 %⁵¹. Кеннан отмечал, что большинство женщин добровольно прибыли в Сибирь, сопровождая сосланных мужей и отцов, тогда как мужчины, отправившихся вслед за женами, было значительно меньше. Так, в 1885 г. из 15 766 сосланных женщин было 4 079 (25,8 %), 3 468 (85 %) из них являлись сопровождающими осужденных, тогда как сосланных мужчин было 11 678 (74,2 %) и только 2 068 (15 %) сопровождали своих жен⁵².

Ссылные мужчины в Сибири при создании семей сталкивались с трудностями, поскольку чаще всего это были люди в зрелом возрасте или с различными физическими дефектами. Смертность среди них вдвое превышала показатель смертности местного населения. Как правило, поселенцы редко оседали в одном селении, а перебивались случайной работой, переходили с места на место. Лишь очень незначительная часть их обзаводилась семьями, но, как правило, они были малолетними. Средний состав семей ссыльнопоселенцев составлял 1,5 человека⁵³. Так, в период с 1887 по 1896 гг. из прибывших в Енисейскую губернию 10 822 неженатых мужчин-ссыльнопоселенцев только 732 (6,8 %) вступили в брак. В Иркутской губернии за тот же период вступили в брак 3,7 % поселенцев, в Томской губернии — 5,7 %, в Забайкальской области — 15,2 %⁵⁴. В процессе естественного воспроизводства населения роль таких семей была незначительной. Ссылные мужчины лишь на биологический период своей жизни увеличивали численность мужского населения.

Однако ссылали в Сибирь и женщин. Для первой половины XIX в. характерно большое количество преступлений в семье, совершенных женщинами. Так, в течение 6 лет (с 1838 по 1843 гг.) в Сибирь было сослано 143 женщины за убийство мужей и 317 — за убийство детей. В этот же период мужчин за убийство жен было сослано лишь 123, за убийство детей — 23. Общественное мнение, жестоко встречавшее рождение внебрачных детей, толкало женщин на аборт или убийство новорожденного. В дореволюционной России это каралось каторгой.

Убийства мужей в большинстве случаев совершали женщины в возрастной категории от 15 до 20 лет, при этом прибегали в основном к помощи ядов. С 1843 по 1847 гг. из 128 убийц собственных жен было только 5 отравителей, а из 190 женщин, убивших мужей, отравительниц — 67⁵⁵. Известный беллетрист-этнограф XIX в. С. Максимов искал причины женской преступности в господстве патриархального устройства семьи и общества: «Насильственные

браки для увеличения тяглов при крепостном состоянии, принудительные супружества в среде более свободных земледельцев, основанные на воле большаков для приобретения дешевой рабочей силы, а не на взаимной любви и согласии сговоренных делали невыносимой атмосферу в семье»⁵⁶.

Женщин ссылали за поджоги (в роли поджигательниц чаще всего выступали крепостные дворовые женщины, которые жгли имения помещиков, не имея никаких других средств и способов защиты от всевластия хозяина), воровство и мошенничество. Самым редким преступлением среди них был разбой. Количество сосланных за этот вид преступления женщин с 1839 по 1846 гг. было в 21 раз меньше (56, т.е. 4,4 %) числа мужчин (1219, т.е. 95,6 %) ⁵⁷.

Во второй половине XIX в. характер женской преступности практически не изменился. В период с 1882 по 1898 гг. было осуждено по уголовным делам и сослано в Сибирь 7 345 женщин, что составило 5 % от общего числа уголовных ссыльных. Для сравнения: за этот же период среди добровольно последовавших за мужьями женщин и детей было 80 464 (99,8 %). К концу XIX в. численность ссылаемых мужчин и женщин сократилась, поскольку царское правительство ограничило ссылку по уголовным преступлениям⁵⁸ (Приложения. Табл. 13).

Женская преступность в сибирских губерниях в середине XIX в. была невелика. В 1860 г. в Сибири под следствием находилось 2 020 человек, из них женщин — 259 (12,8 %), в 1863 г. из 2 177 подследственных женщин — 290 (13,2 %) ⁵⁹. В дальнейшем наблюдалась тенденция роста преступности вообще и женской в частности. Так, в 1883 г. в Енисейской губернии было совершено 1 026 преступлений, за которые осуждено 1 914 человек, из них 1 757 мужчин (91,8 % всех осужденных) и 157 женщин (8,2 %) ⁶⁰. В 1897 г. было совершено 4 839 преступлений, по которым осуждено 4 384 мужчин (92,4 % осужденных) и 361 женщина (7,6 %). Состав женских преступлений стал более «разнообразным»: женщины были участницами таких преступлений, как кражи,

мошенничества, убийства, нанесение увечий, поджоги, оскорбление чиновников, нарушение уставов (монетного, о гербовом сборе, акцизе на сахар, спички) и т. д.⁶¹

Если до либеральных реформ 1860-х гг. женщины были, как правило, страдающей стороной, то начиная с последней четверти XIX в. закон и суд стали их защищать. Так, в 1908 г. томская мещанка Мария Исаева была признана виновной в том, что в 1906 г. на прииске Кизирской системы Минусинского уезда убила своего мужа Александра Исаева. Она была приговорена к 10 годам каторжных работ, однако судьи учли смягчающие обстоятельства (свидетели показали, что на протяжении всей совместной жизни Александр жестоко избивал Марию), а также ее чистосердечное признание. В результате каторга была заменена тюремным заключением на срок 6 месяцев⁶².

Во второй половине XIX – начале XX вв. заметно возрастает число политических ссыльных. Среди сосланных по политическим преступлениям в 1870–1880-х гг. женщины составляли 14 %⁶³. Участие женщин в революционном движении объясняется не только общими причинами – недовольством социально-политическим строем, но и специфическим «женским» фактором – протестом против архаических семейных отношений и бесправного положения женщин в обществе.

Жизнь женщины на поселении в Сибири была гораздо тяжелее, чем у ссыльнопоселенца-мужчины. Спрос на женский труд в деревне был незначительным. Большинство поселенков уходило на прииски или на промыслы, часть пускалась в бега, меньшинство оставалось на месте: в лучшем случае они состояли в сожительстве с поселенцами или крестьянами, в худшем – занимались проституцией, и лишь самый незначительный процент выходил замуж⁶⁴.

Особенно тяжелым было положение ссыльных женщин на Сахалине. А.П. Чехов, посетив женскую исправительную колонию на острове в начале 90-х гг. XIX в., писал, что администрация колонии не предоставляла отдель-

ного жилья, а распределяла вновь прибывших женщин среди мужчин в качестве домашней прислуги. Самых молодых и привлекательных власти оставляли для себя, другая часть поступала «в гаремы» писарей и надзирателей и, наконец, остальных разбирали поселенцы. Как отмечал Чехов, счастливицы предвкушали получение дополнительных рабочих рук, необходимых им для ведения домашнего хозяйства и обработки земли, совершенно так же, как они ожидали бы еще одну лошадь или корову: «Когда их везут на остров, то думают не о наказании или исправлении, а только об их способности рожать детей и вести сельское хозяйство»⁶⁵.

До 1883 г. до места назначения мужчины и женщины шли по этапу вместе. Поэтому еще в пути среди арестантов расцветала проституция, как следствие, распространялся сифилис и другие венерические заболевания. Однако затем была сделана попытка отделить холостых мужчин от «семейных партий», и с последними отправлять детей и незамужних женщин. Это способствовало некоторому оздоровлению морального климата среди арестантов⁶⁶.

В системе наказаний, применявшихся к ссыльно-каторжным, преобладали телесные наказания, от которых не освобождались и женщины: «Ссыльные женщины наказываются плетью, от 80 до 100 ударов»⁶⁷. Либерально настроенные сибирские губернаторы иногда инициировали смягчение наказаний. Так, в 1858 г. на заседании Томского губернского совета по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда был поднят вопрос об отмене телесных наказаний для женщин. Однако чиновники губернского совета выступили против, так как, по их мнению, это только увеличило бы количество преступлений. Единственная уступка, которую они были готовы сделать, – осуществлять наказания не публично, а в стенах полиции. Это свидетельствовало о том, что общественное мнение в Сибири, по крайней мере, до отмены крепостного права, было не готово к подобным изменениям⁶⁸. Только в 1893 г. был принят закон о полной

отмене телесных наказаний для ссыльных женщин. Этому «акту гуманизма» предшествовала знаменитая Карийская трагедия – массовое самоубийство политкаторжан в знак протеста против применения розог к Н.К. Сигиде, которая отбывала восьмилетнюю каторгу за организацию в Таганроге подпольной типографии. В августе 1888 г. на Карийской каторге в Забайкалье за отказ встать перед генерал-губернатором А.Н. Корфом заключенная Е.Н. Ковальская была переведена в Читинскую тюрьму. Узнав об этом, ее сокамерницы (М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая) потребовали уволить коменданта тюрьмы Масюкова. На отказ они ответили длительными голодовками. За попытку нанести Масюкову пощечину заключенная Надежда Сигида 7 ноября 1889 г. была высечена. Не вынеся наказания, Сигида скончалась, а заключенные мужского отделения тюрьмы в знак протеста приняли яд. Инцидент получил широкую огласку как внутри страны, так и за границей. Это и заставило власти отменить телесные наказания для женщин.

Таким образом, если женщина совершала преступление и попадала в тюрьму или на каторгу, происходило ее «уравнение» с мужчинами, в том смысле, что и те и другие были бесправны. Но в действительности положение женщин было гораздо тяжелее, поскольку они теряли право на неприкосновенность личности и шансы сохранить человеческое достоинство. Это дало основание известному юристу М.Н. Гернету утверждать, что, несмотря на то что десятки тысяч женщин поступали ежегодно в царские тюрьмы, «законодательство совсем не знало женского вопроса в местах лишения свободы»⁶⁹.

Ссылка в Сибирь, как мужская, так и женская, имела неоднозначные последствия для местного общества. С одной стороны, она выступила фактором заселения края, ежегодно увеличивая численность сибирского населения на десятки тысяч человек, способствовала хозяйственному развитию региона. Но, с другой стороны, качественный состав ссыльного контингента был таков, что не

только не решал демографические проблемы в регионе, но еще более усугублял их. Возрастала диспропорция полов, так как среди ссылаемых преобладал мужской элемент, следствием ссылки было распространение среди сибиряков социальных заболеваний (туберкулеза, сифилиса и пр.), проституции, что косвенно влияло на ослабление семейных связей, рост преступности, в том числе женской.

Важной характеристикой положения женщин в обществе является такой показатель, как грамотность. Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., показатели грамотности населения в Сибири были почти в два раза ниже соответствующих показателей в целом по империи. В России грамотными были 21,1 % населения, из них 29,3 % мужчин и 13,1 % женщин, в Сибири уровень грамотности населения составлял 12,3 %, в том числе у мужчин – 19,2 %, у женщин – 5,1 %⁷⁰. Наибольшее количество грамотных приходилось на подростковый возраст (10–19 лет) – 18 % (26,1 % мужчин и 10 % женщин), а также период зрелости (20–39 лет) – 35,3 % (57,4 % мужчин и 13,3 % женщин). Наименьший процент грамотности был у лиц 60 лет и старше – 5,4 % (9,1 % мужчин и 1,8 % женщин). Число лиц, получивших образование выше начальное, в процентах по отношению к населению в Сибири также было небольшим: 0,98 % мужчин и 0,68 % женщин. Высшее образование имели 0,08 % мужчин и 0,004 % женщин, высшее специальное – 0,02 и 0,001; среднее образование – 0,67 и 0,66, среднее специальное – 0,12 и 0,01⁷¹. Названные показатели были ниже соответствующих по Европейской России и Российской империи в целом.

По сословиям количество грамотных распределялось следующим образом: на первом месте – дворяне, чиновники и их семьи (73,2 % мужчин и 69,1 % женщин), затем – духовенство (77,7 % мужчин и 66,5 % женщин), почетные граждане, купцы и мещане (50,1 % мужчин и 31,1 % женщин), на последнем месте – сельские сословия (27,4 % мужчин и 9,8 % женщин)⁷² (Приложения. Табл. 14, 15, 16). То есть

наиболее грамотными сословиями были дворянство и духовенство, причем уровень грамотности был высоким и среди мужчин, и среди женщин. У почетных граждан и купцов наблюдался довольно резкий разрыв по уровню грамотности между мужчинами и женщинами. Количество грамотных в сельских сословиях было невелико.

1.2. Социально-правовой статус сибирской женщины

Социальный статус включает всю совокупность признаков, характеризующих индивида как участника общественных отношений. Это соотносительная позиция индивида или группы, определяемая правовыми, семейными, социальными, профессиональными характеристиками, а также престижем и местом в структуре власти. Правовой статус — это юридически закрепленное положение индивида в обществе, совокупность его прав и обязанностей в конкретный исторический период. Если социальный статус представить как целое, то правовой статус — это часть социального статуса.

В основе российского законодательства, определявшего правовой статус женщин, лежал церковный догмат об изначальном неравенстве мужчины и женщины. Православная концепция ограничивала место женщины в обществе рамками семьи. Заключение брака было, прежде всего, сделкой между семьями, руководствовавшимися хозяйственными соображениями и задачами родственной преемственности, поэтому требовалось согласие родителей или опекунов. После отмены крепостного права закон уже не требовал согласия родителей на вступление в брак их детей. Расширились легальные возможности расторжения брака. Однако церковь и в пореформенное время не потеряла контроля над семейно-брачными отношениями.

Государство рассматривало брак как акт по преимуществу религиозный, в силу чего и нормирование его в важ-

нейших вопросах отдавало в руки того вероисповедания, к которому принадлежали супруги. Заключение брака представителей нехристианских религий производилось по правилам их вероисповеданий. В особом положении находились старообрядцы (раскольники). В первой половине XIX в. свадебный обряд у них совершался по собственным обычаям, а не по церковному канону. По Указу 19 апреля 1874 г. их браки регистрировались светскими властями. Для этого были введены особые метрические книги и процедура⁷³.

Брак не мог быть заключен при существовании предыдущего. Существовали ограничения в числе повторных браков: и женщинам и мужчинам разрешалось идти под венец не более трех раз. Сохранялись требования единоверия, социального равенства, а также отсутствия близкородственных связей у собирающихся породниться⁷⁴. Что касается браков нехристиан, то российское законодательство регламентировало их в значительно меньшей степени. Так, светские законы допускали разрешаемое Кораном многоженство мусульман. Но к числу условий для заключения брака относилось также требование соответствия вероисповедания брачующихся лиц.

Законодательство устанавливало систему властных отношений в семье. Муж обладал практически абсолютной властью над своей женой: «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома». Обязанности мужа состояли в следующем: любить свою жену, жить с ней в согласии, доставлять пропитание и содержание. Вместе с тем закон запрещал бить и увечить жену⁷⁵. Из главенства мужа вытекало и положение закона об обязанности жены жить вместе с ним. Мужу выдавался особый вид на жительство, в который было вписано имя его жены. Это означало, что жена была обязана всюду следовать за мужем, и суд мог принудить ее к этому, за одним исключением: за осужденным к ссылке или на

каторгу в отдаленные губернии супруг мог следовать или нет по собственному выбору⁷⁶.

Сословная принадлежность жены устанавливалась по мужу, жена именовалась по званию мужа и не теряла этого права и тогда, когда он за преступление лишался прав своего состояния. Жена не сообщала своего состояния ни мужу, ни детям, но сама сохраняла права высшего состояния, если они принадлежали ей до замужества по происхождению или были приобретены ею через брак⁷⁷.

Право на развод имели не только мужья, но и жены. Брак мог быть признан недействительным в случае нарушения брачного возраста, двоемужества или двоеженства одного из супругов, заключения брака в запрещенной степени родства, прелюбодеяния одного из супругов или его поступления в монашество, физической неспособности к брачному сожителству, безвестного отсутствия одного из супругов более 5 лет. Особым образом регламентировался развод при ссылке. В этом случае, если другой супруг не последовал добровольно за осужденным, он имел право просить консисторию о расторжении брака. Если же супруг следовал за осужденным к месту его ссылки, то терял право на развод⁷⁸. Бракоразводный процесс включал в себя несколько обязательных элементов: подача прошения от имени одного из супругов, предоставление необходимых документов, официальная клятва на Библии, слушание дела в суде, подтверждение решения от Святейшего Синода, возможность подачи апелляции.

Права женщин серьезно ущемлялись в области наследования. Во второй половине XIX – начале XX вв. признавалось два вида наследства: по завещанию и «по закону». Каких-либо строго установленных правил при распределении наследства по завещанию не существовало, каждый из завещателей по-своему определял дальнейшую судьбу своей собственности. Приоритет при распределении наследства был на стороне родственников мужского пола – сыновей и внуков. Их доля в наследстве, как правило, была значительно больше, чем у других членов семьи, до-

ля дочерей была меньше, чем доля сыновей.

Вопрос о круге наследников и их доле имущества после смерти человека, не оставившего завещания, решался на основе закона. Ближайшее право наследования принадлежало сыновьям. Дочери при живых братьях получали 1/14 часть недвижимого и 1/8 часть движимого имущества, остальное отходило сыновьям. Жена после смерти мужа имела права наследования на 1/7 часть недвижимого и 1/4 движимого имущества. Такой порядок наследования сохранялся вплоть до 1912 г., когда закон уравниал женщин с мужчинами, но лишь при наследовании движимого имущества. При наследовании недвижимости сестра при брате получала 1/7 часть⁷⁹.

В крестьянской среде полноправными наследниками были только сыновья, чтобы пресечь возможность ухода имущества из общины, так как дочери после замужества могли уйти в другую общину. Дочери наследовали лишь тогда, когда по смерти отца не осталось наследников мужского пола, способных вести хозяйство. На последних, если они оставались, лежала обязанность выдать замуж и наградить сестер по своей воле.

Тем не менее положение женщины не было полностью бесправным. Традицией российского законодательства являлось признание права женщины на собственность. Отношения между супругами были основаны на принципе раздельности имущества, и заключение брака не влекло за собой установления его общности⁸⁰. Супруги могли продавать, закладывать и иначе распоряжаться собственным имуществом прямо от своего имени независимо друг от друга. Муж не мог распоряжаться имуществом жены, а жена имуществом мужа без доверенности. Имуществом, полученным в качестве приданого, путем дарения, купли и другим законным способом, женщина могла распоряжаться независимо от мужа. Бесконтрольное распоряжение приданым только мужем было скорее исключением, нежели правилом.

В системе уголовного права женщины обладали про-

цессуальной дееспособностью: могли принимать участие в судебном процессе, давать свидетельские показания, за совершенные преступления их приговаривали к наказанию, одинаковому с мужчинами⁸¹.

Кроме того, статус личности характеризуют политические права, и прежде всего избирательное право. Вопрос о предоставлении русским женщинам избирательных прав вплоть до начала XX в. не поднимался по той причине, что этих прав до 1905 г. не имело и мужское население страны. По положению о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. мужчины это право получили, а женщины — нет.

Характер самого законодательства современники оценивали как «крайне патриархальный», поскольку во всех сферах общественной жизни женщина оставалась неполноправной⁸². Профессор Московского университета В.М. Хвостов отмечал: «Законодательство определяло женщину как существо слабое, которое нуждается в особой защите, как существо не вполне разумное, нуждающееся во внешнем авторитете, существо порочное, которое надо поставить в определенные границы»⁸³.

Неотъемлемой составной частью правового статуса личности является право на получение работы. Отмена крепостного права и либеральные реформы 1860–1870-х гг. сопровождались ускоренными темпами роста промышленности. Применение женской рабочей силы в России стало возрастать с середины 1880-х гг. в связи с повсеместной механизацией производства. С середины 1860-х гг. без официального разрешения женщины начали осваивать интеллектуальные профессии, поступали на службу в государственные учреждения (подробнее см. гл. 2).

Социально-правовой статус крестьянок существенно отличался от статуса женщин городских сословий и определялся нормами обычного права. Крестьянская община в Сибири изначально была слабее, чем в Европейской России. Не существовало систематических переделов земли, «мир» вмешивался только в расследование преступлений.

Не были сильны и церковные уставы. Так, крестьяне Иркутской губернии рассказывали: «К нам батюшка в год два раза наезжает. Как приедет, так сразу всех ребят и окрестит, которые народились: иные к тому времени уже сидеть умеют... И покойников сразу же отпоет, которые похоронены без него. А к венцу идут — у иной молодой уже ребеночек на руках играет... Ничего не поделаешь — далеко живем!»⁸⁴

В основе внутрисемейных отношений крестьянской семьи дореволюционной России лежал иерархизм: все подчинено главе семьи (большаку), женщины — жене главы семьи и мужчинам, младшие — старшим, дети — взрослым. Большак — самый опытный и старший по возрасту мужчина — распоряжался трудом членов семьи, разбирал внутрисемейные споры, платил налоги, был ответственным перед общиной за поведение семьи. Статус большухи был несколько выше, чем у других женщин. В случае смерти мужа к ней переходила власть большака. Однако свой статус она сохраняла только до тех пор, пока сыновья не становились взрослыми, женились, обзаводились детьми. Такую модель семьи исследователи относят к патриархальному типу⁸⁵. Государство и община поддерживали ее, поскольку она являлась носителем монархических установок, обеспечивала достаточно высокий уровень благосостояния по сравнению с малой, нуклеарной семьей и, следовательно, более высокую платежеспособность крестьянства.

Преобладающей формой неразделенной семьи была отцовская семья, в которой вместе с родителями жили два-три сына со своими женами и детьми. Встречалась, хотя и реже, другая форма — это семьи, состоявшие из нескольких женатых братьев. Во главе такой семьи стоял старший брат. В исключительно редких случаях главой неразделенной семьи была мать (обычно на первых порах после смерти мужа).

Сыновья, боясь потерять право на часть семейного имущества, находившегося в руках главы семьи, беспрекос-

ловно подчинялись его воле. Но нельзя не отметить, что и отец не игнорировал их мнение и советы. Определенная степень независимости сыновей проявлялась и в вопросах заключения брака — обычно родители считались с их выбором невест. Дочери же во всем должны были подчиняться отцу. В 1906 г. Ф.Д. Соседко в этнографическом очерке о свадебных обрядах Забайкальской области отмечал, что в сибирских крестьянских семьях родители жениха, да и он сам при выборе невесты руководствовались не богатством семьи или красотой девушки, а исключительно ее крепким здоровьем: «На нее смотрели как на рабочую силу»⁸⁶.

В первой половине XIX в. в сибирских селах преобладали большие патриархальные семьи. Так, в селе Тасеево Канского округа Енисейской губернии в среднем семья включала от 8 до 20 человек, которые занимали 2-3 дома. Семья крестьянина Тараса Малышева состояла из 20 человек, из которых 9 были «в рабочем возрасте»; в семье Антипа Агафонова было 18 человек, из них 10 трудоспособных⁸⁷. Многолюдный состав семей определялся хозяйственной необходимостью. Крестьянское хозяйство в Сибири было натуральным и многоотраслевым: занимались земледелием, животноводством, пчеловодством, огородничеством, заготавливали грибы, ягоды, сами обеспечивали себя одеждой, дровами и т. д. В тайгу на охоту мужчины уходили группами минимум по три человека, в это время не менее двух мужчин и женщины должны были справляться с многочисленными обязанностями по дому. Поэтому в Сибири существовали так называемые «договорные» семьи: две-три семьи, которые из-за малого числа рабочих рук были не в силах вести самостоятельные хозяйства, объединялись в одну. Такие семьи могли состоять из лиц, не связанных родством. По желанию одной из сторон этот договор мог быть расторгнут в любое время. Современники отмечали, что значение семьи в крестьянском быту Сибири «настолько же кровное, насколько хозяйственное». «Хозяйственный элемент играет в ней едва

ли еще не большую роль, нежели кровный: это больше сожитие по общему труду, чем по происхождению»⁸⁸.

Потребность крестьянского хозяйства в большом количестве рабочих рук приводила к широкому распространению такого явления, как прием зятя в семью невесты. В «примаки» шли мужчины из бедных семей, не имевшие возможности устроиться иначе. В таких случаях родители невесты и жених подписывали договор, по которому все движимое и недвижимое имущество должно было перейти зятю, но он обязался содержать стариков при жизни и похоронить их по христианскому обряду, уплачивать долги и нести повинности, не продавать имущества без согласия хозяина. Если отношения не складывались, зять уходил, но каждый год, прожитый с родителями жены, оплачивался ему как наемному работнику — за трудовой вклад в хозяйство (в Иркутской губернии в 1880-х гг. — 70 рублей в год)⁸⁹.

Возрастание потребности крестьянской семьи в деньгах в связи с общим ростом товарности крестьянского хозяйства во второй половине XIX в. стимулировало такое явление, как отходничество. Возвращавшиеся отходники несли с собой в деревню элементы городской культуры, новый взгляд на семейные отношения. Усиливала процесс смешения разнородного населения переселенческая волна. После введения всеобщей воинской повинности сибирская деревня пережила несколько мобилизаций. Возвращавшиеся со службы солдаты уже не хотели жить по старым порядкам в деревне и быть в подчинении у своих старших братьев и отцов. Все это не могло не оказать влияния на семью. В конце XIX — начале XX вв. в Сибири начался распад больших семей на малые, нуклеарные, патриархальный уклад внутри семьи разрушался и уходил в прошлое. Чаще всего семьи делились после смерти отца, так как глава семьи выступал против раздела, подрывавшего хозяйство. Сельское общество также выступало против разделов, ибо при этом сокращалась платежеспособность семей. Правительство было обеспокоено

возрастающим год от года количеством семейных разделов. Согласно циркуляру Министерства внутренних дел от 4 апреля 1886 г., порядок и условия крестьянских семейных разделов строго регламентировались. Приговоры сельских сходов о разрешении семейных разделов должны были приниматься не менее 2/3 голосов всех домохозяев. Если заведомо было известно, что новые семьи слишком слабы в экономическом отношении и станут не исправными плательщиками податей, производить раздел категорически запрещалось⁹⁰. Однако количество разделов возрастало. В 1861–1882 гг. в 46 губерниях Европейской России происходило ежегодно по 108 тыс. разделов, в 1883–1890 гг. — уже по 150 тыс.⁹¹

В Сибири действовала та же тенденция, причем даже после закона 1886 г. семейные разделы, как правило, происходили без участия общества. Так, в Анцирской волости Канского округа с 1874 по 1884 гг. произошло 104 семейных раздела: 1874 г. — 9, 1875 г. — 11, 1876 г. — 16, 1877 г. — 19, 1878 г. — 19, 1879 г. — 13, 1880 г. — 18, 1881 г. — 24, 1882 г. — 15, 1883 г. — 21⁹². В девяти волостях Минусинского округа в 1874 г. ежегодно производилось по 172 раздела, в 1875 г. — уже по 182, в 1876 г. — 176, в 1877 г. — 217. Если в 1874 г. насчитывалось 8 678 семей, то к 1884 г. их количество возросло на 20,8 % и составило 10 959⁹³.

Малая семья уже не могла собственными силами достичь хозяйственной автаркии, т. е. обеспечить себя всеми необходимыми продуктами, как это было в патриархальной семье. Все обязанности, которые раньше выполнялись коллективными усилиями, теперь ложились на плечи одной работницы. И такое положение усиливало самостоятельность женщин. Теперь они более активно отстаивали свои интересы в семье и общине. Однако зачастую эмансипация несла с собой и отрицательные моменты: трудовая нагрузка на женщин увеличивалась. В конце XIX в. путешественники отмечали, что сибирская крестьянка кроме своих обязанностей выполняла и мужскую работу: «Когда поспеет сено, женщина работает на

сенокосе. Хлеб жнут только одни женщины. К зиме они заготавливают мужчинам платье, рукавицы, чулки, сапожки; зимою молотят, обдeldывают куделю, мнут, прядут, ездят за дровами и сеном. Мужчин в это время нет дома; они находятся на рыбной ловле, и во всю зиму приезжают домой к Николину дню, дня на два, пображничать»⁹⁴.

Изменения в семейном быту крестьян быстрее происходили в более развитых в экономическом отношении районах, крупных селах, близких к железной дороге, трактам, городам. В глухих деревушках, лежавших вдали от трактов и промышленных центров, с однородным старожильческим населением, каких было больше в Восточной Сибири, сохранялись патриархальные неразделенные семьи («артели»). Так, в Забайкалье они существовали до 1917 г., а в отдельных случаях встречались вплоть до 30-х годов XX в., и их численность достигала 25–40 человек⁹⁵.

Общность семейного имущества и совместный труд обусловили сравнительную слабость власти главы семьи и менее стесненное, чем в Европейской России, положение сибирской женщины. Хозяин земельного надела не мог без согласия других членов семьи мужского пола отчуждать свой надел (в противном случае члены его семьи могли жаловаться «миру»). Кроме того, имели место «запродажные записи» о том, что дом продается односельчанину совместно крестьянином и его женой; продажа скота была возможна только «с общего согласия жены и мужа»⁹⁶.

Поскольку имущественные отношения в среде крестьянства были подчинены необходимости обеспечить функционирование двора как хозяйственной единицы, при выделах или разделах сыновья и братья обеспечивались, как правило, движимым и недвижимым имуществом, которое позволяло основать новое хозяйство. На обеспечение нетрудоспособных и нетяглых членов семьи выделялись минимальные средства. Мать-вдова, сестры, падчерицы, тетки, племянницы и т. д. вне зависимости от своего родственного положения, как правило, обладали только правом на жилье, некоторую часть скота и утва-

ри. Согласно обычному праву у крестьян Красноярского округа Енисейской губернии в 1890-е гг. после смерти отца полноправными наследниками становились сыновья, сестре выделялась 1/7 часть движимого имущества. Девуцы еще при жизни родителей должны были изготовить себе приданое. В деревне Бугачевой сестры не имели прав на наследование имущества, братья должны были выплатить им лишь единовременное пособие. В Частостровской волости братья обязаны были содержать сестер на своем полном иждивении и выдать замуж, обеспечив приданым. Если сестры не выходили замуж, то всю жизнь оставались на попечении братьев⁹⁷. Если после смерти родителей оставались только дочери, имущество делилось между ними поровну. Однако они не имели права наследовать усадьбу, которая отходила сельскому обществу, и могли забрать только хозяйственные постройки. Но в Иркутской губернии отмечались случаи, когда из наследников оставались одни женщины, и, если они выражали согласие платить подати, двор и усадьбу у них не отнимали⁹⁸.

Над вдовой, оставшейся с несовершеннолетними детьми, учреждалась опека. Она могла стать опекуной и сама, если сельское общество было согласно, но если ей не доверяли, назначались два опекуна, которые управляли имуществом до наступления совершеннолетия детей. Когда дети вырастали, вдова по-прежнему считалась «старшей» в доме и могла управлять хозяйством даже при женатых сыновьях. Без ее согласия дети не имели права делить имущество отца. В рапорте красноярского окружного исправника Енисейскому губернатору, составленном в 1893 г. по сведениям волостных правлений об обычном праве в Красноярском округе, отмечалось, что при семейном разделе вдова могла оставить себе часть имущества и жить самостоятельным хозяйством, а могла жить у одного из сыновей или дочерей, и в этом случае ее имущество оставалось в наследство тому, кто за ней ухаживал⁹⁹.

Вообще вдовы делились на две категории в зависимос-

ти от степени состоятельности унаследованного ими имущества: тех, которые заправляли большим хозяйством, держали работников, и несостоятельных, вдовство и потеря кормильца для которых порождали большие экономические проблемы. В случае когда вдова наследовала хозяйство умершего мужа, волостной суд заставлял ее оплатить все долги умершего, однако если она отказывалась наследовать имущество, не оплачивала и долги¹⁰⁰.

Дочери, как правило, имели преимущественное право наследовать приданое матери (холсты, посуду и т. п.), о разделе которого должны были договориться «полюбовно». А в Иркутской губернии вещи умершей матери наследовались исключительно дочерьми¹⁰¹. Дочери, выданные замуж еще при жизни родителей, после их смерти полностью утрачивали права на наследство, имущество родителей целиком переходило к незамужним¹⁰².

В случае смерти детей их имущество наследовали мать и отец поровну. Когда умирала жена, ее родители могли забрать приданое. Но если супруги прожили в браке более 10 лет, то все имущество оставалось мужу. Так, в 1889 г. в деревне Карабульской крестьянин подал жалобу в волостной суд на своего зятя. Истец показал, что его дочь выходила замуж в минувшем году с достаточно солидным приданым (платья, юбки, шали, серебряные украшения и пр.), однако после ее смерти зять отказался вернуть его обратно. Суд постановил вернуть все имущество умершей ее родителям¹⁰³.

Незаконнорожденные дети не имели права на наследство. Но к началу XX в. широко распространились случаи сожителства без венчания, и дети от таких браков могли потребовать часть имущества отца через волостной суд. Если женщина подавала прошение на алименты или сын предъявлял претензии на часть наследства отца, то суд ходатайство удовлетворял. Если же они не отстаивали свои права в суде, имущество отца переходило к его ближайшим родственникам¹⁰⁴. Тот факт, что община начала признавать права незаконнорожденных детей, свидетельствовал о серьезной трансформации в сибирской деревне

патриархальных взглядов на мораль.

Либерализация семейных отношений на рубеже XIX–XX вв. происходила de facto и не могла не влиять на изменение правового статуса женщин. Суды постепенно подстраивались под новые семейные порядки. В связи с возрастанием числа бракоразводных процессов судьи стали сквозь пальцы смотреть на жесткие требования закона и чаще принимали сторону женщин. Так, в 1897 г. крестьянин деревни Светлолобовой Минусинского уезда Енисейской губернии Лаврентий Козьмин вступил в брак с крестьянской девицей Матреной. Они прожили в браке два года, но отношения с семьей мужа не сложились, и Матрена с ребенком ушла жить к отцу. Через три года она подала прошение в суд с просьбой о взыскании с Лаврентия Кузьмина алиментов на содержание дочери. Согласно постановлению суда Лаврентий должен был ежемесячно выплачивать Матрене 6 рублей. Чтобы не платить денег, Лаврентий подал заявление в суд с требованием принудительно вернуть бывшую жену в свой дом, однако суд учел обстоятельства дела и вынес решение в пользу Матрены¹⁰⁵.

Участились случаи обращения крестьянок в суд с просьбой выдать отдельный от мужа вид на жительство. В случае измены, развратного поведения, пьянства супруга или его бесхозяйственного управления семейным имуществом суд удовлетворял такие ходатайства¹⁰⁶.

Общественная активность крестьянок в начале XX в. настолько возросла, что нередко становилось их неповиновение властям. Особенно это было характерно для периода войны, когда вся тяжесть хозяйственного и налогового бремени легла на женские плечи. Так, в феврале 1915 г. становой пристав Тольский прибыл в село Едет Ачинского уезда Енисейской губернии для взыскания с крестьян казенной недоимки по взносу податей. Крестьяне отказались добровольно уплатить долги, и Тольский распорядился описать скот недоимщиков. Когда полиция стала сгонять скот на двор земской квартиры, к приста-

ву пришла толпа женщин с требованием отменить торги. Пристав отказал, женщины стали кричать, ругаться, называя его «продажной шкурой». Особенно выделялись крестьянки Евгения Монахова, Прасковья Флорова, Евдокия Тюрева. Мария Волкова «проявляла еще безстыдные действия», а Арина Онигова выхватила из кобуры пристава револьвер. По приговору суда Волкова и Флорова должны были уплатить штраф в размере 10 рублей, Онигова была приговорена к тюремному заключению сроком на два месяца¹⁰⁷.

Большой трудовой вклад сибирских крестьянок в хозяйство, трудолюбие, привычка многие вопросы решать самостоятельно – все это формировало их независимый нрав. А.П. Чехов, побывав в Сибири, в одном из своих писем отмечал, что сибирячки отличаются от русских крестьянок. Писатель высоко оценивал их ум, сердечность, умение заменить мужчину в труде: «Пьешь чай и разговариваешь с бабами, которые здесь толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе; мужья не бранят и не бьют их, потому что они также высоки и сильны, и умны, как их повелители. Они, когда мужей нет дома, ямщикуют; любят каламбурить, детей не держат в строгости, их балуют»¹⁰⁸. Енисейский губернатор А.П. Степанов еще в начале XIX в. описывал уважительное отношение к сибирячкам в обыденном поведении жителей Енисейской губернии: «У них женщины занимают первые места на пирушках, и ежели тесно помещение, то все мужчины стоят»¹⁰⁹.

У старообрядцев, как отмечали этнографы, большие неразделенные семьи сохранялись вплоть до начала XX в. Но женщины в семье имели большое влияние: муж ничего не предпринимал, не посоветовавшись с женой, у жены хранились деньги, некоторые жены сами уплачивали повинности. Поэтому женщина, оставшись одна, вполне самостоятельно вела хозяйство. Известный этнограф П.А. Ровинский приводит характерный пример: «В Окино-Ключах Коробенкова вдова, оставшаяся без мужа очень

молодая, живет теперь с пожилой сестрой, да приняла еще бедную старуху и девочку лет 15, она каждый год засева-ет больше 10 десятин хлеба; кроме того, продает в Тро-ицкосавске и Кяхте масло, яйца, свиней и живет весьма порядочно; держала одного работника за 8 руб. в месяц и поденщика по 30 коп. В Хараусе такая же вдова ведет значительное хозяйство, и нужно видеть, как они умеют управлять своими работниками»¹¹⁰. По старообрядческой традиции девушке заранее припасалось приданое, состоявшее из одежды и кухонной утвари; при выдаче замуж ее наделяли скотом и родители, и братья. Замужем она долго не смешивала своего имущества с мужниным. Но и остаться в девках у старообрядцев не считалось несчастьем. П.А. Ровинский отмечал, что такие девушки, часто некрасивые, но очень работающие, помогали матери, особенно в вопросах воспитания младших братьев и сестер. Они были более набожны, строго соблюдали все требова-ния веры, были первыми затейницами в песнях и играх.

У жителей сибирских городов – купцов, мещан, реме-сленников – как и у крестьян, вплоть до середины XIX в. преобладали большие семьи, а в них – патриархально-ав-торитарные отношения. Глава семьи представлял ее во внешних связях, пользовался среди домочадцев автори-тетом, имел практически неограниченную власть, распо-ряжался семейным имуществом. Главенство мужа имело прочный экономический фундамент благодаря сосре-доточению в его руках всех материальных ресурсов семьи, женщинам же предназначалась в первую очередь роль домохозяйки и матери.

Брачно-семейные отношения в городе и деревне бы-ли схожи, так как культура и быт народа сохраняли во многом традиционный характер, а крестьяне несли с со-бой в город стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям деревни. Однако, как свидетельствуют купе-ческие мемуары, характер семейных отношений в городе был мягче, закон защищал женщин и детей от произвола глав семей лучше, чем обычай в деревне. Богатые купцы

старались дать своим сыновьям образование, необходимое для успешного ведения дел, дочерям – скромное, для пре-стижа семьи. При этом руководствовались не только тем, что, мол, для купеческого дела большого образования не нужно, но и тем, что с образованными детьми придется больше считаться, а это не отвечало авторитарной тра-диции в семье. В середине XIX в. известный сибирский писатель И.Т. Калашников отмечал стойкость автори-тарных отношений в семьях иркутских горожан: «Вообще иркутские семейства были крепки взаимною любовью и уважением своих членов. Отцы семейства пользовались глубокой покорностью. Молодое поколение смотрело на старших как на опытных путеводителей и руководствова-лось их советами»¹¹¹.

Одним из проявлений патриархального семейного ук-лада являлся двойной стандарт по отношению к женской и мужской сексуальности. Согласно бытовавшим пред-ставлениям, мужчине не возбранялось иметь внебрачные связи. Например, среди купечества, части мещан, чинов-ников этому способствовали частые и длительные поез-дки по торговым и служебным делам. Подобные связи, как правило, не приводили к разводам. Чиновник В.В. Струве, прибывший на службу в Сибирь из Европейской России, в воспоминаниях описал поразивший его тип си-бирского купца: «Тюменская ярмарка свела меня с мно-гими иркутскими купцами, как молодыми, неженатыми, так и пожилыми, последних я считал по образу жизни, который они здесь вели, или за холостяков, или за без-детных вдовцов. Каково же было мое удивление, когда я, по приезде в Иркутск, узнал во многих из них почтенных отцов семейств, пользующихся уважением в кругу семей-ном и почетом в обществе»¹¹². В отношении же внебрачных связей женщин господствовала жесткая нетерпимость. Общественный деятель Сибири В. Вагин писал в середи-не XIX в.: «Отношения между полами и семейные были, может быть, не строже, но лицемернее нынешних. Уход жены от мужа был тогда неслыханным делом; женщина,

которая решилась бы на такой шаг, подверглась бы всеобщему презрению. Незаконные связи замужних женщин были большой редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее»¹¹³.

Известный писатель, историк областнического направления С.С. Шашков утверждал, что в середине XIX в. пьянство, публичные дома, сифилис были распространены во всех золотопромышленных районах и ярмарочных городах: «В Красноярске, Енисейске, Иркутске и Томске прославились своими оргиями золотопромышленники. ... То пьяный купец на масленице катается по улицам в саних, запряженных тройкою публичных женщин, как, например, в Омске; то в клубе повальная драка стена на стену»¹¹⁴. Н.М. Ядринцев также довольно негативно характеризовал образ жизни сибирского купечества в 60-е годы XIX в.: «Здесь муж запирает свою жену на замок и отправляется кутить целую ночь с приятелями; здесь седой старик ведет жизнь самого отчаянного развратника»¹¹⁵. В своем стремлении подчеркнуть невежественность сибирских купцов и золотопромышленников, низкий уровень их культуры С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев несколько сгустили краски, но в чем они, безусловно, были правы, так это в существовании двойной морали для женщин и мужчин. Оба рассматривали это как проявление неравенства полов. «Мужчине если не *de jure*, то *de facto* все дозвоительно в любовных делах, женщина же до мелочей обязана следовать правилам составленного для нее кодекса половой морали», — справедливо замечал С.С. Шашков¹¹⁶. Но если в сфере сексуальных отношений диспаритет полов был очевиден, то в ведении семейного «бизнеса» женщина пользовалась довольно широкими правами. Отчасти такой «либерализм» объяснялся практической необходимостью, так как купеческая деятельность требовала периодических отлучек главы семьи. В это время руководство выполнением торговых и домашних дел брали на себя старший в семье мужчина или жена купца. Купец был обязан ежегодно выбирать гильдейское сви-

детельство. В нем указывались все члены семьи купца. Они считались причисленными к купеческому сословию и обладали всеми сословными правами и привилегиями. Вдовы купцов и их дочери сохраняли купеческие звания, в которых их мужья или отцы состояли, но не могли пользоваться правами торговли до тех пор, пока ими не были взяты купеческое или промысловое свидетельства на собственное имя. В случае смерти хозяина вдова до совершеннолетия детей становилась главой семьи и выполняла все его функции. На нее записывалось хозяйство. Если у матери был сильный характер, то и взрослые женатые сыновья не выходили из-под её власти, такие случаи не были большой редкостью и не нарушали общепринятых норм. Главное — порядок в семье оставался таким же, как и при хозяине-мужчине.

Во второй половине XIX — начале XX вв. горожане начинают постепенно отходить от народных обычаев и традиций. Вырабатывается новый образ жизни, со временем ослабевает власть главы семьи над домочадцами, мужа над женой, родителей над детьми, укрепляются имущественные права женщин, возрастает их роль в управлении хозяйством. Под воздействием урбанизации, отходничества, более активного вовлечения женщин в хозяйственную деятельность меняется и их социальный статус.

В конце XIX — начале XX вв. начинает меняться культурно-бытовой уклад купечества. Обитатели купеческих домов даже в небольших сибирских городках или крупных торговых селах вели вполне светский образ жизни. Современный историк В.А. Скубневский приводит воспоминания Агнессы Всеволодовны, внучки крупного барнаульского купца А.И. Винокурова, которая свидетельствовала, что в их доме в Камне нередко проходили семейные вечера, во время которых женщины играли на фортепиано, с большим удовольствием читали произведения А.П. Чехова, дети учили французский язык, имелась хорошая библиотека¹¹⁷. Это подтверждают и воспоминания Александры Ивановны Барковой, приехавшей с му-

жем в 1849 г. в Енисейск: «Десять лет много изменили строй енисейской жизни, в нее вошел более семейный элемент — женщина начала играть большую роль в обществе, ради нее многое исчезло с лица земли, по весьма понятной причине: до 1849 г. не было никогда во всем этом кругу, что называется, образованной женщины, пили енисейцы сороковыми бочками, позволяли себе всякие скандалы, не думая, что через это страдает семья, а когда вошли в общество семейные люди — все, конечно, приняло другой вид, почему пятидесятые годы сильно разнятся от сороковых в енисейских воспоминаниях. Можно сказать, что в Енисейске в это время началась эмансипация семейств, как при Петре Великом в России»¹¹⁸.

В сибирских городах большую роль играло чиновничество. По большей части чиновники были приезжими и не спешили обзаводиться семьями, пускать здесь корни, так как рассматривали свою службу временной. Сибиряки же обычно занимали в чиновной иерархии низшие ступени, получая мизерное жалование. Политический ссыльный М.И. Михайлов, прибывший в Тобольск в 1861 г., писал, что его поразили убожество приказной канцелярии и жалкий вид канцелярских чиновников: «На них были костюмы, какие можно встретить разве в казарме, где помещаются ссыльные из беднейших слоев общества: продранные сапоги и валенки, покрытые заплатками штаны, замасленные сюртуки с оборванными пуговицами и продранными локтями, какие-то онучки на шее вместо галстука, странного покроя (и тоже в дырах) одежды — не то восточные халаты, не то пальто, обличающее под широкими рукавами отсутствие хоть какой-нибудь рубашки»¹¹⁹. Путешествовавший по Сибири и Дальнему Востоку Г.Т. Муров оставил описание семейного уклада, материальной обеспеченности и образа жизни дальневосточного чиновничества. Жилище их не отличалось просторностью, как правило, это была двухкомнатная съемная квартира. В одной комнате располагались мать и дети, в другой — отец, здесь же принимали гостей: «Обстановка комнат самая бедная. Гардероб

пуст. Ни столового, ни постельного белья, ни матрасов у детей не имеется»¹²⁰.

В чиновничьих семьях женщине приходилось одной вести хозяйство, воспитывать детей, так как мужчина большую часть времени проводил на службе. Мать, жена чиновника, сама готовила, стирала, мыла и убирала квартиру, обшивала семью: «При такой жизни чиновница, мать многочисленного семейства, в тридцать лет смотрит уже пожилой, а в сорок лет и старухой», — свидетельствовал Г.Т. Муров¹²¹. Обычный распорядок дня в семье был следующим: утром просыпались в 6-7 часов, после завтрака из рыбы с картофелем глава семьи шел на службу, а жена готовила скудный обед, стирала белье; в 3-4 часа отец семейства возвращался со службы и, пообедав папи или ухой, ложился отдохнуть час или два, а после сна и чаепития шел в гости или сам принимал гостей. Втянувшись в обычное времяпрепровождение — в рюмочку и в деятельность за зеленым столом, он в конце концов становился хроническим алкоголиком и картежником. Денег на образование детей не было. Мальчики оканчивали приходское или 2-классное городское училище. Этого хватало, чтобы стать писцом и почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда. Девочек отец сам учил грамоте, а мать — стряпать, шить, вязать чулки, мыть полы, стирать белье.

Вдовы чиновников имели право именоваться теми же чинами, что и при жизни мужа, и пользоваться соответствующими преимуществами. Имевшееся за вдовой недвижимое имущество не могло служить препятствием к назначению ей пенсии. Бездетная вдова или с детьми, которым по возрасту пенсия не полагалась, получала половину той пенсии, которая причиталась бы мужу.

Состав мещанского общества не был однородным и устойчивым. Принадлежность мещан к одному сословию не означала их социальной однородности: часть их входила в состав мелкой буржуазии, часть пополняла ряды наемных рабочих. Многие современники отмечали бедность сибир-

ского мещанства. А. Павлов писал о мещанах Тобольска в 1870-е гг.: «Коренные обыватели города мещане живут очень бедно, перебиваясь мелкой торговлей и доходами с квартир, которые хотя и дешевы, но поистине ужасны»¹²². Жены, дочери, вдовы мещан работали прачками, кухарками и швеями. В целом женский труд, как правило, был неквалифицированным, плохо оплачиваемым, относился к самым низким разрядам заработной платы.

Формирование пролетарских слоев ускоряло процесс дробления семей. На семьи городских промышленных рабочих негативное влияние оказывала низкая оплата труда, плохие жилищные условия, невысокий уровень образования и культуры. Однако именно в таких семьях, где были вынуждены работать все — и мужчины, и женщины, быстрее всего менялись роль и семейный статус женщины. Все важнейшие решения принимались сообща, жена была советницей и помощницей мужа.

О разложении патриархального уклада в семьях горожан во второй половине XIX — начале XX вв. свидетельствуют материалы окружных судов. Стали массовыми дела об узаконении детей, прижитых до брака, причем все прошения такого рода суд удовлетворял. Так, в 1899 г. в Канском уезде Енисейской губернии Василий Андреевич и Матрена Михайловна Грошевы подали прошение об узаконении дочерей Анны и Надежды. Анна родилась в 1889 г., Надежда в 1897 г., их родители официально зарегистрировали брак лишь в 1899 г. и тогда же подали прошение об узаконении обеих дочерей¹²³.

Причина этого явления заключалась в том, что в Сибири были распространены браки с переселенцами, которые нередко оставляли свои семьи в Европейской России. Поскольку они не были разведены на родине, здесь не могли официально зарегистрировать брак, и потому прижитые дети считались незаконнорожденными. Причем такие ситуации были распространены не только среди мещан, но и среди состоятельных слоев населения. В 1897 г. с подобным прошением обратились в суд енисейский купец второй гиль-

дии Борис Федорович Флер и его жена Юлия Карловна Варникова. Они ходатайствовали об узаконении сразу троих детей, родившихся до официальной регистрации брака¹²⁴.

Часто переселенцы из европейской части России скрывали, что у них уже есть семьи, и здесь вступали в новые браки. Харьковский мещанин Ипполит Федорович Лесевич, машинист железной дороги в Красноярске, в 1906 г. обвенчался с девицей Анной Федоровной Кусковой. Однако вскоре выяснилось, что еще в 1894 г. в городе Славянске Харьковской губернии он был обвенчан с Анной Степановной Лященко. В 1905 г. первая его супруга через своего поверенного подала прошение о разводе в Енисейскую духовную консисторию (по причине длительного отсутствия мужа). В 1906 г. состоялось «судоговорение», на котором Лесевич признался в прелюбодеянии, что подтвердили свидетели, и дал свое согласие на развод. Однако консистория так и не вынесла окончательного решения по этому делу. Лесевич, в надежде на то, что дело о разводе с первой женой не получило широкой огласки, решил скрыть этот факт от своей невесты А.Ф. Кусковой и стал двоеженцем. Однако после расследования, предпринятого консисторией, первый брак с А.С. Лященко был расторгнут, второй брак с А.Ф. Кусковой признан недействительным. Им обоим было разрешено вступить в новый брак, а Ипполит Лесевич был осужден церковью на вечное безбрачие. В Красноярском окружном суде на него было заведено уголовное дело, но Лесевич скрылся в неизвестном направлении¹²⁵.

Развитие капиталистических отношений приводило не только к эмансипации женщин, но и к существенной трансформации морально-этических норм поведения населения. Под влиянием низкого уровня жизни рабочих в городах расшатывались семейные устои, расцветали пьянство и алкоголизм, в том числе женский, проституция, росла преступность. Полицейские хроники сибирских городов полны фактов, свидетельствующих о том, что строгость нравов уходила в прошлое. Женщин привлека-

ли к ответственности за пьяные дебоши, отказ от детей, расточение семейного имущества. Уже не были редкостью случаи, когда мужчины выступали страдающей стороной. Так, в 1906 г. в Канске коллежский асессор Георгий Андреевич Гомоюнов подал прошение в суд о признании незаконнорожденным сына его жены Анны Гомоюновой — Константина. В 1897 г. Анна ушла от Гомоюнова к крестьянину Камойкину, в 1900 г. родила от него сына Константина, но поскольку Гомоюновы не были разведены официально, в метрическом свидетельстве отцом ребенка был записан Георгий Андреевич. Камойкин застрелил Анну и был приговорен к каторжным работам, но так как официально отцом ребенка считался Г.А. Гомоюнов, мать Камойкина, воспитывавшая Константина, требовала денег на его содержание¹²⁶.

Ярким проявлением низкого социального и правового статуса женщины являлась женская проституция. Она существовала во все времена, однако с развитием капитализма получила особый размах. Начавшийся процесс экономической модернизации вызывал приток в города неквалифицированной рабочей силы. При условии сохранения в обществе патриархальных норм (ограниченность для женщин доступа к образованию, закрытость доступа к государственной службе и квалифицированному, высокооплачиваемому труду) женщины пополняли ряды неквалифицированных рабочих на фабриках и заводах. Низкая заработная плата, тяжелые бытовые условия жизни вынуждали заниматься проституцией. «Главная причина, заставляющая молодых девушек торговать собой, — это нужда, а не отсутствие нравственных чувств... К позорному ремеслу обращаются те, которые не находят честного заработка и которые не получают никакого образования», — писал в 1900 г. историк и публицист П.В. Безобразов¹²⁷.

В 1904 г. врач Калининской больницы в Петербурге Б. Бентовин опубликовал очерк о проституции. Много лет он проводил медицинские осмотры так называемых «официальных» проституток и задался целью выяснить, что

толкало девушек на этот путь. Он изучил данные петербургской полиции за 1891–1893 гг., несколько лет вел записи своих личных бесед с пациентками и в результате пришел к выводу, что на путь проституции обычно вступали девушки деревенского происхождения, которые приезжали в столицу в поисках лучшей жизни, или горожанки с очень низким материальным достатком. Большинство женщин, приезжавших на заработки из деревень, из-за незнания условий жизни и труда, неопытности, одиночества, общения с проститутками в мастерских, больницах часто выбирали, как им казалось, легкий путь добывания денег — проституцию¹²⁸.

На патриархальный уклад как причину широкого распространения проституции указывал писатель, историк, публицист либерально-народнического направления С.С. Шашков. Он был убежден, что, не имея доступа к участию в общественной и политической жизни, неразвитая, невежественная женщина, не интересующаяся ничем, «нередко продает себя только для того, чтобы получить возможность помодничать и пороскошничать»¹²⁹. Выводы Шашкова перекликаются с точкой зрения современной исследовательницы Л. Энгельштейн: «Проституция представляет собой бегство женщины от патриархальной власти семьи и деторождения. Как форма половой активности, которую семья не контролировала, проституция олицетворяла собой сам принцип противозаконной сексуальности, осуществление надзора за которой являлось прямой функцией государства»¹³⁰. Неравенство в семейной и общественной жизни приводило к тому, что женщина оценивалась как объект, а не субъект сексуальных отношений. Ненормальность социальных отношений порождала предложение женского тела, с одной стороны, и запрос на разврат — с другой.

Известный сибирский общественный деятель Г.Н. Потанин высказал предположение о причине распространения проституции среди крестьянок. По его мнению, она заключалась в демографической диспропорции полов в

различных регионах, которая сложилась во второй половине XIX — начале XX вв. вследствие отходничества и развития крестьянских промыслов, усиливавших подвижность населения. Он писал: «Относительно проституции я нахожу в особенных условиях следующие области: приморские (Архангельские, южный берег Финляндии, Петербургская, Одесская); мануфактурный округ под Москвой, Дон, Сибирь. В приморских портах и больших фабричных городах разврат происходит от наплыва мужчин; в подмосковных деревнях (откуда мужчины уходят на заработки), на Дону (вследствие ухода на службу) и в Сибири (от ухода мужей на звероловные продолжительные экскурсии) — от отсутствия мужчин. В последней разврат усложняется наплывом бродяжеского населения»¹³¹.

В обзорах сибирских губерний этот вывод находил свое подтверждение: «Венерические болезни и сифилис более всего развиты в городе Иркутске и в больших селах, прилегающих к линии железной дороги...»¹³². Историк В.А. Зверев отметил, что сильнее всего проституция была развита в больших трактовых и торговых селах, в пригородной зоне, вблизи приисков и в местах уголовной ссылки. Так, в селе Александровском Иркутской губернии, в котором находилась каторжная тюрьма, почти в каждом доме можно было найти «тайный притон разврата с богатым рассадником сифилиса и его последствий»¹³³. В некоторых селах Алтая в начале XX в. образовались целые улицы, заселенные «отходками» да «брошенками» (женщинами, ушедшими от мужей или брошенными ими). Эти женщины ходили на заработки в другие местности, поступали к своим односельчанам в «стряпки» и занимались проституцией.

Кроме отмеченных причин роста проституции, следует также указать на строительство Транссибирской магистрали, вызвавшее приток в Сибирь рабочих, мастеровых, служащих, русско-японскую войну, в результате которой в сибирских городах были сосредоточены войска, а также массовое переселенческое движение.

В начале 90-х годов XIX в. в России официально числи-

лось 17 600 проституток. По подсчетам А. Быковой, в городах Сибири в 1889 г. было зарегистрировано 90 домов терпимости (в них проживало 467 женщин) и, кроме того, работало 297 проституток-одиночек¹³⁴. Число тех и других неуклонно росло. По данным переписи населения 1897 г., в Сибири насчитывалось 1 316 женщин, чьим промыслом была проституция, а также 164 мужчины (Приложения. Табл. 17). Однако в переписи не оговаривается, кто именно входил в это число — содержатели домов терпимости или те, кто там работал¹³⁵. Нет сведений о занятии проституцией на о. Сахалин. Очевидно, что перепись не отразила сведений о проституции в сельской местности, поскольку органы врачебно-полицейского надзора там не действовали. «Женщины вольного поведения» учитывались волостными правлениями по требованию губернских властей, но эта регистрация тоже была неполной в силу специфики «промысла». Волостные писари часто вносили в соответствующие списки всех женщин, живших с мужем в гражданском браке невенчанными. Сведения волостных правлений доставлялись врачам и губернским властям нерегулярно и крайне неполно, поэтому авторы медицинского отчета по Томской губернии за 1897 г. констатировали, что «тайная проституция существует не только в городах ... но и в округах», но насколько она развита в сельской местности, «приблизительно даже заключения дать нельзя»¹³⁶. Кроме того, перепись не могла зафиксировать тайную проституцию, а последняя преобладала. То, что проституцией занималась женская прислуга в гостиницах, трактирах, пивных, меблированных комнатах, банях и т. д., было общеизвестным фактом, однако в переписи это не зафиксировано.

Совершенно особая ситуация сложилась на о. Сахалин. Во второй половине XIX в. из-за опасения захвата Сахалина Японией правительство предприняло ряд мер по усилению русской колонизации острова. В 1859 г. сюда была отправлена первая партия каторжных, в 1860-х гг. здесь основали несколько поселений казаков, с 1869 г. на-

чалась вольная колонизация. На острове царила нищета: в городах сложно было найти работу, поскольку промышленность была не развита; крестьяне-переселенцы ехали сюда через всю Россию и, истратив все деньги, не могли обзавестись хозяйством; каторжники и их семьи жили на казенные пайки. Современник А.А. Панов в путевых заметках писал: «Эта безысходная нищета, изо дня в день кричащая о куске хлеба во что бы то ни стало, делает этот последний исключительным центром всех помышлений сахалинца... Постепенно приобретается привычка жить только для себя, для настоящего момента, без всякой заботы о будущем, которого нет, и, опускаясь все ниже и ниже, человек доходит до состояния полного одичания, когда утрачивается всякий стыд и теряется всякое различие между нравственным и безнравственным, когда ради куска хлеба или нескольких глотков водки продают тело собственных жен и дочерей»¹³⁷.

Женщине найти работу на острове было особенно трудно. Труд чернорабочих в шахте был для них непосилен. Каторжанкам было запрещено наниматься в прислуги, а казенного пайка не хватало. Добровольно последовавшим за мужьями было еще хуже: им не полагалось даже казенного пайка. В условиях диспропорции полов, при большом скоплении ссыльных, казаков, военных в каждом поселении неизбежно возникала проституция. Моральные нормы отходили на второй план перед желанием выжить: «Как может привить сахалинская женщина своему ребенку понятие о человеческом достоинстве, когда... она сама привыкла смотреть на себя только как на самку, а на принадлежность к своему полу как на единственную привилегию на право жить?»¹³⁸

Деятельность публичных домов и проституток-одиночек была подчинена медико-полицейскому контролю. С 1843 г. в городах Российской империи создавались врачебно-полицейские комитеты для надзора за проституцией. В функции полицейского управления входила выдача разрешений на открытие дома терпимости, сбор необхо-

димых сведений о его хозяйке и проститутках (фамилия, имя, отчество, сословное происхождение, возраст, адрес, образ жизни). Проститутку не допускали к промыслу, пока ее не освидетельствовал врач и ей не был выдан медицинский билет («желтая карточка»). В Сибири, в силу недостатка врачей, а также финансирования, медицинский контроль за проституцией первоначально существовал лишь формально. Однако во второй половине XIX в., в связи с широким распространением венерических заболеваний, городские власти всерьез озаботились этой проблемой. Проститутки должны были регулярно проходить медицинское освидетельствование. Больные сифилисом могли получить лечение в городской больнице. Вопрос о его оплате в различных городах решался по-разному: как правило, если проститутка была из дома терпимости, то за лечение должна была платить его хозяйка, но иногда свое лечение проститутки должны были оплачивать самостоятельно (как правило, они стремились избежать лечения, поскольку это означало еще и потерю заработка). Значительная часть больных женщин не могла получить должного лечения за неимением в больницах свободных мест. Известный красноярский врач В. Крутовский в 1896 г. писал о том, что в сибирских городах при больницах существовали «венерические отделения» на ограниченное число кроватей. Так, к примеру, в женском отделении больницы в Красноярске существовала такая палата всего на 8-10 мест. Когда сюда помещали заболевших проституток, это шокировало прочих больных.

Анализируя причины широкого распространения венерических болезней в Сибири, Крутовский отмечал их местную специфику. «Если в России одним из факторов распространения сифилиса считается отхожий промысел, фабрики, большие города, — писал он, — то в Сибири имеется целый ряд аналогичных факторов, неизвестных России, а именно: огромный ссыльный элемент, золотые промыслы, извоз»¹³⁹. К источникам распространения сифилиса Крутовский относил также городские дома терпи-

мости, поскольку абсолютное большинство проституток в них не было официально зарегистрировано полицейскими органами («тайная» проституция), а медицинский надзор был поверхностным. Так, на сентябрь 1879 г. в Иркутске было зарегистрировано 10 домов терпимости, в которых работало 67 женщин. Кроме того, в городе работала 81 проститутка-одиночка и по подозрению в тайном разврате было задержано 48 женщин. При этом врачей, производивших медицинские осмотры, было всего два. Не явились на осмотр 67 проституток (45 % от общего числа официально зарегистрированных). Зараженных венерическими заболеваниями насчитывалось 48 (32,4 %) ¹⁴⁰. Подхватив заразу в публичном доме, пивной, общественной бане, гостинице, ямщики, солдаты, чернорабочие, приезжающие в город крестьяне разносили ее затем по своим деревням, вносили в семьи, способствовали ее широкому распространению.

Содержательницами публичных домов становились, как правило, бывшие проститутки, которые в силу возраста уже не пользовались спросом на рынке интимных услуг, по социальному составу — в большинстве своем мещанки и крестьянки. Так, в Томске в декабре 1901 г. было зарегистрировано 12 домов терпимости с 87 проститутками. Среди их содержательниц преобладали мещанки (66,6 %), для некоторых из них проституция становилась семейным делом — среди них числились три сестры Захир ¹⁴¹.

Согласно сведениям врачебно-полицейских комитетов работницам публичных домов было, как правило, от 17 до 29 лет. Подавляющее большинство из них составляли девушки крестьянского происхождения. Так, в 1908 г. в Красноярске насчитывалось 63 проститутки (в домах терпимости — 34 (54 %), одиночек — 29 (46 %)), из них крестьянок — 47 (74,6 %) ¹⁴².

Очень немногие проститутки решались оставить свое ремесло. Не имея образования, профессии, поддержки семьи, сделать это было крайне сложно. В рапорте городского врача г. Томска отмечено, что всего в городе на январь

1901 г. было зарегистрировано 185 проституток. И только троих из них взяли на поруки с обязательством больше не заниматься этим ремеслом ¹⁴³.

Публичные дома существовали в России до 1917 г. Общественность не раз поднимала вопрос о несостоятельности домов терпимости как меры общественного здравоохранения. Кроме того, легализованная проституция оказывала деморализующее влияние на население: «На нее перестают смотреть как на позор не только мужчины, но и женщины. Она начинает представляться всем не уродливым явлением, но нормальным» ¹⁴⁴. Врач и одна из участниц женского движения в России М.И. Покровская специально исследовала проституцию как социальное явление. Она изучала дневники проституток, провела опрос и обследование пациенток Калининской больницы, посвятила теме проституции несколько работ: «О жертвах общественного темперамента» (1902), «Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа» (1902), «Борьба с проституцией» (1900, 1902). Мария Ивановна пришла к выводу, что единственным эффективным средством борьбы с проституцией должна стать «единая половая мораль» в отношении женщин и мужчин. В 1909 г. Покровская от имени Санкт-Петербургского клуба Женской прогрессивной партии направила министру внутренних дел записку с требованием запретить врачебно-полицейский надзор за проституцией: «Наука выяснила, что осмотры проституток не могут предупреждать распространения венерических болезней. На международных конференциях доказано, что врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует развитию международной торговли женщинами. Санкт-Петербургский клуб Женской прогрессивной партии, признавая, что врачебно-полицейский надзор за проституцией оскорбляет и унижает человеческое достоинство женщины, часто толкает их на путь проституции, содействует развитию международной торговли женщинами, сводничества и развращению молодежи обоим по-

ла, поручил Совету старейшин клуба ходатайствовать перед Вашим высокопревосходительством о содействии отмене означенного надзора»¹⁴⁵.

К числу обществ, боровшихся с системой полицейского надзора за проституцией, относилось Российское общество защиты прав женщин (1900), открывшее несколько отделений: в Баку, Одессе, Ростове-на-Дону, Саратове, Иркутске и др. городах. Представители Общества дежурили на врачебно-полицейских смотровых пунктах. Их задача состояла в том, чтобы оказывать возможную помощь проституткам и тем, которые еще не были зарегистрированы. Первых старались вернуть на честный путь, вторых – удержать от окончательного падения. Многочисленные благотворительные общества и организации открывали мастерские, где женщинам предоставляли работу, общежития и приюты, дешевые столовые, проводили воскресные собрания, на которых с помощью публичных чтений литературных изданий и периодической печати разъясняли последствия и вред проституции.

В 1910 г. в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский съезд по борьбе с проституцией. В работе съезда приняли участие около трехсот человек – представителей медицинских, юридических, благотворительных, феминистских организаций и обществ, общественных организаций и официальных кругов, просветительских и учебных заведений. Съезд резко осудил регулирование проституции государственными органами, выступил в поддержку практики прохождения добровольного медицинского освидетельствования и лечения и защищал необходимость принятия законов, запрещающих проституцию. М.И. Покровская поставила вопрос о потребителе проституции – мужчине, призвала общественность выступить за введение обязательного осмотра посетителей публичных домов, именовать их «проститутками» и применять к ним санкции вплоть до уголовных¹⁴⁶.

Сибирская общественность не вела такой широкой борьбы с проституцией, как в Европейской России. Жен-

ских обществ с такой направленностью в Сибири практически не существовало. Лишь в Томске в 1904 г. было создано Общество защиты женщин «Пчельник». Оно находилось под патронажем жены губернатора и имело богадельню для призрения, в 1912 г. в ней находилось 43 женщины¹⁴⁷.

При организационной неоформленности женского движения энергия наиболее активных его участниц была направлена на борьбу за доступ к образованию, к квалифицированному труду, на решение острых социальных проблем: помощь бедным, переселенцам, благотворительность. Кроме того, в Сибири на проституцию не всегда смотрели как на социальное зло. К примеру, в городах Дальнего Востока это занятие было единственной возможностью для женщины заработать и позволяло ей не умереть от голода. Женщина-врач Анна Николаевна Бек вспоминала, как после Февральской революции 1917 г. она получила приглашение посетить собрание проституток в Чите. Это приглашение заинтересовало ее, и она решила идти, однако, опасаясь неприятных инцидентов, пригласила для сопровождения брата Николая: «При прибытии мы вошли в огромную комнату, я была поражена большим количеством проституток, которые там собрались. Молодые девочки занимали стулья в несколько рядов... Было ясно, что они ожидали меня. Женщина средних лет, не похожая на проститутку, открывала встречу. Вероятно, это была жена содержателя публичного дома. Она говорила о декретах новых властей, по которым публичные дома подлежали закрытию. Хотела пробудить жалость к «бедным молодым девочкам, которые хорошо живут здесь, в то время как их хотят выставить на улицу, обречь на голод и нищету». Повернувшись ко мне, она попросила, чтобы я ходатайствовала, подала прошение о том, чтобы декрет был отменен. После нее красивая молодая женщина рассказала, что она закончила шесть классов гимназии. После смерти матери у нее совсем не было денег, она не знала, как и где работать, смогла устроиться только в

этом учреждении. Когда мне дали слово, я выразила свое отрицательное отношение к их позорной жизни. Я информировала их, что правительство не преследует цели выгнать их на улицу, а, скорее всего, будут открыты общества помощи, которые помогут им начать честную трудовую жизнь. После моей речи наступила тишина. Встреча закончилась. По их удрученным лицам я видела, что они не ожидали такого от меня»¹⁴⁸.

Итак, тот факт, что Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. оставалась колонизируемым регионом, стал причиной дисбаланса полов – численно преобладали мужчины. По своим качественным характеристикам женское население Сибири отличалось от такового в Европейской России: здесь была выше доля женщин зрелого, трудоспособного возраста; большая часть женщин состояла в браке, вдовы и незамужние встречались среди сибирячек гораздо реже, чем за Уралом, и в этом смысле семейное положение сибирских женщин было более прочным.

Согласно законодательству в дореволюционной России права женщин были существенно ограничены. Господство больших патриархальных неразделенных семей обеспечивало стойкость традиционных порядков и норм поведения. Однако в Сибири авторитарная власть большака в крестьянской семье была не такой абсолютной, положение членов семьи, в том числе и женщин, было менее подчиненным. Сказывалась слабость общины с ее регламентацией всех сфер жизни и требованием неукоснительного соблюдения норм обычного права. Кроме того, равный трудовой вклад всех членов семьи в общее хозяйство становился основой для уважительного отношения к женщинам.

Во второй половине XIX – начале XX вв. началась либерализация семейных отношений. Но в Сибири она не была связана с реформами 1860–1870-х гг., поскольку здесь не было крепостного права. Этот процесс был обусловлен рядом других факторов. Во-первых, в связи с развитием капиталистических отношений началось становление малой, нуклеарной семьи. Во-вторых, усили-

лось отходничество крестьян, преимущественно мужчин, в города, на прииски, в другие сельские местности. В хозяйстве, оставшемся без мужчины, усиливались роль и авторитет женщины. Возвращавшиеся отходники несли с собой в деревню элементы городской культуры, новый взгляд на семейные отношения. Но в то же время это задерживало гуманизацию отношений в семьях горожан, поскольку крестьяне несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям в деревне. В-третьих, широкая переселенческая волна приводила к смешению в регионе разнородного населения, в том числе путем смешанных браков, что также расшатывало патриархальные семейные устои сибирских крестьян-старожилов.

Слабое развитие капиталистических отношений, низкий образовательный и культурный уровень сибирячек стали причиной того, что на рубеже XIX–XX вв., в отличие от Европейской России, здесь не развернулось широкое движение за расширение прав женщины. Но в связи с общими процессами демократизации в стране к концу изучаемого периода социально-правовой статус женщин претерпел существенные изменения. Женщины достигли больших успехов в экономической, социальной и культурной сферах, хотя так и не добились полного уравнивания в гражданских и политических правах.

Примечания

¹ Оглоблин, Н.Н. Женский вопрос в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. – 1890. – № 7. – С. 197.

² Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население за 1858 г. – Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1863. – С. 182–183.

³ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в II т. Т. I / под ред. Н.А. Тройницкого. – Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – С. III.

⁴ Там же. С. 4.

⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. 3–5.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. LXXIX. Томская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. — С. 30–31.

⁷ Рапин, А.Г. Население России за 100 лет. — М.: Госстатиздат, 1956. — С. 272.

⁸ Ежегодник России, 1907 г. — СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1908. — С. 49–51.

⁹ Горюшкин, Л.М., Пронин В.П. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири: сб. ст. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 87.

¹⁰ Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). Погубернские, поуездные и поволостные итоги / общ. ред. М.П. Красилюкова // Труды Сибирского статистического управления. Т. 1. Вып. 5. — С. 6–28.

¹¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. IX.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. IX–X.

¹⁵ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): в 2 т. Т. 2. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. — С. 380.

¹⁶ Сифман, Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. — М.: Статистика, 1977. — С. 75.

¹⁷ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. 80–81.

¹⁸ Статистика Российской империи. Т. LXVI. Движение населения в Европейской России и двух губерниях Сибири: Енисейской и Тобольской за 1902 г. — СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1907. — С. 21.

¹⁹ Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. — Тюмень: Тип. К. Высоцкого, 1878. — С. 59.

²⁰ Статистика Российской империи. Т. LXVI... С. 21.

²¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. XII.

²² Там же. С. 80–82.

²³ Миронов, Б.Н. Социальная история России... Т. 1. — С. 340–341.

²⁴ Гончаров, Ю.М. Купеческая семья втор. пол. XIX — начала XX вв. — Барнаул: «Азбука», 2003. — С. 127.

²⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. XII.

²⁶ Зверев, В.А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): учеб. пособ. — Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1988. — С. 24.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Костров, Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. — Томск: Томс. губ. тип., 1876. — С. 24.

³⁰ Сифман, Р.И. Динамика численности населения... С. 73.

³¹ Статистика Российской империи. Т. XXIX. Вып. 11. Енисейская губерния. — СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1895. — С. 54–55.

³² Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX вв. — Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2002. — С. 30.

³³ Крутовский, В.М. К материалам по вопросу о половой деятельности женщин Красноярского края // Отчет Общества врачей Енисейской губернии за 1892–1893 гг. — Красноярск: Тип. А.Д. Жилина, 1893. — С. 1–19.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же; Миронов, Б.Н. Социальная история России... Т. 1. — С. 96.

³⁶ Статистика Российской империи. Т. LXVI... С. 262–275.

³⁷ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний: в IV т. Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — М., 1890. — С. 90–91.

³⁸ Статистика Российской империи. Т. LXVI... С. 17.

³⁹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — СПб.: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1865. — С. 192; Статистика Российской империи. Т. XXIX. Вып. 11... С. 54–55.

⁴⁰ Миронов, Б.Н. Социальная история России... Т. 1. — С. 190.

⁴¹ Сифман, Р.И. Динамика численности населения... С. 73.

⁴² Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — М., 1890. — С. 54–58.

⁴³ Статистика Российской империи. Т. LXVI... С. 19.

⁴⁴ Статистика Российской империи. Т. XXIX. Вып. 11... С. 54–55.

⁴⁵ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. 97–98.

⁴⁶ Там же. С. 252–259.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. 22–29.

⁴⁹ Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. — СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. — С. 4–5.

⁵⁰ Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь Н.М. Ядринцева // Записки императорского Русского Географического Общества. По отделению статистики. — СПб., 1889. — Т. 6. — С. 347.

⁵¹ Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.).

Т.1. — Спб.: Русско-Балтийский информационный центр, 1999. — С. 128.

⁵² Там же.

⁵³ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т. IV. Вып. 5. Енисейская губерния. — С. 98.

⁵⁴ Ссылка в Сибирь... С. 18.

⁵⁵ Максимов, С.В. Сибирь и каторга. Т.2. — Спб.: Тип. А. Траншея, 1871. — С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 65.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Ссылка в Сибирь... С. 6-7.

⁵⁹ Статистический временник Российской империи. — Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866. — С. 113.

⁶⁰ ААА КК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

⁶¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1898 г. — Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1897. — С. 42-45.

⁶² ААА КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2573. Л. 1.

⁶³ Марголис, А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибирии в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибирии (XVIII — начало XIX вв.): сб. ст. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 234.

⁶⁴ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — С. 258.

⁶⁵ Чехов, А.П. Остров Сахалин. — М.: Советская Россия, 1984. — С. 218.

⁶⁶ Кеннан, Д. Сибирь и ссылка... — С. 321.

⁶⁷ Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. — Спб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1873. — С. 337.

⁶⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 729. Л. 1.

⁶⁹ Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 3. — 3-е изд. — М.: Госюриздат, 1956. — С. 386.

⁷⁰ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. XVI, XVII, 36, 39, 50-55, 188; Приложение к Т. I. — С. 40-41.

⁷¹ Там же. С. XVIII.

⁷² Там же. С. 160-163, 188-195.

⁷³ Свод законов Российской империи. Т. X. Свод законов гражданских. — Пг., 1914. — Ст. 61.

⁷⁴ Там же. Ст. 20, 23.

⁷⁵ Там же. Ст. 106, 107.

⁷⁶ Там же. Ст. 103.

⁷⁷ Там же. Ст. 100, 101.

⁷⁸ Там же. Ст. 37, 43, 45, 50, 54.

⁷⁹ Там же. Ст. 1128, 1148.

⁸⁰ Там же. Ст. 109-110.

⁸¹ Свод законов Российской империи. Т. XV. Законы судопроизводства уголовного. — Спб., 1876. — Ст. 969.

⁸² Шашков, С.С. Очерк истории русской женщины. — Спб., 1872. — С. 207.

⁸³ Хвостов, В.М. Женщина и человеческое достоинство. Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. — М., 1914. — С. 383.

⁸⁴ Астырев, Н. На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. — М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1891. — С. 28.

⁸⁵ Александров, В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII — начала XIX в. // История СССР. — 1979. — № 6. — С. 52-53; Миронов, Б.Н. Социальная история России... Т. 1. — С. 240-241.

⁸⁶ Соседко, Ф.Д. Свадебные песни и обряд по реке Куренге Забайкальской области в горно-заводское время. — Красноярск: Типо-литография М.Я. Кохановской, 1906. — С. 1.

⁸⁷ Арцыбушев, В.А. История одной деревни // Сибирский сборник. — 1895. — № 1. — С. 103.

⁸⁸ Костров, Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов... С. 29.

⁸⁹ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — С. 154.

⁹⁰ ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 138. Л. 8-10.

⁹¹ Миронов, Б.Н. Социальная история России... Т. 1. — С. 221.

⁹² ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 66. Л. 9 об.

⁹³ Там же. Л. 44.

⁹⁴ Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири... С. 64.

⁹⁵ Сабурова, Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX — XX вв. — Л.: Наука, 1967. — С. 29.

⁹⁶ ААА КК. Ф. 595. Оп. 51. Д. 149. Л. 2.

⁹⁷ ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 214. Л. 231.

⁹⁸ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... — С. 162.

⁹⁹ ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 214. Л. 1-6.

¹⁰⁰ ААА КК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

¹⁰¹ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... — С. 162.

¹⁰² ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 214. Л. 1-6.

¹⁰³ ААА КК. Ф. 793. Оп. 1. Д. 15. Л. 67.

¹⁰⁴ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — С. 171.

¹⁰⁵ ААА КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1218. Л. 1-17.

¹⁰⁶ ААА КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1.

- ¹⁰⁷ АААКК. Ф. 42. Оп.1. Д. 2715. Л. 6.
- ¹⁰⁸ АААКК. Ф. 1839. Оп. 1. Д. 203.
- ¹⁰⁹ Степанов, А.П. Енисейская губерния. – Красноярск: «Горница», 1997. – С. 178.
- ¹¹⁰ Ровинский, П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского Отдела императорского русского географического общества. – 1872. – Т. 4. – № 3. – С. 115.
- ¹¹¹ Калашников, И.Т. Записки Иркутского жителя // Русская старина. – 1905. – № 7. – С. 196.
- ¹¹² Струве, В.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854. – СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1889. – С. 11.
- ¹¹³ Вагин, В. Сороковые года в Иркутске // Литературный сборник. – Иркутск, 1895. – С. 469.
- ¹¹⁴ Шашков, С.С. Сибирское общество накануне своего юбилея // Дело. – 1879. – № 3. – С. 298.
- ¹¹⁵ Ядринцев, Н.М. Общественная жизнь в Сибири // Сб. избр. ст., стихотв., феллет. – Красноярск, 1919. – С. 8.
- ¹¹⁶ Шашков, С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872. – С. 112.
- ¹¹⁷ Скубневский, В.А. Заметки о духовном мире барнаульского купечества // Образование и социальное развитие региона. – Барнаул, 1995. – № 2. – С. 116.
- ¹¹⁸ Б-ва, А. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. – 1887. – Вып. 4. – С. 185.
- ¹¹⁹ Шелгунов, Н.В. Воспоминания: в 2 т. Т. 2 / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.И. Михайлов. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 349.
- ¹²⁰ Муров, Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1901. – С. 29.
- ¹²¹ Там же. С. 29.
- ¹²² Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири... – С. 37.
- ¹²³ ААА КК. Ф. 42. Оп.1. Д. 831. Л. 2.
- ¹²⁴ ААА КК. Ф. 42. Оп.1. Д. 765. Л. 1.
- ¹²⁵ ААА КК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-1об.
- ¹²⁶ ААА КК. Ф. 42. Оп.1. Д. 1274. Л. 1.
- ¹²⁷ Безобразов, П.В. О современном разврате. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1900. – С. 33.
- ¹²⁸ Бентовин, Б. Торгующие телом (очерки столичной проституции) // Русское богатство. – 1904. – № 11–12. – С. 46.
- ¹²⁹ Шашков, С.С. Очерк истории русской женщины. – СПб., 1872. – С. 265.
- ¹³⁰ Энгельштейн, Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX вв. – М.: Терра, 1996. – С. 49.
- ¹³¹ Потанин, Г.Н. Письма. Т. 2. // Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1988. – С. 108.
- ¹³² Обзор Иркутской губернии за 1914 г. – Иркутск: Губернская типография, 1916. – С. 42.
- ¹³³ Зверев, В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX века // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX вв.: межвуз. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. – С. 73.
- ¹³⁴ Быкова, А.Г. «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность: сб. научн. тр. – Омск: ОмГПУ, 1997. – С. 115.
- ¹³⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. IV / под. ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – 371 с.
- ¹³⁶ Цит. по: Зверев, В.А. Признаки дезорганизации ... – С. 74.
- ¹³⁷ Панов, А.А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. – М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1905. – С. 88.
- ¹³⁸ Там же. С. 210.
- ¹³⁹ Крутовский, В. Сифилис в России и Сибири и проекты борьбы с ним // Сибирский сборник. – 1896. – Вып. 1. – С. 14.
- ¹⁴⁰ ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–36.
- ¹⁴¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 221. Л. 10–12.
- ¹⁴² ААА КК. Ф. 112. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.
- ¹⁴³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 221. Л. 10–12.
- ¹⁴⁴ Покровская, М.И. Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. – СПб.: «С.-Петербургская электропечатня», 1902. – С. 95.
- ¹⁴⁵ Ариян, П.Н. Первый женский календарь на 1909 г. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. – С. 152.
- ¹⁴⁶ Покровская, М.И. Вопрос о дешевых квартирах для рабочего класса // Вестник Европы. – 1901. – Кн. 7. – Т. 4. – С. 188.
- ¹⁴⁷ Быкова, А. «Древнейшая профессия» ... – С. 117.
- ¹⁴⁸ Rassweiler, I. The Life of a Russian Woman Doctor. – Indiana University Press, 2004.

ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

2.1. Женский труд в крестьянском хозяйстве

Крестьянское хозяйство составляло основу экономики Сибири на рубеже XIX–XX вв. К особенностям его развития следует отнести относительное многоземелье и многоотраслевую структуру (земледелие, животноводство, домашняя промышленность, промыслы) – все это заставляло крестьянина расширять или, во всяком случае, не допускать сокращения числа работоспособных членов своего двора.

В семье существовало половозрастное разделение труда. Мужчины пахали, молотили, возили сено, кололи дрова, занимались рыбной ловлей, охотились. С октября по март уходили в тайгу, добывали медведей, россомах, выдр, соболей, белку. Меха продавали скупщикам, деньги шли на уплату податей, хозяйственные расходы семьи. Уходили группами не менее трех человек. Большак и его сын-подросток в это время ухаживали за скотом, чинили сани, сельскохозяйственный инвентарь. Весной мужчины возвращались из тайги и работали в поле.

Хозяйственные обязанности женщин также были строго ранжированы. Пищу готовили две-три «молодухи» – невестки. Остальные невестки и золовки в это время ухаживали за скотом. Каждую неделю (или даже по прошествии целого года – в зависимости от традиций в каждой семье) невестки менялись обязанностями по приготовлению пищи и уходу за скотом, очередь в распределении работы строго соблюдалась. Кроме того, одна из невесток в течение целого го-

да шила мешки, другая варила мыло, третья изготавливала свечи, четвертая выделяла «серянки» (спички) и т. д.

В страдное время дома оставались лишь невестка, золовка и старуха-мать (жена большака) – «домовницы». Они ухаживали за скотом, готовили пищу, присматривали за детьми. Остальные женщины помогали мужчинам в поле. При этом строгого разделения на мужскую и женскую работу в поле не существовало. Корреспондент газеты «Сибирь», восхищаясь трудолюбием сибирской женщины, в 1887 г. писал: «В полевых и домашних работах она заткнет за пояс любого мужчину: она сама распахивает и заборонивает свой надел. Она сама жнет, косит, ни на шаг не отступает от мужчины. Она и зарод закладывает и на зарод сама стоит и тут же рядом ребенка укачивает, всовывая последнему в рот хлебную соску, либо подставляет ему свою грудь»¹.

Немалую роль в обеспечении крестьянской семьи продуктами питания играло огородничество, которым занимались исключительно женщины. Надо иметь в виду, что все огородничество в Сибири было основано на поливе, никаких приспособлений для которого не имелось. Воду разносили по грядкам в ведрах. Из-за частых засух в некоторых местностях поливали даже картофель, а табак и арбузы требовали не только усиленной ежедневной поливки, но и специального ухода. В середине XIX в. современник писал о женщинах пригорода Селенгинска: «Стоит только посмотреть на громадный труд, вкладываемый селенгинскими женщинами в свои огороды, на изнуряющую поливку больших гряд табаку, капусты и картофеля, на кропотливый уход за арбузами, чтобы решить тотчас же, что селенгинская женщина, на которой еще кроме огородничества лежит все бремя ведения хозяйства, ухода за скотом, по своему трудолюбию и полезной деятельности оставляет далеко за собой мужчину»². Лишь к глубокой старости женщина освобождалась от тяжелых работ. К ней переходила функция присмотра за маленькими детьми, мелкая помощь по дому.

Напряженный труд и мужчин и женщин в крестьянском хозяйстве давал свои результаты. Путешествовавший по Западной Сибири в 1890-х гг. А.А. Исаев писал: «Я не везде находил признаки довольства... но за исключением бобыльских и солдатских дворов не было заметно и той нужды, которую так часто встречаешь в деревнях средней России»³.

Вплоть до середины XIX в. в Сибири отчетливо проявлялись формы докапиталистического натурального хозяйства и присущей ему домашней промышленности. Слабая связь с рынком приводила к тому, что большинство потребностей крестьяне удовлетворяли трудом своей семьи. В крестьянских семьях выделывались овчины, изготовлялись ободья, полозья, колеса, телеги, плелись веревки из мочала и пеньки. Мужчины изготавливали незатейливую домашнюю утварь, а женщины ткали холсты и сукно, шили одежду: «Жена крестьянина вместе со своими дочерьми, не довольствуясь льняною белою юбкою, окрашивает ее в желтый, коричневый, розовый и черный цвета, добываемые ею из растительных красок. Обувь шьет ей ее муж, а она «налаживает» ему шапку из шкур им же самим убитого зверя. Теплая одежда, однорядки, шабуры и юбки приготавливались из шерсти овец»⁴.

В пореформенный период натуральный характер крестьянского хозяйства начинает подрываться, намечается переход к товарному производству, распространенной формой которого становится крестьянская кустарная промышленность. Огромную роль в её развитии играл женский и детский труд. Так, ковровому мастерству в крестьянских хозяйствах Западной Сибири девочек начинали обучать с 7-8 лет, а к 14-15 годам они приобретали профессиональные навыки этого промысла. Почти во всех семьях Тобольской губернии женщины ткали ковры. Цена каждого из них колебалась от 2 до 10 рублей, в зависимости от величины, рисунка и добротности: «Рисунок и доброта настолько удовлетворительны, что они славятся по всей Сибири, а через Ирбитскую и Нижегородскую

ярмарки распространяются и по Европейской России», — отмечали исследователи экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири⁵.

Распространенным среди женского населения был скорняжный промысел (выделка и обработка шкур животных). Выделанные меха, преимущественно беличьи и лисьи, сбывались на Ишимской ярмарке⁶. Производством спичечной соломки и спичечных коробков занимались преимущественно женщины и дети, поскольку промысел считался маловыгодным. Особенно широко он был распространен в Богородской (строганием соломки в 1880 г. занимались до 50 семей), Семилужской и Ишимской волостях Томского округа⁷. В 1891 г. А.А. Исаев описал товары, которыми торговали крестьянки села Самаровского, расположенного в десяти верстах от устья Иртыша: «Все продукты... крайне однообразны; почти все они являются дарами природы в тесном смысле этого слова: рыбы разных пород, утки, молоко, грубый полубелый хлеб — вот и вся продажа, с которой самаровские женщины приближаются к пристани в ожидании парохода»⁸. Исаев также отмечал, что ремесленные изделия можно было купить только на пристанях у сел, расположенных вблизи больших городов. Так, первое ремесленное изделие на пути после Тобольска ему удалось увидеть лишь в селе Колпашево близ Томска: «На пристани было несколько женщин с хлебом, молоком, яйцами, маслом; явилась даже одна старуха, продававшая пестрые шерстяные вязаные рукавицы»⁹. О степени распространения ремесленного производства можно судить по обследованиям кустарных промыслов в Томском уезде. Из 659 крестьянских хозяйств, занимавшихся промыслом, 81 работало на заказ в пределах своей волости, 51 — на заказ в пределах уезда, 25 хозяйств — на заказ в город Томск¹⁰.

В Восточной Сибири вплоть до конца XIX в. главными занятиями населения были земледелие и связанное с ним скотоводство. В Енисейской губернии кустарная промышленность была ориентирована на выделку продуктов

первой необходимости в домашнем быту: обработка льна, конопли (для изготовления холста), шерсти (сукно, войлок), шкур, гонка смолы, дегтя, различные изделия из дерева (посуда, сани, телеги, колеса и т. п.). Как правило, такие промыслы были делом семейным, в изготовлении всех видов продукции принимали участие женщины и подростки¹¹. Женщины, кроме того, занимались винокурением¹². Современники, путешествовавшие по Сибири, писали: «Женщины гонят «самосидку», которая за крепость и едкость вкуса особенно ценится и даже предпочитается кабацкой водке»¹³.

В Иркутской губернии даже в начале XX в. сохранялся натуральный характер крестьянских хозяйств. Такие промыслы, как бондарное, кожевенное, портняжное, не выделялись из состава домашнего производства. Женщины здесь, как и везде в Сибири, ткали, изготавливали холсты, половики, пряжу. «Почти все крестьянки умеют ткать и прясть, некоторые выделывают овчины», — свидетельствовал Н.Н. Козьмин¹⁴.

В селах, расположенных вблизи крупных городов, было развито торговое огородничество. Так, в селе Грановском Урикской волости, расположенном в 25 верстах от Иркутска, крестьянки выращивали огурцы, капусту, картофель, лук, чеснок, морковь, свеклу, арбузы, дыни. Два раза в неделю они ездили на рынок в город для продажи овощей. Дело это было достаточно доходное, так как одна хозяйка ежегодно продавала одного только лука на 300–500 рублей. Особой статьей дохода у женщин считалась продажа табака. Для «своих мужиков» высаживалась специальная грядка, но если собранного с нее табаку мужикам не хватало, то они должны были покупать его у сестер и невесток¹⁵.

В 1893 г. в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии в промыслах было занято 3 345 мужчин и 350 женщин. Женщины составляли лишь 9,5 % от числа всех занятых. Подавляющее большинство промыслового населения было занято добычей рыбы — 79,5 % мужчин

и 33 % женщин; на втором месте по числу занятых у мужчин был сбор орехов (10,3 %), у женщин — прядение и ткачество (27,1 %); на третьем у мужчин — выделка кож (5,7 %), у женщин — выделка сукна и войлока (19,4 %). Небольшую роль играли такие виды промысловых занятий, как вязание сетей, выделка глиняной посуды, изготовление кирпичей (Приложения. Табл. 18).

На Дальнем Востоке главную роль играли такие традиционные промыслы, как добыча рыбы, охота, сплав леса, извоз. В Амурской области смолокурением занималось около 100 семей, 25 семей гнали деготь, 10 жгли уголь, 20–25 были заняты ободьевым и колесным промыслом, 10–15 человек выделывали полозья¹⁶.

Согласно переписи населения в 1897 г., в Сибири среди всего самодеятельного населения земледелием занимались 793 067 человек (из них 92,5 % мужчин и 7,5 % женщин), животноводством — 117 290 (88,4 и 11,6 % соответственно). Наиболее распространенными были добывающие промыслы. Рыболовством и охотой занимались 36 216 человек (из них 95,8 % мужчин, 4,2 % женщин); в лесных промыслах было занято 17 303 человека (98,4 и 1,6 % соответственно) (Приложения. Табл. 19).

Важным промыслом для населения был извоз. До строительства железной дороги большой сибирский тракт давал значительный заработок населению. В этом промысле были заняты и женщины. В 1864 г. ехавший на Амур С. Максимов на станции у Томска взял ямщика, но вскоре рассмотрел, что это была женщина. Это было столь необычно, что он не мог не заинтересоваться: «Что тебя, тетка, заставляет ездить: не бабье ведь это дело?» — спрашивал я. — «Кому же ездить-то, коли у меня хозяина в дому нету?... Так же молодцевато вскочила и соскочила она с облучка, так же бойко и послушливо бежали у ней лошади, как бы и у любого ямщика»¹⁷. После строительства железнодорожного пути этот промысел утратил свое значение. В 1897 г. извозным промыслом в Сибири занимались 13 387 человек, из них 98,9 % мужчин и 1,1 % женщин¹⁸.

Таким образом, большая часть мелких крестьянских промысловых заведений находилась в Западной Сибири. С удалением на Восток наблюдалось не только сокращение размеров крестьянского производства, но и превалирование добывающих промыслов, а в них — примитивные экономические формы. Женщины принимали участие практически во всех видах крестьянских промыслов (поскольку они были делом семейным), составляли абсолютное большинство во всех отраслях текстильного промысла, зарабатывали на продаже продуктов огородничества.

В пореформенный период усилилось расслоение крестьянских хозяйств, все больше зажиточных крестьян прибегало к найму батраков. Основную часть наемных рабочих в сельском хозяйстве составляли мужчины, но со временем стало расширяться использование наемного труда женщин. Важную роль в этом процессе играло возрастающее применение машин во второй половине XIX в.: при работе на жатках, сеялках, молотилках уже не нужно было большого напряжения физических сил.

Рынок наемной рабочей силы в сибирской деревне создавался за счет широкого притока переселенцев, в первое время лишенных возможности наладить свое хозяйство на новом месте, части местных разорившихся крестьян-старожил, ссыльных. В конце XIX в. в сибирской деревне использовались различные формы найма: годовой, помесичный, срочный. Мужчин нанимали косить сено, убирать хлеб, заготавливать лес, женщин — вязать снопы, грести сено, доить коров, выполнять домашнюю работу.

Зачастую на сельскохозяйственные работы нанимались девушки с раннего возраста, поскольку таким способом они зарабатывали себе на приданое. О распространении такого явления сообщает в своих путевых записках А. Павлов, путешествовавший по Западной Сибири в 1870-е гг.: «Выходя замуж, девушка не имеет приданого от родителей, а несет с собой только то, что сама заработала. С 15 лет она нанимается на сторону, в работницы, а по местному выражению в пострадки»¹⁹. За хороший труд кроме оплаты хозяева могли

наградить девушку некоторым количеством мыла, шерсти, домашней утвари: «Из таких ресурсов работница-девушка многолетним тяжелым трудом экономит себе приданое и выходит замуж, имея далеко за двадцать лет»²⁰.

Как правило, на длительные сроки нанимали только мужчин, а женщин — на летний период, на такие работы, как прополка полей и жатва. В 1889 г. в Ишимском округе Тобольской губернии было зафиксировано лишь 5-6 случаев найма женщин на год. В зимний период женщин не нанимали совсем. При найме на летний сезон женщине платили 7-9 рублей, а при найме на год — всего 8-12 рублей: «Вне страдного времени труд женщины ценится ни во что или почти ни во что»²¹.

Такие тяжелые полевые работы, как вспашка полей и посев хлебов, считались мужской работой, а вот жатва была делом совместным. Женщины считались столь же пригодными для этой работы, как и мужчины, ввиду чего в отдельных местностях труд женщин оплачивался значительно меньше, чем труд мужчин²².

Исключительно женской была такая обязанность по хозяйству, как прополка полей. В зависимости от большего или меньшего количества сорных трав эта работа требовала разного числа рабочих рук. Поле, сильно заросшее сорными травами, могли выколоть в один день 9-12 женщин, при слабом росте сорняков — 4-7. При срочном найме оплата составляла 1-2 рубля с десятины²³.

Заработная плата мужчин и женщин зависела от региона, сезона и вида выполняемых работ (Приложения. Табл. 20). Разница в оплате мужского и женского труда была стабильной: за период с 1901 по 1905 гг. заработная плата женщин составляла от 56 до 82,5 % от заработка мужчин. Причем уровень оплаты женского труда был выше в Томской губернии (от 65 до 74,6 % от оплаты труда мужчин) и Амурской области (от 73,7 до 82,5 %) по сравнению с Енисейской губернией (от 56 до 71,1 %) ²⁴. Это объясняется тем, что в губерниях Западной Сибири крестьянские хозяйства в большей степени прибегали к

найму рабочей силы. Развитие капиталистических отношений в этом регионе началось раньше, востребованность женского труда была высокой. На Дальнем Востоке же, в силу диспропорции полового состава населения, в хозяйстве крестьян наблюдалась нехватка именно женских рабочих рук.

Перепись 1897 г. показала, что женщины составляли 1/5 (18,3 %) всех наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве²⁵. Первая мировая война вызвала чрезвычайно высокую напряженность с трудовыми ресурсами в сибирской деревне. В связи с мобилизацией на фронт мужчин увеличилась рабочая нагрузка на женщин. В 1917 г. на полевых работах и на сенокосе в Сибири было занято 65 461 человек, из них 49 317 мужчин (75,3 %) и 16 144 женщины (24,7 %)²⁶.

Показателем изменения положения крестьянок в деревенском обществе со второй половины XIX в. может служить их активность в отхожих промыслах. В отходничестве участвовали преимущественно вдовы без детей или вдовы, чьи дети стали взрослыми, а также одинокие незамужние женщины, потерявшие шансы выйти замуж. Занимались отходничеством и замужние, но сравнительно редко. Как свидетельствовал современник, «самостоятельный труд для огромного большинства незамужних и вдовых женщин представляет собою единственное средство к существованию, а замужним он дает возможность улучшить благосостояние семьи»²⁷.

Многие главы семей и мужья препятствовали уходу женщин в города на заработки, и тогда женщины пытались получить паспорт, дававший право на отход, через суд. Сам факт массового обращения крестьянок в судебные инстанции свидетельствовал о росте их социальной активности.

Длительный отход в города оказывал серьезное воздействие на семейный уклад. Участие в отходничестве давало женщине экономическую независимость, расширяло ее кругозор, развивало самостоятельность, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся ук-

лад деревенской жизни. Когда из дома уходил мужчина, его место занимала женщина. На ее плечи ложились все заботы по хозяйству и дому, она представляла отсутствующего домохозяина на сходах, заключала сделки и т. д. С другой стороны, мужчина в городе усваивал новые идеи и новые отношения и был более склонен менять свои традиционные взгляды на семейный уклад и статус в нем женщины.

Ссылный народник С.Я. Елпатьевский в 1897 г. отмечал, что женщины в некоторых селах Западной Сибири заменили мужчин в их традиционных занятиях: «Мужиков вовсе не видно: кто ушел в тайгу белковать и соболевать, кто уехал в извоз на прииски. Баба надевает бляху и в качестве десятского является встречать начальство; бабы перепрягают лошадей; две бабы вместо фореиторов взбираются верхом на лошадей, третья, какая-нибудь лихая девка, одетая по-ямщицки, залезает на облучок нашего возка и, с гиканьем, длинным кнутом подхлестывает лошадей»²⁸.

В 1880–1913 гг. в России доля отходниц колебалась от 0,3 до 8 % от всего женского населения. Процент женщин к общему числу отходников варьировался, лидировали губернии промышленного центра и столичные, но в целом доля отходников даже в начале XX в. была незначительна, за исключением столичных губерний²⁹. Так, в 1887–1888 гг. в Иркутской губернии крестьянские общества выдали свидетельств на право отхода («виды на отлучки»): мужчинам – 23 139 (16,5 % всего мужского населения), женщинам – 2 756 (2,1 % всего женского населения), т.е. женщины получили 10,6 % всех отходных свидетельств³⁰. Причем, как и у мужчин, преимущественно это были свидетельства сроком на один год (Приложение. Табл. 21).

По подсчетам Л.М. Горюшкина, накануне Первой мировой войны численность всех наемных работников в сельском хозяйстве Сибири можно считать равной примерно 260 тыс. человек, из которых 220 тыс. (84,6 %) – преиму-

шественно работники в сельском хозяйстве, около 40 тыс. (15,4 %) – отходники в промышленность, на лесные заготовки, рыболовство, транспорт, строительство. Женщины составляли до 17 % всех отходников, т. е. примерно 6 800 человек³¹.

Таким образом, особенности крестьянского хозяйства в Сибири обуславливали потребность в большом количестве рабочих рук, а потому половозрастное разделение труда не всегда было четким и женщины нередко брали на себя обязанности мужчин. Как следствие, интенсивность женского труда в Сибири была особенно высокой. По мере втягивания крестьянского хозяйства в рыночные отношения возрастала численность женщин, работающих по найму, их активность в отхожих промыслах. Все это не могло не повлиять на семейный уклад крестьян: патриархальные взгляды на статус и роль женщины в семье ушли в прошлое.

2.2. Труд сибирячек в промышленности

Сибирь являлась краем интенсивной колонизации, играла роль аграрно-сырьевого придатка промышленного центра России. Во второй половине XIX в. промышленное производство составляло лишь 1/4 стоимости продукции Сибири, 3/4 давало сельское хозяйство. Свыше 99 % ввоза в Сибирь приходилось на промышленные изделия, а в вывозе 40 % составляло сливочное масло, 23 % – другие продукты питания, 19 % – золото, 15 % – пушнина³².

Преобладание мелкотоварного и мануфактурного производства в сибирской промышленности, разнотипность предприятий, их сравнительно молодой возраст, слабая техническая оснащенность, низкая концентрация производства – все это оказывало влияние на формирование промышленного пролетариата в Сибири. Рабочие размещались на огромной территории мелкими группами, изолированными друг от друга большими расстояниями. До

60-х годов XIX в. суммарных данных о применении женского и детского труда в промышленности нет. Имеются лишь разрозненные сведения, относящиеся к отдельным промышленным предприятиям. Так, в начале 1860-х гг. на двенадцати казенных заводах Восточной Сибири женщины составляли около 4,7 % от общего числа рабочих. Большой удельный вес женщин среди рабочих был зафиксирован на солеваренных заводах: в 1871 г. на Иркутском, Троицком и Усть-Кутском заводах женщины составляли около 30 % рабочих³³.

Строительство Сибирской железной дороги дало мощный толчок промышленному развитию восточной окраины России. Пореформенный период характеризуется расширением применения женского труда в различных отраслях промышленности. Этому способствовал ряд факторов: во-первых, механизация производства, позволявшая использовать труд физически менее сильных работников; во-вторых, вытеснение ручного ткачества на дому, в котором были заняты исключительно женщины, фабрикой; наконец, плохая материальная обеспеченность рабочих, невозможность мужчине одному содержать семью.

Исключительно тяжелые условия труда на предприятиях горной промышленности препятствовали распространению здесь женского труда, однако его применение росло и в этой сфере. Динамику удельного веса женского и детского труда в горной, преимущественно золотодобывающей, промышленности в пореформенный период иллюстрируют сводные данные по пяти горным округам (Ленскому, Ачинско-Минусинскому, Северо-Енисейскому, Южно-Енисейскому и Томскому): в 1881 г. женщины и дети составляли 4,8 %, в 1890 г. – 5,5 %, в 1900 г. – 9,7 % от всех рабочих, занятых в этой отрасли³⁴.

На золотые прииски женщин нанимали для обслуживания рабочих: приготовления пищи, стирки, уборки помещений. Содержание им выплачивала каждая рабочая артель отдельно. Некоторые золотопромышленники пред-

почитали нанимать женатых рабочих, поскольку их жены сами готовили пищу, стирали, но никакого содержания – ни денежного, ни продуктового – им выплачивать было не нужно. В начале 1890-х гг. на золотых приисках Семипалатинской области рабочие получали месячное жалование от 3,5 до 30 рублей. Зимой средняя зарплата рабочего составляла 15-18 рублей в месяц, летом – 25-30. Женщины же, «находящиеся на различных занятиях», получали от 3,5 до 5,5 рублей³⁵. Многие рабочие (отходники) приходили на прииски только на зимний сезон, поэтому при дефиците рабочих рук летом для разработки золота иногда нанимали женщин. Их труд ценился дешевле мужского. Так, на одном из приисков Семипалатинской области в 1888 г. в среднем плата составляла «мужчинам – 40 копеек в месяц, женщинам – 30, детям – 10»³⁶.

Малочисленность женщин на приисках оказывала деморализующее влияние на рабочих. Современник писал: «Из-за одинокой женщины совершаются ссоры, драки, преступления. Женщина, идущая с рабочими на прииска, разделяет их беспутную жизнь и ничем не отличается от них в разврате: у приисковой женщины несколько любовников. По некоторым уголовным процессам видно, что такие женщины участвуют в преступлениях рабочих, в краже золота, в убийстве других приисковых»³⁷.

В 1881 г. на всех золотых приисках в Сибири насчитывалось 32 182 мужчины, 2 483 женщины и 404 ребенка. Женщины и дети составляли 8,3 % приисковых рабочих, женщины без детей – 7 % (Приложения. Табл. 22). В 1889–1890 гг. использование женского и детского труда на приисках достигло своего максимума – 4 800 женщин и 3 000 детей. На прииски приходили целыми семьями, значительным стал контингент постоянных приискателей³⁸.

В обрабатывающей промышленности Сибири женский труд использовался редко, однако по мере роста производства наблюдалось увеличение его доли: в период с 1885 по 1895 гг. она возросла почти в 2 раза, с 5,7 до 12,1 % (Приложения. Табл. 23).

В 1885 г. отраслями с наибольшим использованием женского труда были табачно-папиросная (27,8 %), производство строительных материалов (20,7 %) и текстильная (21,9 %), с наименьшим – производство свечей и мыла (0,8 %) и мукомольное (1 %). Через десять лет на первом месте по-прежнему были текстильная (35,8 %) и табачно-папиросная (35,4 %) отрасли, на последнем – мукомольное (1,6 %) и винокуренное производство (2,3 %). Возросла доля женщин, занятых на химических предприятиях (с 15,6 до 23 %), в производстве строительных материалов (с 20,7 до 30 %), пивоварении (с 1,4 до 9,3 %), обработке кож (с 2 до 9,9 %). Почти не применялся женский труд в строительстве, на водном и железнодорожном транспорте. В таких трудоемких отраслях, как металло- и деревообрабатывающие, труд женщин не использовался³⁹.

В целом доля женского и детского труда в обрабатывающей промышленности края была ниже, чем в Европейской России. Если в Сибири эта цифра за 1895 г. составляла 12,1 % числа всех рабочих, то в европейской части страны аналогичный показатель в 1886–1890 гг. равнялся 27,5 %⁴⁰. Материалы переписи населения 1897 г. подтверждают незначительность применения женского труда в горной и горнозаводской промышленности (1,6 %). Значительно больше женщин было в обрабатывающей промышленности – 21,3 %. В ряде отраслей женский труд почти не использовался – металлообработке (0,9 %), винокурении (2,2 %). Женщины превышали количество мужчин лишь в группе производства по обработке волокнистых веществ (65 %). В целом по Сибири женщины составили 15,5 % всех рабочих (Приложения. Табл. 24). Согласно переписи, общее количество женщин, работавших по найму, здесь было почти таким же, как и в Европейской России (30,8 и 30,2 % соответственно), но существенно отличалась структура занятости – в Сибири основная масса женщин работала не на фабриках, а в сфере обслуживания⁴¹.

Доля женщин среди рабочих Западной Сибири была несколько выше, чем в Восточной Сибири. Здесь была

размещена большая часть обрабатывающей промышленности, гуще сеть городов, сосредоточена сельскохозяйственная продукция, на переработке которой в значительной степени специализировалась обрабатывающая промышленность. К 1908 г. в обрабатывающей промышленности Западной Сибири доля женского труда равнялась 15,5%, тогда как в целом по стране — 27,7 %⁴². В Восточной Сибири женщины составляли незначительное число самостоятельно занятого населения. Сферами приложения женского наемного труда в основном были сельское хозяйство и прислуга. Так, в 1897 г. в Енисейской губернии доля женщин среди самостоятельно занятого населения составляла 14,6 %. Большинство из них были заняты поденной работой и работали прислугой у частных лиц — 9 327 (36,3 % от числа работающих женщин и 49,7 % от числа всей прислуги). В добывающей промышленности работало лишь 78 женщин, т.е. 0,3 % работающих женщин и 1 % от числа рабочих отрасли; в обрабатывающей — 1 558, т.е. 6 % работающих женщин и 14,7 % от числа всех рабочих этой отрасли⁴³. Города Дальнего Востока являлись торговыми, административными и в значительно меньшей степени промышленными центрами. Развитие промышленности сдерживалось недостатком капиталов, узостью внутреннего рынка и завозом промышленных товаров из Европейской России, а также товаров иностранных компаний из Китая. Занятость женщин здесь была самой низкой по Сибири. Так, в Амурской области в 1897 г. женщины составляли 2,4 % рабочих, в Приморской — 4,4 %⁴⁴.

Труд женщин широко использовался на производстве со сложной структурой и технологией, где многие операции выполнялись с помощью машин и различных механических приспособлений. Много женщин и детей трудилось в винных складах на розливе продукции, мытье и этикетировании посуды, в бумажно-полиграфическом производстве, т.е. там, где менее всего нужна физическая сила. Вместе с тем эти производства, требовавшие соприкосновения с фосфором, свинцом, табачной пылью, были особенно вредны для женского здоровья.

Первая мировая война окончательно подтвердила необходимость женской рабочей силы. С большим патриотическим подъемом российские женщины заменяли мужчин на трудовом фронте. Уже в первый год войны как в целом по России, так и в Сибири был зафиксирован резкий скачок доли женского труда в промышленности. Так в 1913 г. в целом по России среди рабочих, подчиненных надзору горной инспекции, женщин насчитывалось 16 тыс. (3,8 % всех рабочих), в 1914 г. — уже 688 600 (31,1 %), а в 12 горных округах Сибири, подчиненных надзору горной инспекции, — 1 471 (2,2 %) и 3 350 (16,6 %) соответственно⁴⁵.

На 1 января 1917 г. доля женского труда на производстве Сибири достигла 25,5 %. В среднем по стране к этому времени процент работниц в фабрично-заводской промышленности уже вырос до 40,1⁴⁶.

В области улучшения условий труда, охраны здоровья в России не было последовательной государственной политики. Трудовое законодательство находилось в зачаточном состоянии и не способствовало созданию достойных условий жизни ни женщинам, ни мужчинам. Рабочий день зависел главным образом от продолжительности светового времени и продолжался в горнодобывающей промышленности 13-16 часов, в обрабатывающей — 11-12. Для женщин не делалось исключений. Первый закон о работе подростков и лиц женского пола на промышленных предприятиях появился лишь в 1885 г. Он запрещал ночную работу женщин и подростков на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Закон об охране материнства был принят только в 1912 г. Он также освобождал от работы беременных женщин за две недели до родов, рожениц — на четыре недели после родов при выплате денежного пособия в размере от половины до полного заработка.

Женский труд в промышленности оплачивался в среднем по России на 30-40 % ниже мужского. Причинами служили несколько обстоятельств. Поскольку высшие технические учебные заведения в России для женщин были

недоступны вплоть до начала XX в., женский труд был менее квалифицирован. Ряды работниц на фабриках пополняли бывшие крестьянки, не имевшие даже начального образования, или представительницы низших городских сословий с образованием не выше начального. Кроме того, предполагалось, что женщина покрывала своим заработком лишь часть расходов (зарабатывала «на булавки»), а основной доход в семью приносил мужчина. Между тем зачастую работница содержала не только себя, но и детей. «Жизнь такой работницы тяжела и непосильна», — писал в 1915 г. один из корреспондентов журнала «Женское дело»⁴⁷.

В Сибири, как и в Европейской России, оплата женского труда была ниже, чем у мужчин. В 1910 г. минимальная оплата труда мужчины-чернорабочего составляла в среднем 50 копеек в день, максимальная — 2 рубля, женщины-чернорабочей — соответственно 30 копеек и 1 рубль 50 копеек. Минимальная оплата мужчины, работавшего в услужении, составляла в среднем по Сибири 5 рублей, максимальная — 120 рублей в месяц, а женщины — 2 и 39 рублей соответственно (40 и 32,5 % от оплаты труда рабочего). Оплата труда и мужчин, и женщин сильно варьировалась в зависимости от региона. В губерниях Восточной Сибири и Дальнего Востока она была значительно выше, чем в губерниях Западной Сибири (Приложения. Табл. 25). По подсчетам В.А. Скубневского, в 1905 г. в Енисейской, Тобольской губерниях, Акмолинской и Забайкальской областях средние заработки работниц составляли 49–58 % оплаты труда мужчин⁴⁸.

Важнейшим для рабочих был вопрос жилья. Хозяева заводов очень редко предоставляли дома и квартиры для рабочих своего предприятия, обычно они должны были строить их сами, т. е. вокруг заводов возникали промышленные поселки. Если предприятие находилось в черте города, семьи рабочих ютились на съемных квартирах. Особенно остро вопрос жилья стоял перед одинокими молодыми девушками. Обычно они принадлежали к беднейшим слоям городского населения или были сиротами.

Как правило, такие работницы вскладчину по несколько человек снимали комнату, а иногда просто угол в коридоре или на кухне. Довольно распространенной была ситуация, когда молодые девушки, не выдержав нищенских условий существования, бросали работу на фабрике и становились проститутками. А.М. Коллонтай в работе «Труд женщины в эволюции хозяйства» приводит сведения, что самый большой процент проституток среди городского населения давали наименее оплачиваемые профессии работниц, на этот путь их толкала острая нищета, необходимость кормить оставшихся на попечении братьев и сестер⁴⁹.

Таким образом, во второй половине XIX в., в связи с проникновением капиталистических отношений в Сибирь, под влиянием развития промышленности на фабриках и заводах получил распространение женский труд. Он использовался во всех отраслях промышленности, но размеры и удельный вес его были различными. Основная масса женщин трудилась в обрабатывающей промышленности, в значительно меньших масштабах — в горнодобывающей, что объясняется тяжелыми условиями труда на предприятиях этой отрасли, а также тем, что работа там была сезонная, связанная с неземледельческим отходом, а женщины составляли незначительный процент среди отходников.

Уровень занятости женщин в промышленности Западной Сибири был выше, чем в Восточной, а в Восточной Сибири — выше, чем на Дальнем Востоке, поскольку Западная Сибирь в индустриальном отношении была более развитым регионом. В целом, женский труд в сибирской промышленности применялся меньше, чем в европейской части страны. Это объясняется тем, что здесь были слабо развиты отрасли с традиционно высокой долей женщин-работниц — текстильная, обувная, швейная и т. п. Нельзя не учитывать занятость женщин домашним хозяйством, включая огороды и домашний скот. Оказывали влияние и демографические особенности — в городах численно преобладали мужчины, как и в целом по Сибири. Во время

Первой мировой войны уровень занятости женщин в промышленности региона резко вырос.

2.3. Женщины-предпринимательницы

Во второй половине XIX в. женщины стали активно заявлять права на свободу выбора сферы профессиональной деятельности. Одной из сфер приложения женского труда стало предпринимательство.

Поскольку в России законодательство признавало раздельность владения имуществом супругами, право вести деловые переговоры и заключать сделки принадлежало лицам обоего пола. Женщина могла самостоятельно выдавать векселя и заниматься предпринимательской деятельностью. Ее собственностью признавалось все, что составляло ее торговый капитал, и то, что было приобретено посредством торговых оборотов этого капитала. Имущество жены не могло быть изъято и обращено на уплату долгов мужа. После смерти мужа жена могла продолжить семейное дело. Для этого требовалось лишь взять купеческое свидетельство на свое имя⁵⁰. Как и мужчины, женщины могли заниматься предпринимательской деятельностью в тех рамках, которые предполагала принадлежность к той или иной гильдии.

До реформ 1860–1870-х гг. в обществе прочно укоренилось убеждение, что роль женщины должна ограничиваться домашним хозяйством и воспитанием детей. Немногие решались сломать этот стереотип. То есть женщины страдали в большей степени не от отсутствия прав, а от общественного мнения и, как следствие, неумения пользоваться своими правами, от юридической безграмотности.

Еще в первой половине XIX в. в Сибири были успешные предпринимательницы, которые самостоятельно вели дела. Среди них можно отметить титулярную советницу Анну Гавриловну Коновалову, которая в 1828–1829 гг. на правах иногородней купчихи состояла в 3-й гильдии

Красноярска с капиталом в 8 000 рублей. В 1833 г. она взяла купеческое свидетельство в городе Ачинске, ей принадлежал Знаменский стекольный завод в Заледеевской волости Красноярского округа, построенный в 1820-х гг. В 1830 г. на нем работало несколько временных черно-рабочих и 32 постоянных работника с зарплатой от 20 до 600 рублей в год. Продукция завода продавалась в Енисейской, Томской, Иркутской губерниях. В Красноярске Коноваловой принадлежала лавка, где торговали стеклянной посудой⁵¹.

В большинстве случаев женщины выступали как деловые партнеры своих мужей, активно помогая им. Так, Александра Ивановна Баркова в 1849 г. приехала с мужем из Европейской России в Енисейск. Супруги стали крупными енисейскими золотопромышленниками. Александра Ивановна, будучи потомственной почетной гражданкой, с 1861 г. торговала в Енисейске по свидетельству 2-й гильдии. В 1887 г. она опубликовала в «Сибирском сборнике» «Воспоминания о сибирской золотопромышленности», где описала Енисейск 1850-х годов. Видные чиновники и золотопромышленники города предстали в ее воспоминаниях как наглые, неграмотные воры и мздоимцы, главными целями которых были нажива, роскошь, примитивные развлечения. Не в восторге была Баркова и от сибирских ярмарок: «Ирбитская ярмарка показалась мне чрезвычайно грязной, незначительной, неинтересной в сравнении с Нижегородской, которую я не раз видела: лавки темные, какие-то убогие, товары старомодные»⁵².

Жены многих предпринимателей были совладелицами золотых приисков, на их имя делались заявки на разработку золотосодержащих местностей. Например, в Енисейской губернии такие заявки были сделаны на имена А.Ф. Кузнецовой, М.А. Гусевой, П.И. Сафьяновой, Е.Н. Окуловой и др.⁵³

В конце XIX – начале XX вв. в Европейской России значительно возросло число женщин-предпринимательниц. Они входили в состав торговых домов и акционерных ком-

паний. Так, на 1 января 1904 г. в России насчитывалось 3 616 торговых домов. Участие женщин было зафиксировано в 470 из них (т. е. в 13 % от их общего количества) в качестве 567 полных товарищей (предприниматели – близкие родственники, отвечавшие в случае банкротства дела всем своим движимым и недвижимым имуществом). К 1912 г. количество торговых домов с представительством женщин возросло на 51,8 %. Имеются данные о 6 063 торговых домах, из этого числа 976 (16,1 %) фирм имели в составе своих полных товарищей женщин. Подавляющее большинство полных товариществ с участием женщин относилось к малому бизнесу⁵⁴.

В Сибири наиболее массовым видом женской предпринимательской деятельности была торговля, причем розничная. Занятия производством не были столь характерны для женской половины купеческого сословия. Не многие купчихи владели заводами и фабриками. Не случайным явлением были одновременные занятия производством и торговлей, то есть торговля предшествовала устройству заводов и являлась своеобразным катализатором процесса первоначального накопления капитала, инициирующим занятие промышленным производством.

По данным Первой всеобщей переписи населения в 1897 г., женщины, самостоятельно ведущие торговое дело, составили 7,8 % от общего числа сибирских купцов⁵⁵. В Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири приведены сведения о 7 599 сибирских предпринимателях с XVII до начала XX в., из них женщин – 429. Большая часть предпринимательниц – 223 (51,9 %) – вели дела в Западной Сибири; в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке их было 206 (48,1 %). Это объясняется тем, что в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке преобладала крупная оптовая торговля преимущественно с Японией, Китаем, Маньчжурией, для ведения которой требовались немалые капиталы, опыт, знания, которыми женщины не обладали⁵⁶.

Лишь 4,6 % сибирских предпринимательниц имели торговые свидетельства 1-й гильдии (или торговали по свидетельству мужа), абсолютное большинство имело свидетельство 2-й гильдии – 33,1 %, и 11,4 % – 3-й гильдии⁵⁷. То есть женщины владели мелкими торговыми предприятиями и заведениями: торговали тканями («мануфактурой»), бакалейными, парфюмерными и скобяными товарами, железными и кожаными изделиями, чаем, сахаром, вином. Но были среди них владелицы золотых приисков, заводов (пивоваренных, мыловаренных, кирпичных), мельниц, типографий и даже общественных бань⁵⁸.

Приток женщин в ряды предпринимателей был неравномерен по времени. В первой половине XIX в. (до 1860 г.) число женщин, занимавшихся предпринимательской деятельностью, было незначительным (9,7 % от общего числа сибирских предпринимательниц). Наиболее активно женщины включаются в предпринимательскую деятельность в 1880–1910-е гг. За этот период времени получили торговые свидетельства 48,5 % сибирских предпринимательниц.

Непоправимый удар женским мелким и средним предприятиям был нанесен в годы Первой мировой войны. Женщины не смогли перестроить свое производство на выпуск военной продукции и получить государственные заказы. Уменьшились доходы и от торговли в связи с падением жизненного уровня населения. С 1915 по 1917 гг. влились в число предпринимателей лишь 2,7 % сибирских купчих⁵⁹.

Промышленная деятельность женщин в Сибири не получила столь широкого распространения, как в Европейской России. Весьма существенными факторами, препятствовавшими ускорению данного процесса, являлись: отсутствие у женщин специального технического и экономического образования, которое было необходимо для управления фабриками и заводами или для осуществления эффективного контроля за деятельностью управляющих; традиционное положение женщины в обществе; заботы о

семье, поглощавшие значительную часть времени, и жесткая конкуренция со стороны мужчин. Однако главная причина, на наш взгляд, коренилась не столько в объективных препятствиях, сколько в господствовавших в общественном сознании стереотипах социально-ролевого статуса женщин и мужчин. Согласно распространенному представлению, освященному религиозно-этическими догматами, женщина не может проявлять собственную инициативу, у неё роль ведомого, а не ведущего. В этой жесткой иерархизированной системе она могла только продолжать дело, начатое мужчиной, наследуя его от отцов или мужей. В большинстве случаев в подобной ситуации жизнеспособными оказывались те производства, которые переходили к своим владелицам в хорошем экономическом состоянии, с отлаженным механизмом производства, эффективной системой снабжения сырьем и оборудованием и широкими партнерскими связями. Так, Анна Ивановна Громова, вдова иркутского купца 1-й гильдии И.Г. Громова, после его смерти вела все коммерческие дела. В 1897 г. она приобрела первый пароход, а в 1911 г. уже имела в распоряжении 4 парохода и 5 барж. Основала торговый дом «А.И. Громова с сыновьями», имела пароходство по Лене, вела крупную торговлю в Якутии: скупала пушнину, рыбу, кости мамонта, продавала чай, хлеб, спирт, мануфактуру. Пушнина Громовых славилась на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. В 1896 г. на Московской выставке торговый дом «А.И. Громова с сыновьями» получил медаль за поставки высококачественной пушнины. Товары Громовой славились и за рубежом, она торговала с Лейпцигскими меховыми фирмами. Анна Ивановна владела и золотыми приисками в Верхнеудинском, Олекминском, Читинском округах⁶⁰.

Бийская купчиха Елена Григорьевна Морозова, унаследовав от мужа в 1894 г. торговое предприятие, несмотря на то, что ей было уже 62 года и она была практически неграмотна, в течение четырнадцати лет твердой рукой вела семейное дело. Новаторски подойдя к предпринима-

тельству, купчиха превратила традиционную торговую фирму в многоотраслевой комплекс, построила ряд промышленных предприятий и в несколько раз увеличила семейный капитал. В 1905 г. Морозовой принадлежало 5 промышленных предприятий: электростанция, кожевенный, пивоваренный, маслобойный заводы и мукомольная мельница. Кроме того, она имела 27 торговых заведений самого различного размера и профиля: торговала мануфактурой и галантереей, железоскобяным и кожевенным товаром, пивом, мукой⁶¹.

Однако нередкими были случаи разорения купеческих вдов, когда в силу отсутствия опыта, знаний, энергии они не справлялись с организацией и управлением предпринимательским делом. В 1892 г. после смерти минусинского купца Ивана Гавриловича Гусева, имевшего золотые прииски, крупчаточный, стеклоделательный, свеклосахарный и конный заводы, большое и сложное хозяйство легло на плечи его немолодой жены Марии Александровны Гусевой. Свеклосахарное производство стало падать, нечем было платить зарплату рабочим. Гусева постоянно искала кредиты, однако банки в выдаче ссуды отказали. В итоге ее имущество было продано на уплату долгов на публичной распродаже⁶².

В семьях, оставшихся без кормильца-мужа, у женщин была сильнейшая социальная мотивация к занятию предпринимательской деятельностью: обеспечить детей, дать им образование. В качестве примера можно назвать имя Марии Дмитриевны Менделеевой, матери великого русского химика Д.И. Менделеева. Мария Дмитриевна родилась в Тобольске в семье именитых купцов Корнильевых, в 1807 г. вышла замуж за Ивана Павловича Менделеева, директора гимназии и училищ Тобольской губернии. В 1834 г. Иван Павлович тяжело заболел, и Мария Дмитриевна была вынуждена взять на себя управление стекольным заводом, доходы от которого стали главным источником материального благополучия семьи. Она буквально разрывалась между заводом, ведением домашнего хозяй-

ства и семьей. В 1847 г. стекольный завод сгорел. М.Д. Менделеева с большим трудом смогла обеспечить последний год обучения Дмитрия в гимназии. Она мечтала дать сыну высшее образование, и в 1848 г., дождавшись получения им аттестата, повезла его в столицу. В Петербургский педагогический институт Дмитрий смог поступить лишь в 1850 году. Впоследствии великий ученый посвятил памяти матери предисловие к одному из своих капитальных научных трудов: «Это исследование посвящает матери ее последыш. Она могла его вырастить только своим трудом, ведя заводское дело; воспитывала примером, направляла любовью и, чтобы отдать его науке, вывезла из Сибири, тратя свои последние средства и силы»⁶³.

Исключительно яркой фигурой в истории женского предпринимательства Сибири была Вера Арсеньевна Баландина (Емельянова). Ее отец держал винокуренный завод, а мать происходила из семьи золотопромышленника А.К. Матонина. Выйдя замуж за сына енисейского купца Александра Алексеевича Баландина, Вера Арсеньевна стала активно помогать ему вести хозяйство⁶⁴. На ее имя были сделаны заявки на производство разведок золота и других полезных ископаемых.

В 1907 г. Баландина купила Черногорское месторождение каменного угля на левом берегу Енисея, в 25 километрах от Минусинска. Уголь шел на нужды Енисейского пароходства, Сибирской железной дороги, а также местных предприятий (мельниц, солеваренных заводов) и населения. Для транспортировки угля в Красноярск по Енисею Вера Арсеньевна купила три баржи и пароход. Однако она считала более выгодным железнодорожный путь, который давал бы выход угля на Сибирскую железную дорогу, поэтому разработала проект железной дороги от Ачинска до Минусинска. В 1911 г. Баландина опубликовала записку об экономическом положении района, о Минусинской железной дороге и ее вероятном грузообороте, в которой научно обосновывала необходимость постройки этой дороги для экономики Енисейской

губернии⁶⁵.

Чтобы осуществить свой проект, Вера Арсеньевна неоднократно выезжала в Петербург, ходатайствуя в многочисленные чиновничьи инстанции, доказывая его важность для российской экономики. Благодаря неутомимой энергии и настойчивости Баландиной потребовалось меньше трех лет, чтобы организовать геологические изыскания в районе будущей железной дороги, обсудить на всех уровнях и утвердить проект дороги, найти для ее постройки огромный капитал. «Ачинск-Минусинская железная дорога, — писала впоследствии Баландина, — мое несчастное детище... Сколько сил и энергии взяло у меня создание Черногорских угольных копей и Ачинск-Минусинской железной дороги, какие трудности пришлось преодолеть мне!»⁶⁶ В 1912 г. правительство утвердило устав Ачинско-Минусинской железной дороги. Строительство пути велось быстро, но в 1915 г. стройка была прекращена. Из-за потерь в Первой мировой войне российское правительство реквизировало все гражданские заказы на заводах. Революция 1917 г. и гражданская война вовсе заставили позабыть об этом проекте⁶⁷. Лишь в 1922 г. работы по строительству дороги продолжились. В 1925 г. открылось движение по железной дороге Ачинск — Абакан. Сегодня Ачинск-Минусинская железная дорога играет важную роль в перевозке пассажиров и хозяйственных грузов.

Баландина не просто занималась предпринимательским делом, но осознавала его значение для развития производительных сил сибирского края, его общественной жизни. «Если бы мы с мужем личные, денежные интересы ставили выше интересов дела и общественных интересов, мы, конечно, могли бы как по угольному, так и по железнодорожному предприятию сойтись с такой же группой иностранцев, которая заплатила бы нам больше и сама нажилась на европейских или американских биржах», — писала она⁶⁸. Свою коммерческую выгоду Баландина увязывала с интересами экономического развития сибирского края. И в этом плане она представляла собой совершенно

новый тип сибирской предпринимательницы.

К концу XIX в. частное женское предпринимательство охватило все сферы экономики, культуры и быта Сибири. Появлялись предпринимательницы в области здравоохранения, образования, просвещения. Больше всего женщин было среди мелких предпринимателей: они содержали частные мастерские бытового назначения, книжные магазины, буфеты, постоянные дворы, фотоателье и т. п. Так, в 1890-е гг. в Красноярске действовали частные фотоателье Регины Аксельрод, Екатерины Горновской, Аксиньи Гласковой и Александры Бочанской, банкирская контора Любви Немировской, магазин «Модный свет» Зельды Зельманович⁶⁹.

Еще одной сферой деловой активности женщин было содержание гостиниц, постоянных дворов и трактиров. В 1897 г. в Сибири среди владельцев подобных заведений женщины составили 17,9 %⁷⁰.

В конце XIX – начале XX вв. имущественная самостоятельность женщин в Сибири возросла еще больше. Все чаще супруги вступали друг с другом в сделки и обязательства как самостоятельные партнеры. Например, в 1896 г. красноярский мещанин Василий Чуркин продал жене Парасковье Кирилловне дом, доставшийся ему по наследству от матери. В заключенной ими купчей говорилось: «Со всеми пристройками и землею, получив с жены своей за этот дом пятьсот рублей, ... имеем честь покорнейше просить Губернское управление совершить на этот дом купчую крепость по законам»⁷¹.

В архивах сохранились духовные завещания, составленные от имени купеческих и мещанских жен и вдов, документы о купле-продаже имущества в их личную собственность. С 1880-х гг. такие дела стали массовыми. Это свидетельствует о том, что женщины не только имели право на распоряжение имуществом, но активно этим правом пользовались⁷².

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. в Сибири женщины активно пользовались своими имущественными правами и осваивали такую сферу дея-

тельности, как предпринимательство. Наиболее активно женщины занимались торговлей, а не промышленной деятельностью, поскольку она не требовала вложения крупных капиталов и наличия специального образования. Основную массу предпринимательниц в Сибири составляли мелкие владелицы аптечных, бакалейных и галантерейных магазинов, питейных заведений, мебелированных комнат, книжных киосков, мукомольных мельниц, маслобойных, кирпичных, дрожжевых, кожевенных заводов, бань.

Спецификой женского предпринимательства было то, что врожденные качества, свойственные женской натуре, работоспособность, организованность, ответственность в сочетании с деловой хваткой давали хорошие результаты. Многие сибирячки смогли добиться больших успехов, вели дела со столичными, иностранными фирмами и партнерами.

2.4. Женский труд в непроизводственной сфере

К середине XIX в. можно отнести проявление первых признаков женского движения в России. Круг участниц женского движения на первом этапе ограничивался представительницами дворянского сословия и разночинной среды, что и определяло его цели: экономическая самостоятельность и независимость, равное с мужчинами право на труд и образование.

Представители высшей государственной власти в России в подавляющем большинстве были противниками привлечения женщин к государственной службе. Начальник III Отделения граф П.А. Шувалов в своей записке от 15 декабря 1870 г. «О недопущении женщин на службу в общественных и правительственных учреждениях» отмечал, что служба будет отвлекать женщину от ее призвания – домашнего очага и воспитания детей. Задача правительства состоит в том, чтобы предотвратить разло-

жение семьи и нравственности. В 1871 г. записка Шувалова была одобрена Сенатом⁷³. Доступ на государственную службу оставался закрытым для женщин вплоть до революции 1917 г.

Однако в такой отдаленной окраине Российской империи, как Сибирь, местные власти иначе смотрели на этот вопрос. В условиях нехватки квалифицированных специалистов многие государственные должности занимали мужчины, уровень подготовки и образования которых не соответствовал требованиям; нередко приходилось привлекать ссыльных, моральная и деловая репутация которых была весьма сомнительной. Сибирские губернаторы видели выход в том, чтобы расширить сферу применения женского труда. Так, в 1890-х гг. в одно из волостных правлений Енисейской губернии на должность помощника писаря была допущена дочь местного чиновника с дипломом об окончании гимназии. Она успешно справлялась со своими обязанностями, и позже ей даже поручили вести делопроизводство волостного суда. Когда об этом стало известно губернатору Л.К. Теляковскому, он решил выяснить, как относятся к вопросу о принятии женщин на должности писарей и письмоводителей чиновники волостного и сельского управления. В марте 1894 г. канцелярия губернатора начала переписку по этому вопросу с окружными по крестьянским делам присутствиями. В результате четыре из существовавших пяти присутствий (Енисейское, Красноярское, Канское, Ачинское, Минусинское) дали положительный ответ. Чиновники пришли к выводу, что привлечение на вышеуказанные должности женщин, имеющих диплом о среднем образовании, «представляется весьма желательным» и благотворно отзовется на службе всей сельской администрации. Женщина с образованием и хорошей репутацией могла бы не только приносить пользу обществу, но и себя обеспечить «куском хлеба». Лишь в Красноярске чиновники посчитали замещение женщинами вакансий помощников волостных писарей невозможным, потому что русское законодательство «не знает женщины в качестве должностного лица»⁷⁴.

Изучив отчеты присутствий, в конце 1894 г. Л.К. Теляковский направил донесение генерал-губернатору Восточной Сибири А.Д. Горемыкину с просьбой одобрить его инициативу по введению в волостных правлениях женского труда. Однако получил отказ со следующим пояснением: «На основании Высочайшего указа от 14 января 1871 г. воспрещается принимать женщин, даже по найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам»⁷⁵. Таким образом, даже малооплачиваемая и непрестижная служба в волостных правлениях была недоступна женщинам, несмотря на то что в регионах существовала острая потребность в грамотных кадрах.

Однако, не имея официального разрешения, женщины стали успешно осваивать новые профессии. С 1865 г. они были допущены на должности телеграфистов. Служба в почтово-телеграфном ведомстве не привлекала мужчин с высшим или средним образованием, а женщины с таким же образовательным цензом желали получить эту работу, поскольку сфера приложения женского труда в дореволюционной России была чрезвычайно узкой. В 1900 г. Министерство внутренних дел ввело ограничительную квоту – число женщин среди телеграфистов не должно было превышать 50 % в Санкт-Петербурге и Москве, 25 % – во всех остальных губерниях. Официально право женщин занимать должности в этой сфере было узаконено лишь в 1904 г. В специальной инструкции для почтово-телеграфного ведомства были регламентированы все вопросы, касающиеся службы женщин. Женщинам разрешили служить по «почтовой, телеграфной и телефонной части»⁷⁶. На работу принимали женщин в возрасте от 18 до 35 лет, с высшим или средним образованием, а также со свидетельством об окончании четырех классов гимназии или епархиального женского училища. Если девушке еще не было 21 года, требовалось письменное разрешение родителей или опекунов, если была замужем – разрешение мужа. Предпочтение отдава-

лось девицам и бездетным вдовам. Ответственность, обязанности, оплата, право на пенсию были такими же, как у служащих-мужчин. Рождение ребенка давало женщине право на получение отпуска сроком на один месяц. Особо оговаривалась форма одежды – закрытое платье темного цвета. По-прежнему недоступными для женщин остались должности начальников почтовых контор, начальников железнодорожных почтовых отделений, разъездных чиновников.

В сибирских губерниях в начале XX в. количество женщин, работавших в почтово-телеграфном ведомстве, не только не превышало установленной нормы в 25 %, но и не достигало ее. Так, в период с 1895 по 1911 гг. в почтово-телеграфных учреждениях женщины составляли: в Тобольской губернии – 11 % от числа всех служащих, в Енисейской – 8,5 %, в Иркутской – 11,4 %, в Забайкальской области – 9 %⁷⁷. Это объясняется тем, что уровень образования и общественная активность женщин были очень низкими.

К началу XX в. женщины добились официального разрешения на службу в заведениях ведомства учреждений императрицы Марии, в Министерстве путей сообщения (по вольному найму, т. е. без прав государственной службы), канцелярии Государственной думы (с 1906 г.), в Министерствах земледелия и юстиции, смотрительницами и надзирательницами в женских отделениях тюрем; женщины-врачи допускались к занятию медицинских должностей, но до 1906 г. они не пользовались правами государственных служащих⁷⁸.

После первой русской революции под давлением таких женских организаций, как Союз равноправия женщин и Российская лига равноправия женщин, в России началась разработка законопроекта о службе женщин в местных учреждениях Министерства внутренних дел. В 1909 г. во все местные отделения министерства были направлены анкеты со специальным перечнем вопросов: служат ли женщины в подобных учреждениях? Кем и в

каком количестве? Полезна ли их служба? Нужно ли устанавливать какой-либо ценз для их приема? Какого рода служебные обязанности можно на них возложить? Какие служебные преимущества им можно предоставить? Следует ли ограничивать число служащих женщин определенной нормой?

Эту анкету канцелярия губернатора Енисейской губернии Я.Д. Бологовского разослала полицейским исправникам и крестьянским начальникам. Выяснилось, что во всех полицейских управах, а также городских и уездных учреждениях Енисейской губернии в 1909 г. служили 22 женщины. Все они занимали должности машинисток. Это были незамужние девушки и вдовы в возрасте от 18 до 48 лет (средний возраст 26,5 года). Почти все они были зачислены на службу в период с 1903 по 1909 гг. Высшее образование (Смольный институт) имела лишь одна из них, полное гимназическое образование – 6 человек (27 %), окончивших прогимназии или первые четыре класса гимназии было 7 (31,1 %), с домашним образованием и с аттестатами училищ и начальных школ – по 4 (18,7 %). Все работали «по вольному найму», т. е. не были зачислены в штат служащих и не имели служебных прав. Получали зарплату в размере от 300 до 542 рублей в год (в среднем 349 рублей)⁷⁹.

Губернское начальство в связи с этим опросило всех уездных исправников и Красноярского полицмейстера. По вопросу о необходимости службы женщин в полицейских управлениях трое из них (50 %) высказались отрицательно, аргументируя это тем, что труд женщин непродуктивен, так как барышни обычно занимаются не делом, а «флиртом, увлекая мужчин, среди которых они служат»⁸⁰. Лишь Енисейский уездный исправник службу женщин находил полезной и считал, что для их отбора не нужен образовательный ценз, их необходимо уравнивать в правах с чиновниками-мужчинами. Но при этом он высказался за численное ограничение женщин – не более 1/3 служащих в учреждении. Кроме того, были опрошены крестьянские

начальники (всего 21). Из них отрицательно отнеслись к службе женщин лишь 4 (19 %), остальные признали такую, в качестве сельских писарей, их помощников, секретарей, не только полезной, но и желательной. По поводу образовательного ценза женщин взгляды опрошенных разделились: от сельского училища («лишь бы умели писать грамматически») до четырех классов гимназии. За предоставление женщинам равных с мужчинами прав по службе высказались крестьянские начальники 17 участков (т. е. 80 %). Однако, по их мнению, вместо получения чинов женщинам следовало присваивать звание почетных гражданок по выслуге 10 лет. Практически все опрошенные высказались за необходимость численного ограничения женщин. Разброс мнений здесь был широк — от «не более одной в учреждении» до «не свыше 50 %». Но большинство крестьянских начальников право устанавливать количественный ценз оставляли за начальником каждого конкретного учреждения.

Среди не признававших службу женщин были такие, кто просто сомневался, что на подобную службу могут идти женщины с образованием, а допускать их к работе без образовательного ценза не имеет смысла. Другие считали, что женщины не смогут исполнять служебные обязанности в среде крайне невежественного и грубого крестьянского населения. Были просто сообщавшие, что женщин в подведомственном им учреждении нет и «нужности в них» также нет. Таким образом, из числа опрошенных чиновников Енисейской губернии 7 % допускали возможность введения службы женщин, 74 % считали ее не только полезной, но и желательной, и лишь 19 % категорически не признавали ее.

Проанализировав результаты опроса, Я.Д. Бологовский направил в Министерство внутренних дел свое заключение. Он предлагал разрешить женщинам службу в местных учреждениях Министерства, за исключением полиции, установить для их приема образовательный ценз не ниже четырех классов гимназии или другого соответс-

твующего учебного заведения; нанимать по вольному найму, с зачислением впоследствии наиболее отличившихся в штат канцелярских служащих. Но предоставлять такие должности, которые не требуют общения с «просительным персоналом», — бухгалтеров, регистраторов, архивариусов и их помощников. Ограничение в количественной норме должен был устанавливать в каждом отдельном случае начальник учреждения. Однако проект о допущении женщин на службу в местные отделения Министерства внутренних дел так и не был реализован. Его подготовка велась медленно, а после начала Первой мировой войны этот вопрос вовсе отошел на второй план.

Итак, в начале XX в. женщинам удалось проникнуть на службу даже в государственные учреждения. Однако положение их было очень уязвимо. В связи с этим в журнале «Женское дело» в 1915 г. с горечью сообщалось, что власти не торопятся признавать право женщин на государственную службу: «Права женщины на государственную службу... Прав-то женщина до сих пор на таковую не получила... почти всюду женщина работает *по вольному найму* и в зависимости от доброй воли начальства, и повсюду *за меньшее, чем мужчина, вознаграждение*»⁸¹.

Быстрый рост применения женского труда во время и после Первой мировой войны коренным образом изменил отношение правительства и общественности к работающим женщинам. Это воспринималось теперь как явление естественное и обыденное. Кроме того, война открыла для женщин государственную структуру, которая ранее была для них абсолютно закрытой, — армию.

К 1917 г. боевой дух и дисциплина в русской армии были уже не на высоте. Решение Временного правительства продолжить войну не вдохновило солдат. Именно в этот период возникла идея создания женских военных команд, которые своим героическим примером вернули бы слабохарактерных воинов в окопы. Начало формирования таких частей в мае 1917 г. положила Мария Бочкарева. Заручившись поддержкой Временного правительства,

она выступила в Таврическом дворце с призывом к созданию женских батальонов. 17 июня 1917 г. при штабах Московского и Петроградского военного округов началось формирование женских батальонов смерти численностью 1000-1100 человек. Для зачисления в батальон требовалось написать заявление, предоставить медицинское заключение о состоянии здоровья, а если девушке не было 21 года – разрешение родителей в письменном виде.

В Сибири всех женщин, выразивших подобное желание, направляли в Иркутск, где из них должны были сформировать роту, обучить и отправить в столицу для включения в состав 1-го Петроградского женского батальона. Уже 30 июня поступило первое заявление о зачислении в батальон от красноярки Марии Черепановой. В Енисейской губернии изъявили желание служить в подобных воинских формированиях 38 женщин⁸². Практически всех их объединяло желание уехать, изменить свою, чаще всего не сложившуюся, судьбу. Преобладали женщины авантюристского склада и легкого поведения. Лишь одно заявление о приеме в батальон было проникнуто идеей. Крестьянка села Погорельского Красноярского уезда М.П. Липнягова писала в прошении: «Порицаю тех, кто постыдно бежит с фронта, кто трусливо не идет в бой с врагом, кто глубоко окопался здесь, в тылу, я, же-на солдата, находящегося на фронте с начала войны, желаю поступить в «женский батальон смерти», чтобы идти на помощь доблестным, но уставшим борцам за свободу, честь и славу дорогой Родины»⁸³.

21 июня 1917 г. был отправлен на фронт 1-й Московский батальон Марии Бочкаревой. Женская команда попала под артобстрел, участвовала в контратаках, была на передовой. 25 октября 1917 г. планировалось отбытие на фронт 1-го Петроградского женского батальона, однако 25 октября он принял участие в обороне Зимнего дворца от большевиков. В конце 1917 г. женские батальоны были расформированы.

Женские батальоны и военные команды не выполнили своего прямого предназначения – поднять боевой дух

русской армии. Ввиду крайней малочисленности они не оказали влияния и на ход военных действий. Однако продемонстрировали способность женщин наравне с мужчинами выполнять самые сложные задачи на войне. Тот факт, что женщины откликнулись на призыв правительства защитить родину, свидетельствовал о высоком чувстве патриотизма.

Капитализм в России, начавший полномасштабно проникать в Сибирь в конце XIX в., поставил вопрос о нехватке квалифицированных специалистов – врачей, фельдшеров, учителей и т. д. Сферой, где особенно ощущалась потребность в кадрах, было здравоохранение. В местных газетах раздавались беспрестанные жалобы на нехватку врачебной помощи, особенно в деревне. Одной из важнейших для Сибири была проблема недостатка акушеров. Не только на селе, но и в городе женщины рожали или вообще без всякой помощи, или с помощью неграмотных бабок-повитух. Это приводило к высокой смертности женщин и детей при родах, различного рода осложнениям.

В начале 1870-х гг. в Сибири возникли школы для подготовки повивальных бабок. В 1874 г. по инициативе врачебной управы Енисейской губернии и Приказа общественного призрения было открыто повивальное училище в Красноярске. При нем действовало родовое отделение и приют для детей⁸⁴. В 1878 г. при женских отделениях больниц Приказов общественного призрения были основаны Томская и Тобольская повивальные школы. Они предназначались, прежде всего, «для приготовления повивальных бабок для сельского населения из лиц крестьянского звания»⁸⁵. Выпускницы школ, как правило, имели низкую квалификацию. Ни качество, ни количество подготовки специалистов в повивальных школах не могло удовлетворить потребности региона в квалифицированной акушерской помощи.

В европейской части России с 1864 г. существовали земские учреждения, которые занимались устройством больниц, фельдшерских курсов специально для села. Но

земская реформа не распространилась на Сибирь, поэтому дело по организации медицинской помощи населению взяла в свои руки местная медицинская общественность.

В 1886 г. в Красноярске было создано Общество врачей Енисейской губернии. По инициативе Общества в городе была открыта Первая лечебница (1885), хирургический Александровский барак при ней (1888), Вторая городская лечебница, аптека Общества врачей и женская акушерско-фельдшерская школа (1889), первая фельдшерская школа в Сибири⁸⁶. Школа готовила фельдшериц, большинство из которых поступали на службу в сельские больницы и на переселенческие пункты. Так, из 30 первых выпускниц 20 остались работать в Енисейской губернии: 4 работали в городах, остальные, т. е. 90,3 %, в деревнях и селах⁸⁷.

В 1895 г. в Иркутске по инициативе местного Общества врачей была открыта Центральная школа фельдшериц Восточной Сибири при Кузнецовской больнице, а в 1905 г. она была преобразована в школу фельдшериц-акушеров. В 1895 г. была открыта женская повивально-фельдшерская школа в Тобольске при Тобольской губернской больнице. В 1906 г. Томская повивальная школа была преобразована в акушерско-фельдшерскую. Воспитанницы получали знания не только по акушерству, но и по другим медицинским дисциплинам в объеме фельдшерского курса.

Выпускницы женских акушерско-фельдшерских школ были востребованы повсеместно, врачебные управы предпочитали назначать в городские и сельские больницы именно женщин-фельдшериц. «Совмещая знания фельдшерицы и повивальной бабки, фельдшерица-акушерка имеет за собой несомненные преимущества перед фельдшерами-мужчинами, к отрицательным качествам которых относятся их сравнительно слабая подготовленность, их неуживчивость, главное же — развитой между ними алкоголизм», — писали преподаватели Томской акушерско-фельдшерской школы в 1914 г. в отчете для Томского Губернского управления⁸⁸.

Для получения высшего медицинского образования сибиряки уезжали в столичные университеты. Для женщин медицинские факультеты университетов были закрыты до 1860-х гг. На рубеже XIX–XX вв. не у многих сибирячек хватало смелости и средств ехать для получения образования в Москву или Санкт-Петербург, поэтому женщин-врачей в Сибири было мало. Необходимо отметить, что женщины-врачи не пользовались правами государственной службы, работали «по вольному найму», не имели права проводить судебно-медицинскую экспертизу. Только в 1906 г. им предоставили служебные права и были решены вопросы о присвоении ученых степеней магистра или доктора медицинских наук.

Первой женщиной-врачом в Сибири стала Марфа Петровна Грабовская. Образование она получила в гимназии в Ростове-на-Дону, после окончания которой занималась на женских врачебных курсах при Николаевском госпитале. Получив место в Тобольской городской больнице, она в 1887 г. прибыла в Сибирь.

Грабовская проработала в Тобольске всего лишь год, но за короткий срок самоотверженной службы снискала такую признательность сибиряков, которой пользовался не каждый известный общественный деятель. Сначала ей пришлось преодолеть предубеждение, бытовавшее даже среди просвещенной публики, оказавшейся не готовой к восприятию женской независимости. Ученая женщина рисовалась в их глазах как небывалое явление, как писала одна из местных газет, «смешное и вместе с тем безобразное». Однако высокий профессионализм и отзывчивость, готовность прийти на помощь, преданность делу и энергия Грабовской разбили общественное недоверие. Марфа Петровна заведовала женским отделением городской больницы и дома умалишенных, читала общеобразовательные лекции для населения, ежедневно вела амбулаторный прием больных у себя на дому, ходила по вызовам в городе и выезжала в отдаленные места губернии. Одновременно вела научную работу, публикуя статьи по во-

просам бактериологии. Напряженный труд по 16 часов в сутки подорвал силы молодой женщины, которая умерла от паралича сердца. Ее похороны 28 марта 1888 г. вылились в Тобольске в общественную демонстрацию. Церковь не могла вместить всех горожан, пришедших проститься с ней. В речи ректора Тобольской семинарии было сказано, что Марфа Петровна проработала немного времени, но многим спасла жизни и облегчила страдания.

В конце XIX – начале XX вв. количество женщин-врачей в сибирских губерниях значительно возросло. В 1915 г. в Томской губернии работали уже 21 женщина-врач (18,1 % от числа всех практикующих врачей): Е.А. Бакулина, Е.К. Басурманова, Е.В. Городнянская-Мокротоворова, Е.П. Гусельникова, А.А. Дзярковская, К.М. Кузнецова, Н.В. Куликовская, А.Г. Лебедева-Лобанова, М.В. Никитина, А.С. Николаева, Н.П. Пономарева, А.В. Серкова, Е.В. Сметанина-Образцова, О.В. Спасская, М.Б. Стефанович-Держановская, З.Н. Трубятчинская, А.Н. Хмельская, Н.М. Шохина, М.И. Юрьева. Кроме того, женщины-врачи возглавляли несколько факультетских клиник Томского университета: Е.С. Волкова – детскую, К.М. Кузнецова – акушерско-гинекологическую, И.В. Карташева – терапевтическую, Л.М. Сычева – хирургическую⁸⁹.

В Красноярске в 1890-х гг. работали три женщины-врача – М.С. Чернявская, А.В. Квятковская, П.В. Караулова, а в 1915 г. женщины-врачи составляли уже 31,4 % от числа всех практикующих врачей города. Д.М. Дубникова-Либман накануне Первой мировой войны открыла частную женскую консультацию, которая включала родильный приют и лечебницу женских болезней. Женские болезни лечила М.А. Абакумова-Саввиных, лечением зубов занимались А.П. Березовская, А.Л. Франкфурт-Сыркина, А.М. Нови, глазных болезней – Н.В. Гринева-Плесская, носовых и горловых болезней – М.И. Жукова-Флоренсова, А.А. Иванова-Залле заведовала переселенческим пунктом, общей медициной – Е.М. Чернавина-Белитская, К.Л. Стриженова-Белоконова, Е.И. Потылицына⁹⁰.

В 80–90-е гг. XIX в. в Иркутске работало всего пять женщин-врачей. М.Э. Глаголева работала в женском отделении Иркутской тюремной больницы, В.Г. Зисман исполняла обязанности врача по женским и детским болезням при женской гимназии Хаминова, Е.А. Жаботинская работала в губернском попечительстве детских приютов, исполняла обязанности доктора Александровского приюта, А.С. Ковригина и А.С. Яковенко занимались частной практикой. Все женщины были членами Общества врачей и участвовали в его деятельности наравне с мужчинами. В.Г. Зисман вела активную общественную деятельность в городе. Она являлась инициатором сбора денежных средств для помощи иркутянкам, поступившим на высшие врачебные курсы в Петербурге⁹¹. А.С. Ковригина была одним из членов правления Восточно-Сибирского окружного управления Российского Общества Красного Креста, преподавала в акушерско-фельдшерской школе⁹². К началу XX в. число женщин-врачей в Иркутске значительно выросло, составив в 1910 г. 15 человек (14,7 % от числа всех врачей города) – Л.Д. Алексеева-Немченко, С.И. Бланкова, Е.К. Бондарева, Д.Г. Домбровская, В.Г. Зисман, Е.Л. Зубовская, С.А. Кабардина, А.С. Ковригина, М.Ю. Колоколова, М.Н. Кудрявцева, С.П. Любимова, М.И. Мышкина, С.Г. Писаревская, Е.Г. Франк-Каменецкая, С.Я. Молодых⁹³.

В 1911 г. в Сибири числилось 852 врача, из них 55 женщин, т.е. 6,4 % от общего количества. Больше всего женщин-врачей было в Западной Сибири – 24 (5,8 % от числа всех врачей), в Восточной Сибири работало всего 15 женщин-врачей (5,2 %), на Дальнем Востоке – 16 (10,3 %). Из 1 574 работавших в Сибири фельдшеров женщин было 230 (14,6 %), из них в Западной Сибири – 111 (17,4 %), в Восточной Сибири – 93 (15,5 %), на Дальнем Востоке – 26 (7,6 %). Из 464 практикующих акушеров в Западной Сибири было 186 (40 %), в Восточной Сибири – 146 (31,4 %), на Дальнем Востоке – 132 (28,6 %)⁹⁴ (Приложения. Табл. 26).

Ярким примером самоотверженного служения долгу врача является жизненный путь сибирячки Анны Николаевны

Бек, описанный американской исследовательницей А. Рас-свейлер⁹⁵. Анна Николаевна родилась в 1869 г. в поселении Горный Зерентуй (близ Нерчинского завода) в семье инженера. Родители волновались о том, какое будущее ждет ее в таком отдаленном регионе, в грубой среде горнопромышленников, поэтому отправили дочь учиться в Девичий институт Восточной Сибири в Иркутске. В 1888 г. Анна окончила его с золотой медалью и вернулась на Нерчинский рудник, куда переехали родители. Огромное впечатление на молодую девушку произвела смерть матери. Неопытный врач поставил ей ошибочный диагноз – малярия – и предписал хинин. Однако при вскрытии выяснилось, что из-за неправильного течения беременности и смерти ребенка у нее произошло заражение крови. Убежденная в том, что хороший врач мог бы спасти ее мать, в 1894 г. в возрасте двадцати четырех лет Анна Николаевна уехала в Санкт-Петербург, где надеялась получить медицинское образование. Однако Высшие женские медицинские курсы в 1882 г. были закрыты после убийства Александра II, поэтому она приняла решение ехать за границу, во Францию. Когда в 1897 г. деятельность Высших женских медицинских курсов (уже в качестве Женского медицинского института) в Петербурге возобновилась, она вернулась в Россию и поступила на первый курс института. За участие в деятельности одного из марксистских студенческих кружков в 1901 г. Анна была сослана в Сибирь на один год. Здесь вышла замуж за молодого ссыльного, доктора Евгения Владимировича Бека. Ей шел тридцать второй год. В 1903 г. супруги вернулись в столицу. С началом русско-японской войны в 1904 г. доктор Бек был мобилизован и отправлен на фронт. Анна Николаевна сопровождала мужа в качестве медсестры, поскольку женщин-врачей в армию не принимали. В период первой русской революции Беки жили с сестрой доктора в предместьях столицы. Евгений Владимирович служил в Императорской Военной Медицинской Академии, в 1906 г. успешно защитил докторскую диссертацию. В июле того же года он получил

назначение в отдаленную Акшу на границе с Монголией. Жена с новорожденной дочерью последовала за ним. Доктор часто был далеко от дома, в разъездах по уезду, или работал в больнице. Анна Николаевна занималась медицинской практикой, принимала пациентов на дому, возглавляла местную психиатрическую больницу. Кроме того, преподавала в женской гимназии и воскресных школах, продолжала собственные исследования в сфере медицины и образования и читала общественные лекции. Она была последователем идей итальянского доктора и педагога Марии Монтессори. Публикации Бек в местных газетах отражали ее неослабевающий интерес к детским садам, библиотекам, музеям, ассоциациям преподавателей. Анна Николаевна входила в местный Союз женщин, была вице-председателем Общества учителей. На свои средства супруги Бек построили и открыли в 1909 г. Акшинский народный дом, в котором работали школа, музей, драматический кружок.

А.Н. Бек, размышляя о взаимоотношениях в семье, писала: «Прежде в браке, согласно Домострою, жена должна была полностью подчинить себя мужу. Теперь женщина научилась отстаивать свои права. Для совместной жизни необходима обоюдная работа над собой: самосовершенствование, преодоление негативных черт характера. Мой брак с доктором Е.В. Бек был, по моему мнению, исключительно счастливым: совместные научные интересы и работа сблизили нас и усилили нашу дружбу»⁹⁶. В 1912 г. супруги переехали в Читу. Однако в 1915 г. Евгений Владимирович умер от осложнения после сыпного тифа. Анне Николаевне пришлось взять на себя заботы о семье.

В марте 1917 г. в Читу пришло известие об отречении Николая II. В городе был образован Комитет Общественной безопасности, куда вошли Анна Николаевна и ее брат Николай, принимавший участие в революционном движении. Лидеры местных организаций как эсеров, так и большевиков приглашали ее вступить в свои ряды. Однако доктор ответила, что привыкла оценивать людей по

моральным качествам, а не по политической принадлежности, и осталась беспартийной. Анна Николаевна с головой ушла в работу и в декабре 1917 г. под ее руководством в Чите была открыта вечерняя школа для взрослых. Местный Женский комитет выдвигал кандидатуру А.Н. Бек на выборы в Учредительное собрание осенью 1917 г. Однако после Октябрьской революции комитет был расформирован. Но Анна Николаевна не отошла от общественной деятельности, возглавив в 1918 г. Отдел обучения взрослых при Общественном комитете образования. Одновременно продолжала врачебную практику.

В период гражданской войны и революции материальное положение было очень тяжелым. Анна Николаевна сама обрабатывала огород и даже выращивала свиней. В 1923 г. она оставила Читу и переехала в Иркутск для работы в университете, затем в Томск, Новосибирск, преподавала психологию, занималась изучением рефлексов.

Биография А.Н. Бек представляет яркий пример того, какую смелость, энергичность проявляли сибирячки в стремлении утвердить свое право на независимый выбор жизненного пути. Сколько трудностей нужно было преодолеть, чтобы получить образование, профессию, изменить традиционные взгляды и стереотипы на положение и статус женщины в обществе. Осмысливая свой жизненный путь, она писала: «В то время, когда получить доступ к высшему образованию для женщин было очень трудно, особенно тем, кто проживал далеко от центра, я смогла стать врачом, участвовать в научной работе, выполнять культурную и образовательную работу, преподавать в вузах, получить звание профессора, возглавлять Отдел Психологии и, в конце концов, стать матерью и бабушкой. Откуда у меня взялись силы? Это, несомненно, стремление к знаниям, интерес к науке, и мои моральные цели – желание быть полезной людям»⁹⁷.

Еще одной проблемой в Сибири был недостаток педагогических кадров. Первые учительские семинарии появились здесь лишь в 1870-е гг., а учительские институты – в начале XX в. Системы подготовки женщин-педагогов в пер-

вой половине XIX в. не существовало. Однако рост женского образования и недостаток педагогических кадров заставили правительство обратить внимание на эту проблему. С 1870 г. женские гимназии могли иметь дополнительный восьмой класс с годичным курсом обучения для желающих заниматься педагогической деятельностью. В последней четверти XIX в. восьмые классы были открыты при четырех женских гимназиях в Сибири: Енисейской, Иркутской, Красноярской и Троицкосавской. В 1916–1917 г. они существовали уже во всех гимназиях.

Воспитанницы, успешно окончившие педагогический класс, получали звание домашних учительниц, а закончившие с отличием – право домашних наставниц. Они работали в начальных училищах, женских гимназиях и прогимназиях. Поручение преподавания всех предметов, кроме Закона Божия, в низших классах женских гимназий лицам женского пола считалось возможным, но допущение их к преподаванию в средних и высших классах женских гимназий признавалось крайне нежелательным. Это разрешалось только при наличии диплома о высшем образовании. В начальные училища шли работать выпускницы пятиклассных и шестиклассных прогимназий, а также воспитанницы гимназий, выбывшие из 5, 6, 7 классов, после успешно выдержанных испытаний на звание учительницы начального училища.

С 1868 г. звание домашней учительницы стали получать воспитанницы епархиальных женских училищ, которые содержались на средства епархиального духовенства и служили для образования дочерей священно- и церковнослужителей. Воспитанниц готовили к роли сельских матушек. Этой цели соответствовал скромный набор общеобразовательных предметов, обилие рукоделия и церковного пения. По Уставу 1868 г. епархиальные училища значительно расширили объем преподаваемых предметов, после шестилетнего курса обучения воспитанницы получали звание домашней учительницы. В 1897 г. в Сибири насчитывалось 6 епархиальных женских училищ, а в 1911 г. – 8⁹⁸.

В 1911 г. абсолютное большинство учительниц городских училищ и гимназий в Сибири были выпускницами средних учебных заведений (72,8 %). Затем по численности следовали учительницы с начальным и домашним образованием (13,9 %), выпускницы институтов благородных девиц (8,4 %), епархиальных училищ (3,6 %) и на последнем месте – окончившие высшие женские курсы (1,3 %). Причем 80,7 % всех учительниц были местными уроженками⁹⁹ (Приложения. Табл. 27). Эти данные говорят о том, что восьмье педагогические классы женских гимназий сыграли огромную роль в подготовке местных кадров квалифицированных учительниц для Сибири. Женские средние учебные заведения готовили добросовестных, преданных своему делу тружениц городских начальных и средних школ.

Возрастало количество учительниц и в сельских школах. Так, в 1887–1888 гг. в 40 училищах Министерства народного просвещения трех округов Иркутской губернии (Иркутского, Нижнеудинского и Балаганского) работали 33 учителя и 11 учительниц. Учительницы составляли 18,3 % от общего числа преподающих, из них 6 (54,5 %) имели гимназическое образование и пятеро (45,5 %) окончили епархиальные училища. Среди учителей-мужчин большинство имели специальное педагогическое образование – 78,8 % окончили учительские семинарии¹⁰⁰.

Большинство учителей происходили из сословия мещан – 27,3 % (33,3 % учителей-мужчин и 9 % учителей-женщин), на втором месте были дети дворян и чиновников – 22,7 % (15,2 % учителей и 45,5 % учительниц). Затем шли дети духовенства – 18,2 % (9,1 % учителей и 45,5 % учительниц), из крестьянского сословия было 18,2 % (24,2 % учителей), инородцев – 11,4 % (15,2 % мужчин), детей поселенцев – 2,2 % (3 % мужчин)¹⁰¹. Таким образом, выходцы из духовенства и чиновничества в Сибири составляли ту основу, из которой и формировалась учительская интеллигенция, так как они имели доступ к среднему образованию. Значительное преобладание среди учительниц

привилегированных сословий объяснялось тем, что женский интеллектуальный труд не находил себе иного приложения.

Средний возраст учителя-мужчины составлял 25,6 лет, учительницы – 22,8 лет. Из-за мизерного содержания и плохих условий труда учителя бежали из начальных училищ. Это подтверждает также короткий педагогический стаж: средняя продолжительность преподавательской деятельности у учителей составляла 5,6 года, у учительниц – 3,4 года.

Как правило, учителя были холостыми и незамужними, поскольку для мужчины было затруднительно содержать семью на маленькое жалованье, а женщины после рождения детей из школы уходили. Из 33 учителей женатых было 16 (48,4 %), из 11 учительниц замужних – 4 (36,4 %)¹⁰².

Согласно переписи 1897 г., женщины-учителя в Сибири составляли 33,5 % от числа всех учителей. Причем на первом месте по численности учительниц были губернии Западной Сибири (37,4 %), на втором – Восточной Сибири (30,1 %), на последнем – Дальнего Востока (25,9 %)¹⁰³.

Среди учителей можно было встретить настоящих подвижниц просвещения. Они не только отработывали положенные часы на службе, но еще бесплатно, на общественных началах, вели уроки в воскресных школах. Так, активное участие в деятельности воскресных школ Иркутска принимала Вера Алексеевна Попова, жена И.И. Попова, редактора «Восточного обозрения». Она помимо занятий предметами поставила в школах курсы кулинарии, шитья и кройки, чем привлекла туда взрослых учениц. Эти предметы В.А. Попова изучила в Париже. На Нижегородской выставке иркутские воскресные школы наряду с харьковскими школами известной участницы женского движения Х.Я. Алчевской получили награды за выставленные экспонаты¹⁰⁴.

В начале XX в. женщины-педагоги уже имели такой опыт работы в образовательных учреждениях, который позволил им открывать частные учебные заведения. Так,

в 1905 г. в Омске О.Я. Хворинова открыла женскую гимназию. В 1909 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа дал следующий отзыв о ней: «Гимназия, несмотря на недавнее свое существование, успела уже в достаточной степени зарекомендовать себя с лестной стороны: учебно-воспитательная часть ее находится на должной высоте; для преподавания в ней приглашены лучшие педагогические силы города Омска, отсутствие переполненных классов детьми обеспечивает успешное прохождение предметов»¹⁰⁵. Саму Хворинову жители Омска характеризовали как личность авторитетную, пользовавшуюся доверием и уважением со стороны местного общества.

В Красноярске в начале 1890-х гг. была открыта частная начальная школа учительницы Е.М. Троицкой, а в начале 1900-х гг. — частная женская гимназия О.П. Ициксон, в Томске в 1905 г. — частная женская гимназия О.В. Миркович, в 1910 г. — гимназия Н.А. Тихонравовой¹⁰⁶. В начале XX в. в Иркутске действовало девять частных школ, и все они были открыты учительницами — Н.В. Сукачевой, О.А. Переломовой, А.Ф. Литвинцевой, В.А. Урусовой, Х.В. Гордеевой, А.К. Петропавловской, С.Ф. Романской, Е.Д. Хозановской, О.М. Сметаниной¹⁰⁷.

По инициативе женщин-педагогов в сибирских городах в начале XX в. появилось совершенно новое явление — сады для детей дошкольного возраста. В 1890-х гг. в Красноярске был открыт частный детский сад З.М. Павловой. С 1912 г. в городе действовал детский сад и при нем школа А.Д. Грудининой. Учреждение Грудининой быстро обрело признание горожан. Детей охотно отдавали в детский сад, несмотря на высокую плату. Детские выставки, литературно-музыкальные утренники, по свидетельству местной газеты, становились настоящим событием в общественно-культурной жизни города¹⁰⁸.

Уровень заработной платы учителя зависел от типа учебного заведения, в котором он работал, но повсеместно оплата труда женщин-педагогов была ниже, чем мужчин. В 1895–1900 гг. учителя сельских и церковно-приходских

школ в Западной Сибири получали в среднем 370 рублей в год, учительницы — 300 рублей. Несколько выше была заработная плата в Восточной Сибири: 600 рублей у учителей и 420 у учительниц, но и жизнь здесь была дороже. В гимназиях преподаватели получали более высокую заработную плату. В Западной Сибири преподаватель зарабатывал 900 рублей, преподавательница — 580, в Восточной Сибири — 940 и 600 рублей соответственно¹⁰⁹.

Женщины-учителя в училищах Министерства народного просвещения не имели права на чинопроизводство, до 1886 г. при переезде на новое место работы им не полагалось денежного пособия на обзаведение хозяйством, хотя они пользовались равными с учителями-мужчинами правами на получение пенсий и единовременных пособий¹¹⁰.

Женщин в качестве сельских педагогов не слишком одобряли чиновники ведомства народного просвещения. За ними не признавали способностей завоевать авторитет у крестьян, сомневались в их педагогических данных, считая, что у женщин «эмоциональная сфера преобладает над мыслительной», из-за чего они могут оказывать неправильное интеллектуальное и моральное воздействие на своих учеников. Их неохотно принимали на работу, так как начальство полагало, что, когда учительница выйдет замуж и у нее появятся дети, она уже не сможет исполнять свои профессиональные обязанности¹¹¹. Однако авторитет грамотных, ответственных, любящих свое дело учительниц среди населения был высоким. Так, 23 ноября 1897 г. в селе Боготол Мариинского округа Томской губернии все жители торжественно, как народный праздник, отметили 25-летний юбилей работы Е.С. Куликовой. Учительнице был поднесен подарок, купленный на средства общества¹¹².

В списке профессий, которые начали осваивать сибирячки в изучаемый период, значатся такие, как писатель, публицист, издатель. Женщины-писательницы появились в России еще в начале XIX в. Далеко не сразу за ними было признано право заниматься литературной деятель-

ностью, однако вопреки предвзятому отношению они утверждали свое право творить.

Первой сибирской писательницей, получившей широкое признание в России, стала Екатерина Алексеевна Авдеева-Полевая. Ее творчество пришлось на 40–50-е гг. XIX в. Отец Екатерины Алексеевны, купец Алексей Евсеевич, став пайщиком Российско-Американской компании, переехал из Курска в Сибирь. Не получив в юности систематического образования, Екатерина Алексеевна благодаря своему пытливому уму сумела стать одной из самых образованных и эрудированных сибирячек. Сибирский писатель И.Т. Калашников был поражен ее обширными познаниями, так резко контрастировавшими с привычными для провинции представлениями о женской образованности: «Она прекрасно говорила и вела политический разговор о тогдашнем положении Европы, о чем иркутские дамы, за немногим исключением, и помышлять боялись», — писал он. Страстное увлечение чтением она передала и своим младшим братьям — Николаю, ставшему позднее известным историком и писателем, и Ксенофону. В 14 лет Екатерина Алексеевна вышла замуж за купца П. Авдеева, а уже в 26 лет овдовела. При жизни мужа ей приходилось часто путешествовать по различным местам Сибири. Впечатления от своих поездок, дополненные фольклорными и этнографическими материалами, характеризующими обычаи, семейный уклад, праздники, одежду, жилище сибиряков, послужили основой для ее первой книги «Записки и замечания о Сибири», изданной в 1837 г., уже после ее переезда из Сибири на свою родину в Курск.

Первая книга Авдеевой получила признание читателей и критиков. Читателя привлекали, по выражению одного из рецензентов, «простота описания, искренность подробностей и поэзия патриархальной жизни старинной Сибири». Высокую оценку труду Авдеевой дали В.Г. Белинский и видный историк и этнограф А.Н. Пыпин. Они отмечали прогрессивные позиции автора, который не идеализиро-

вал старину, а ратовал за переход к просвещенным нравам, но при этом выступал и против слепого подражания западным обычаям. Так, например, рассуждая о сохранившихся в Сибири патриархальных обычаях, Авдеева с грустью замечает, что в некоторых купеческих и дворянских семьях их стали стыдиться, стараясь заменить коренные русские традиции в быту на модные европеизированные. «Я не хочу хвалить старых обычаев и суеверий, — говорит она, — но кажется, что все они доказывают простоту нравов. Желая от чистого сердца, чтобы все эти пустяки заменились истинным просвещением, а не модным обезьянством, которое ни в коем случае не ведет к добру». Под истинным просвещением сама писательница понимает не только научные знания, но и твердые нравственные принципы, основанные на уважении личности человека. С гордостью Авдеева говорит, что именно в Сибири в семейном быту в большей степени, чем среди жителей губерний коренной России, принято считаться с желаниями и правами детей, женщин, меньше таких обычаев, которые унижают достоинство человека.

Вообще «Записки и замечания о Сибири» Авдеевой предвосхищают то направление в литературе и общественной мысли, которое принято считать сибирефильским, или областническим. Хотя, конечно, она не только не противопоставляла Сибирь коренной России, но и всячески подчеркивала, что культурные традиции сибирского населения — это продолжение и развитие исконно русских обычаев, принесенных первыми землепроходцами из-за Урала. В то же время писательница проводила идею об особом нравственно-психологическом типе сибиряка, который сложился в суровых условиях завоевания и освоения необжитых труднопроходимых пространств Сибири, населенных другими народами. Это потребовало от сибиряка особых нравственных качеств: смелости, мужества, предприимчивости, «огненной души», с одной стороны, с другой — умения воспринимать традиции и уживаться с другими народами, живого интереса к иным культурам.

Отсюда более широкий культурный кругозор, восприимчивость ко всему новому, прогрессивному. «Все это в продолжение времени, — заключает Авдеева, — образовало население превосходное, чисто русское и замечательное умом и способностями». «Спросите у какого-нибудь коренного купца русских городов об Америке, об Ост-Индии: он едва ли слышал о них, а многие иркутские жители знают их не хуже родной им России. Самый образ тамошних дел и промышленности, требующий смелости, непрерывных новых соображений и некоторых сведений, способствовал направлению общества к образованности, ибо известно, что промышленность и торговля, не ограничивающиеся только делами своего города, всего больше способствуют развитию умов и общей образованности».

Даже после отъезда из Сибири Авдеева навсегда сохранила по отношению к этому краю чувство восхищения и гордости. Ему она и посвятила свои записки, руководствуясь желанием «быть полезной, сколько слабые мои сведения позволяют». Авдеева была убеждена в том, что знание истоков родной культуры является необходимой предпосылкой воспитания истинно просвещенного гражданина: «Все сохранилось в разных местах Сибири, но невероятно, как все ныне изменяется; пройдет еще несколько десятков лет, и не останется следа старины. Не спорю, что все делается к лучшему, да так и должно быть, но почему не сохранять нам память своих родных преданий: событий и быта русского? Мы ищем у иностранцев описаний России и делаем выписки из Олеария и Маржета, а не пользуемся своими родными источниками. Не мне, женщине без образования, делать ученые изыскания. Руководимая истинною любовью к отечеству, я приношу только ему свой бедный лепет».

Литературные интересы Авдеевой были довольно широки. Она занималась собиранием и публикацией русских песен, сказок. В 1844 г. Авдеева опубликовала «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкой Авдотьей Степановной Черепьевою», ставшие классикой рус-

ской детской литературы. В 1848 г. писательница издала «Собрание лучших и любимейших песен, романсов, водевильных куплетов известных писателей», долгое время остававшееся самым популярным песенником. Авдеевой принадлежит также авторство популярных работ по домоводству «Ручная книга русской опытной хозяйки» (Спб., 1842), «Карманная поваренная книга» (Спб., 1846), «Полная хозяйственная книга с прибавлением домашнего лечебника и домашнего секретаря» (Спб., 1851). Они были предназначены для Иркутского института благородных девиц как учебные пособия, представляли энциклопедию практических советов и выдержали несколько изданий.

В 1840–1850-х гг. Авдеева сотрудничала в «Отечественных записках», где опубликовала «Воспоминания об Иркутске», «Очерки масленицы в Европейской России и Сибири, городах и деревнях», «Записки о старом и новом быте» и ряд рассказов («Страшная гроза», «Сибирский рассказ» и др.).

С 1841 г. Авдеева жила в Петербурге у своего сына, вместе с которым издала «Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку» (Спб., 1848), содержащий советы по ведению хозяйства. После отмены крепостного права Авдеева в своих работах («Руководство к устройству ферм». — Спб., 1863 и др.) пропагандировала идею фермерского хозяйства.

Если в первой половине XIX в. женщины в литературе представляли редкое явление, во второй половине XIX — начале XX вв. занятие литературным трудом среди женщин становится распространенным. Женщины заявили о себе в журналистике, художественной литературе, они занимали должности редакционных сотрудников, открывали собственные издательства, становились переводчицами. Но в Сибири в пореформенный период литературная и публицистическая деятельность женщин не получила столь широкого распространения. Это обстоятельство было обусловлено целым рядом факторов: высшее образование для женщин в отдаленном сибирском

регионе было малодоступным. Дать дочерям качественное домашнее образование и расширить их кругозор посредством книг, театра, путешествий могли лишь немногочисленные семьи высших чиновников и богатого купечества. Формирование интеллигенции в крае началось значительно позже, чем в Европейской России, общественно-культурная жизнь в целом была не такой интенсивной и насыщенной, поэтому женщин-писательниц в Сибири было немного.

Одна из сибирских писательниц, чье творчество пришлось на пореформенный период, — Надежда Александровна Лухманова. Она сотрудничала в журналах «Новое время», «Русское богатство», в газетах «Всемирная иллюстрация», «Правда», «Петербургская жизнь», «Биржевые ведомости», писала очерки, романы, рассказы, повести, публицистические статьи. В начале русско-японской войны уехала на фронт сестрой милосердия и одновременно работала собственным корреспондентом газет «Петербургская жизнь» и «Южный край». За оказание помощи раненым была награждена золотой медалью на Георгиевской ленте. Выполняя обязанности сестры милосердия, Лухманова не переставала писать. Кроме газетных статей, она написала две книги: «Японцы и их страна» (1904) и «Из воспоминаний сестры милосердия о Маньчжурии» (1906). Главные темы ее произведений — нравственное состояние общества, положение в нем женщины, воспитание детей¹¹³.

Поэтесса Е.А. Егорова-Семчевская родилась в Красноярске в 1860-х гг. Окончила здесь женскую гимназию, затем поступила на высшие Бестужевские курсы в Петербурге. После возвращения в Сибирь долгое время сотрудничала в журнале «Сибирские записки». Ее стихотворения имели популярность у читателей. По словам В.М. Крутовского, это была «натура, богато одаренная, способная, энергичная... поэт в душе и способный поэт на практике, легко владеющий размером и рифмой»¹¹⁴.

Первые публицистические статьи, авторами которых были женщины, в сибирской периодической печати стали

появляться лишь в конце 1890 — начале 1900-х гг. Е. Розина на страницах «Сибирской жизни» поднимала вопросы женского образования, необходимости расширения сферы приложения женского труда¹¹⁵. Е.Г. Ватман-Орлова, выпускница Бестужевских курсов, с 1911 г. сотрудничала в «Сибирской жизни», «Сибирских вопросах», «Вестнике Европы», «Жизни Алтая»¹¹⁶.

К этому же времени относится начало издательской и редакционной деятельности женщин. Так, с 1890 по 1919 гг. издателем и редактором газеты «Сибирский листок» была Мария Николаевна Костюрина. Уроженка Тобольской губернии, она закончила Высшие женские курсы в Петербурге, с 1893 г. работала в Тобольском губернском музее, участвовала в работе попечительских обществ. Газета пользовалась популярностью. «Без лести должен сказать, — писал Костюриной поэт-революционер П. Якубович, — что «Сибирский листок», на мой взгляд, все улучшается, становится ничем не хуже других хороших сибирских газет... Мне кажется, что по интересности и количеству сведений «Сибирский листок» бывал иногда лучше «Степного края», к которому питаю большие симпатии»¹¹⁷.

С 1912 г. красноярская мещанка М.Я. Кохановская и почетный гражданин А. Жалудский издавали газету «Енисейская мысль»¹¹⁸. Интересно, что среди редакторов этой газеты было много женщин. В 1913 г. «Енисейскую мысль» редактировала Софья Амвросиевна Воден, в 1915 г. — Клавдия Федоровна Платонова, в 1916 г. — женщина-врач Вера Михайловна Ростовых и Мария Адамовна Млналкснис¹¹⁹. М.Я. Кохановская издавала не только «Енисейскую мысль», но и другие газеты: «Красноярский вестник» и «Енисейскую мысль» (1909–1915), «Красноярский хроникер» (1910, 1911), «Сибирскую мысль» (1911–1912, 1915–1916), «Отклики Сибири» (1914–1915), «Енисейский край» (1916–1917), «Наш голос» (1917). Типографии супругов Кохановских стали базой для многих красноярских изданий, позволяли выпускать газеты большим форматом, ежедневно, с иллюстрациями и фотографиями¹²⁰.

В 1906 г. жена отставного чиновника К.Я. Нитуч приступила к изданию в Красноярске газеты «Сибирский курьер»¹²¹. В 1911 г. жена бывшего редактора газеты «Красноярская мысль» А.И. Замощина начала издавать ежедневную газету «Сибирская мысль»¹²². С 1917 г. почетная гражданка Е.А. Востротина издавала в Минусинске журнал «Наш путь»¹²³.

Приведенные примеры показывают, что к началу XX в. сибирские женщины все более активно овладевали профессиями, связанными с высоким образовательным уровнем. Однако этот процесс все же шел медленнее, чем в европейской части страны, и главным тормозом в этом являлось отставание в развитии школьного и высшего образования в Сибири. А поэтому основной сферой применения женского труда здесь оставались профессии, не требовавшие высокой квалификации.

Наиболее распространенными среди женщин были профессии телеграфистов, врачей и учителей. Немного было женщин-писательниц, журналистов, и совсем не было их среди юристов, нотариусов, инженеров, архитекторов, механиков и техников. Это объясняется целым рядом причин: официальным запретом государственной службы для женщин, отсутствием в регионе высших учебных заведений для женщин, консервативностью общественного мнения, которое часто скептически воспринимало «ученых» женщин.

Более высокой социальной активностью обладали женщины купеческого сословия, которые начали осваивать сферу предпринимательской деятельности. К началу XX в. под влиянием развития капиталистических отношений, системы образования социальный состав предпринимательниц постепенно демократизировался.

Примечания

¹ Сибирь. — 1887. — 15 февраля.

² Кроль, М. Ново-Селенгинск // Сибирский сборник. — 1896. — Вып. III. — С. 243.

³ Исаев, А.А. От Урала до Томска // Вестник Европы. — 1891. — Кн. 9. — Т. 5. — С. 64.

⁴ Арцыбушев, В.А. История одной деревни // Сибирский сборник. — 1895. — № 1. — С. 103.

⁵ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. IV. — Спб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1889. — С. 74.

⁶ Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби. — Тюмень: Тип. К. Высоцкого, 1878. — С. 37.

⁷ Материалы для изучения экономического быта... Вып. IV. — С. 79.

⁸ Исаев, А.А. От Урала до Томска... С. 70.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Соловьева, Е.И. Из истории крестьянской промышленности пореформенной Сибири и задачи ее изучения // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода: сб.ст. — Новосибирск: Наука, 1971. — С. 194.

¹¹ Статистика Российской империи. Т. XXIX. Вып. 11. Енисейская губерния. — Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1895. — С. 124.

¹² ААА КК. Ф. 595. Оп. 51. Д. 542. Л. 6.

¹³ Телешов, Н. За Урал. Из скитаний по Западной Сибири: очерки. — М.: Тип. И.Д. Сытина, 1897. — С. 106.

¹⁴ Козьмин, Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. — Спб.: Типография «Печатный труд», 1910. — С. 51.

¹⁵ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891. — Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1891. — С. 29.

¹⁶ Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. — М., 1909. — С. 186.

¹⁷ Максимов, С. На Востоке. Поездка на Амур. — Спб., 1864. — С. 128.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. IV / под ред. Н.А. Тройницкого. — Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. — С. 231–371.

¹⁹ Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири... — С. 65.

²⁰ Там же.

²¹ Материалы для изучения экономического быта... — Вып. III. — С. 439.

²² Там же. С. 273.

²³ Материалы для изучения экономического быта... Вып. X. С. 273.

²⁴ Горюшкин, Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. — Новосибирск: Наука, 1967. — С. 125; Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. — Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1905. — С. 206; Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. — М., 1909. — С. 346.

²⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... – С. 231–371.

²⁶ Горюшкин, Л.М., Пронин, В.И. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири: сб. науч. трудов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 98.

²⁷ Овцын, В. Развитие женского образования (исторический очерк). – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1887. – С. 42.

²⁸ Елпатьевский, С.Я. Очерки Сибири. – СПб.: Типо-литография В.М. Вольфа, 1897. – С. 92–93.

²⁹ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 245.

³⁰ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии: в IV т. Т. IV. Вып. 5. Енисейская губерния. – Иркутск: Тип. штаба Иркутского военного округа, 1893. – С. 310.

³¹ Горюшкин, Л.М. Аграрные отношения Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 236.

³² Зольников, Д.М. Рабочие Сибири в годы первой мировой войны и Февральской революции. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 20.

³³ ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 291. Л. 21–42; Д. 1715. Л. 8–9.

³⁴ Мухин, А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). – М.: Мысль, 1972. – С. 67.

³⁵ Семевский, В. Очерки быта рабочих на сибирских золотых промыслах // Сибирский сборник. – 1895. – №1. – С. 91.

³⁶ Там же. С. 92.

³⁷ Там же. С. 25.

³⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. Н.В. Блинов. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 120.

³⁹ Андрищенко, Б.К. Состав рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895 гг.) // Вопросы истории дореволюционной Сибири: сб.ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – С. 144–159.

⁴⁰ Рабочий класс Сибири... – С. 199–200.

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... – С. 331–371.

⁴² Бочанова, Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 199.

⁴³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. LXXIII. Енисейская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. – С. 112–113.

⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... – С. 331–371.

⁴⁵ Скубневский, В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февр. 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 /

Алтайский государственный университет. – Барнаул, 1991. – С. 209.

⁴⁶ Коллонтай, А.М. Социальные основы женского вопроса. – СПб.: Изд-во т-ва «Знание», 1910. – С. 79–80.

⁴⁷ Т.Х. Юбилейный год // Женское дело. – 1915. – № 16. – С. 3–5.

⁴⁸ Скубневский, В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности... – С. 255–256.

⁴⁹ Коллонтай, А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – С. 8.

⁵⁰ Свод законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб., 1876. – Ст. 539.

⁵¹ ААА КК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 96, 195.

⁵² Б-ва, А. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. – 1887. – Вып. 4. – С. 169.

⁵³ Мешалкин, П.Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков). – Красноярск: СибГТУ, 2005. – С. 35.

⁵⁴ Барышников, М.Н. Женщины в структуре российского предпринимательства в начале XX в. // Факты и версии: историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Кн. 2. – СПб., 2001. – С. 51–64.

⁵⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... С. 231–371.

⁵⁶ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / отв. ред. Е.Н. Зуева, В.А. Скубневский. – Новосибирск: Наука, 1994–1997.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ААА КК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 588. Л. 2; ГАТО. Ф. 3. Оп. 42. Д. 1958. Л. 1.

⁵⁹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: в 4 т. / отв. ред. Е.Н. Зуева, В.А. Скубневский. – Новосибирск: Наука, 1994–1997.

⁶⁰ Попов, И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Сибирь и эмиграция. – Л.: Колос, 1924. – С. 79.

⁶¹ Старцев, А.В. Торгово-промышленная фирма Морозовых // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. – Барнаул, 1997. – С. 63–67.

⁶² Мешалкин, П.Н. Женщины Красноярья... – С. 34–35.

⁶³ Менделеев, Д.И. Исследование водных растворов по удельному весу // Растворы: сборник работ. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 1117.

⁶⁴ ААА КК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 466. Л. 2.

⁶⁵ Баландина, В.А. Ачинск-Минусинская железная дорога и промышленные возможности ее района // Северная Азия. – 1926. – Кн. 1. – С. 103–104.

⁶⁶ Баландина, В.А. Восстановление истины // Школьному краеведу. – Красноярск: Гор. библ. им. А.М. Горького; Краев. ин-т усов. учит., 1995. – С. 4.

⁶⁷ ААА КК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

- ⁶⁸ Баландина, В.А. Восстановление истины... – С. 28.
- ⁶⁹ ААА КК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 530, 1012, 1014.
- ⁷⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... – С. 231–371.
- ⁷¹ ААА КК. Ф. 595. Оп. 51. Д. 145. Л. 1.
- ⁷² Там же. Ф. 595. Оп. 51. Д. 86, 88, 145, 149, 185 и др.
- ⁷³ Ткаченко, П.С. Из истории высшего образования русских женщин // История СССР. – 1979. – № 5. – С. 94.
- ⁷⁴ ААА КК. Ф. 807. Оп. 1. Д. 291. Л. 9-9об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 14.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 362. Оп. 1. Д. 27. Л. 7об.
- ⁷⁷ Памятная книжка Тобольской губернии на 1907 г. – Тобольск: Издание Тобольского Губернского Статистического комитета, 1907. – С. 174; Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 г. – Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1911. – С. 65–67; Адрес-календарь личного состава служащих в правительстве, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1895 г. – Иркутск: Издание типографии Сизых, 1895. – С. 16–19; Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. – Чита: Издание Забайкальского Областного статистического комитета, 1897. – С. 55.
- ⁷⁸ Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. С разъяснением статей Свода законов по решениям кассационного департамента правительствующего Сената. – Спб.: Тип. К.Н. Плотникова, 1873. – С. 320–338.
- ⁷⁹ ААА КК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 696. Л. 53–54.
- ⁸⁰ Там же. Л. 9, 12.
- ⁸¹ Т.Х. Юбилейный год... – С. 3.
- ⁸² ААА КК. Ф. 1813. Оп. 2. Д. 204. Л. 1–3.
- ⁸³ Там же. Л. 187.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 33. Л. 82.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 612. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.
- ⁸⁶ Крутовский, В.М. Очерк истории Общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. 1886–1911. – Красноярск, 1911. – С. 11.
- ⁸⁷ Краткий очерк жизни Общества врачей Енисейской губернии за 40 лет (1886–1926). – Красноярск, 1926. – С. 43.
- ⁸⁸ ГАТО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 644. Л. 17–18.
- ⁸⁹ Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 137; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. – Томск: Издание Томского Губернского Статистического комитета, 1915. – С. 58–70; ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 442. Л. 501. Л. 25.
- ⁹⁰ Краткий очерк жизни Общества врачей Енисейской губернии за 40 лет (1886 – 1926). – Красноярск, 1926. – С. 192; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. – Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1915. – С. 27.
- ⁹¹ Романов, Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – С. 148.
- ⁹² Памятная книжка Иркутской губернии на 1881. – Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1881. – С. 43.
- ⁹³ Памятная книжка Иркутской губернии на 1910 г. – Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1910. – С. 98.
- ⁹⁴ Азиатская Россия: в 3 т. Т.1. – Издание переселенческого управления землеустройства и земледелия. – Спб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. – С. 276.
- ⁹⁵ Rassweiler I. The Life of a Russian Woman Doctor. – Indiana University Press, 2004.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Азиатская Россия. В 3 т. Т.1... – С. 261–267.
- ⁹⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. – 249 с.; Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1899–1900 учебный год. – Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – 308 с.
- ¹⁰⁰ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта... Т.П. Вып. 2. Иркутская губерния. – С. 205.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам... С. 231 – 371.
- ¹⁰⁴ Попов, И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – С. 65–66.
- ¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2460. Л. 43–44.
- ¹⁰⁶ ААА КК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 4020. Л. 3–4; Ф. 631. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
- ¹⁰⁷ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. – Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1891. – С. 43; Памятная книжка Иркутской губернии на 1910 г. – Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1910. – С. 78.
- ¹⁰⁸ ААА КК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 257. Л. 95.
- ¹⁰⁹ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. – 249 с.; Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1899–1900 учебный год. – Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – 308 с.
- ¹¹⁰ ГАИО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 498. Л. 54.
- ¹¹¹ Восточное обозрение. – 1896. – № 101. – С. 3.
- ¹¹² Зверев, В. А. Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления): учеб. пособ. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1988. – С. 70.

¹¹³ Лухманова, Н.А. Очерки из жизни в Сибири. – Тюмень: СофтДизайн, 1997. – 464 с.

¹¹⁴ Сибирские записки. – 1918. – № 4. – С. 101.

¹¹⁵ Розина, Е. О женской адвокатуре // Сибирская жизнь. – 1901. – № 27. – С. 5.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Цит. по: 400 лет Тобольску: сборник документов и материалов. – Свердловск, 1987. – С.81.

¹¹⁸ ААА КК. Ф. 595. Оп.7. Д. 644. Л. 21.

¹¹⁹ Там же. Л. 18.

¹²⁰ Миханев, А.П. Периодическая печать Красноярска второй половины XIX – начала XX вв.: учеб. пособ. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1999. – С. 85.

¹²¹ ААА КК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 103. Л. 1.

¹²² Там же. Оп. 3. Д. 3179. Л. 1.

¹²³ Там же. Оп. 51. Д. 639. Л. 3.

Глава 3.

ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

3.1. Женское образование

Одной из важнейших задач женского движения в России на первом этапе его развития была борьба за равный с мужчинами доступ к образованию. Создаваемые в этот период женские организации добивались предоставления женщинам права на получение высшего образования, поскольку это было условием для расширения сферы их профессиональной занятости.

Предпосылки для формирования системы женского образования в Сибири стали складываться еще в первой половине XIX в. История женского образования в этом регионе началась в Иркутске, крупном административном и культурном центре Восточной Сибири. В 1820-х гг. иркутская купчиха Елизавета Михайловна Медведникова решила открыть образовательное учреждение для девочек-сирот. Скоропостижная смерть в 1828 г. не позволила ей реализовать свой замысел, однако в завещании она выделила на это средства. В 1837 г. сыновья Елизаветы Михайловны Иван и Логгин Медведниковы открыли счет в банке, проценты с этого капитала шли на содержание приюта. В 1838 г. заведение для малолетних сирот женского пола было открыто. Здесь воспитанницы могли жить с 6–12 до 16 лет, а затем должны были подыскивать себе занятие, доставляющее средства к существованию. В первый год на доходы банка содержалось 10 сирот, за плату (150 рублей в год) было принято еще 15¹. Программа

обучения предусматривала самое элементарное образование: чтение, письмо, счет. Основное внимание уделялось обучению рукоделию и ведению домашнего хозяйства, чтобы выпускницы могли сами зарабатывать себе на жизнь. В дальнейшем учебная программа была значительно расширена, преподавались Закон Божий, русский язык, арифметика, геометрия, естествознание, пение, гимнастика. Однако по-прежнему большое значение придавалось урокам рукоделия и домашнего хозяйства, на которые отводилось до 32,5 % всех учебных часов².

За период с 1838 по 1887 гг. сиропитательный дом окончил 1 068 девочек-сирот. Из этого числа наибольший процент составили дети мещан — 38,3 %, на втором месте дети дворян и чиновников — 23,8 %, на третьем — солдат и казаков — 18,1 %, затем крестьян — 8,3 %, поселенцев — 4 %, купцов и священников — по 3,1 %³. После окончания курса воспитанницы по-разному устраивали свою судьбу. Дорога к высшему образованию для выпускниц сиропитательного дома была закрыта. Многие из них становились учительницами начальных школ. Сироты и дети неимущих родителей пополняли контингент прислуги. Другие становились образцовыми женами и хозяйками. Выпускницы института были особенно популярны как потенциальные жены среди духовного сословия. Священники из таких отдаленных сибирских областей, как Якутская, специально приезжали в Иркутск, чтобы выбрать себе невесту.

Школу Медведниковой следует считать скорее воспитательным учреждением, чем образовательным. Она имела целью дать приют сиротам до их совершеннолетия и привить им профессиональные навыки, необходимые экономике или гувернантке. По свидетельствам современников, школа стала заведением для приготовления прислуги.

Появление первых бессловных женских школ в Сибири связано с пребыванием здесь ссыльных декабристов. В Ялуторовске по инициативе декабриста И.Д. Якушкина открыта школа для девочек, ставшая первой все-женской школой в Сибири. Преподавали здесь

сам Якушкин, его ученицы А.П. Созонович, А.Н. Балакшина, местный дьячок, жены декабристов М.К. Муравьева-Апостол, А.В. Ентальцева, протоиерей С.Я. Знаменский.

Деятельность декабристов по развитию женского образования, развернувшаяся по инициативе И.Д. Якушкина, вышла за пределы Ялуторовска. В августе 1852 г. было открыто девичье приходское училище в Тобольске. Инициаторами его открытия выступили декабристы А.М. Муравьев, П.Н. Свистунов, М.А. Фонвизин, директор училищ Тобольской губернии П.М. Чигиринцев, учитель К.Н. Николаев, супруга председателя Тобольской казенной палаты М.В. Львова.

Просветительская деятельность декабристов способствовала росту духовного и культурного уровня многих чиновников и купцов, сибирское общество стало осознавать значение женского образования. В таких условиях власть уже не могла оставаться в стороне от решения этой важной общественной проблемы. В начале 1840-х гг. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт ходатайствовал перед императором об открытии в Сибири Девичьего института, мотивируя это необходимостью «дочерям благородных чиновников дать по возможности сообразное с их званием и состоянием образование»⁴. 21 апреля 1841 г. был утвержден устав Девичьего института Восточной Сибири, по которому он относился к институтам второго разряда. Цель обучения состояла в следующем: «Сделать воспитанниц вполне полезными и деятельными членами в кругу домашнем и общественном, и чтобы приготовить их к важной роли — быть начинательницами нового разумного воспитания для следующих поколений края»⁵. 1 июля 1845 г. институт в Иркутске был открыт. «День открытия института был праздничным не только для Иркутска, но и для всей Сибири», — писал известный общественный деятель В.И. Вагин⁶. Поскольку в Сибири не было поместного дворянства, при утверждении проекта института было внесено дополнение, отличавшее его от прочих институтов благородных девиц, — разрешалось принимать в него

дочерей купцов первой и второй гильдий и инородческих тайшей и шуленгов.

Первые две начальницы института имели сравнительно невысокий ранг. Каролина Карловна Кузьмина, занимавшая эту должность в 1845–1849 гг., была лишь вдовой чиновника X класса. Сменившая ее Мария Александровна Дорохова имела опыт службы классной дамой в Сиротском институте и Петербургском воспитательном доме. К.К. Кузьмина и М.А. Дорохова тесно общались с декабристами. Кузьмина служила гувернанткой дочери декабриста Н.М. Муравьева, жила в доме Трубецких. Дорохова дружила со многими декабристами, была невесткой декабриста П.А. Муханова, считалась близкой знакомой в семьях Трубецких, Поджо, Юшневских. Только третья начальница, заступившая в должность в 1854 г., Екатерина Петровна Липранди имела солидный послужной список – служила старшей классной дамой в Патриотическом институте и исполняла должность начальницы Московского Елизаветинского института. Она привнесла традиции столичных институтов, в которых сама воспитывалась и приобрела педагогический опыт.

Начиная с 1860-х гг. должность начальницы в институте занимали женщины образованные, с прогрессивными взглядами, принимавшие активное участие в общественной жизни. Они постепенно меняли направленность образования в духе времени. Так, с 1858 г. начальницей Девичьего института стала Анна Петровна Быкова. Первые годы ее управления совпали с периодом общественного подъема в России и реформирования женских учебных заведений. А.П. Быкова, понимая, что образование открывает путь к самостоятельной трудовой деятельности, дает женщине независимость, стремилась перестроить программу обучения. Она ориентировала воспитанниц к последующему поступлению на Высшие женские курсы, на занятия педагогической деятельностью. Дневниковые записи сестры А.П. Быковой, Варвары Петровны, преподававшей в институте французский язык, отразили

ее размышления о предназначении женщины в обществе. По мнению Варвары Петровны, женщина должна видеть смысл жизни не только в замужестве, но и в деятельности на благо общества. «Справедливо ли считать девиц какими-то отверженными париями только потому, что они не вышли замуж? Пора отрешиться от предвзятых взглядов и давно пора давать оценку каждой отдельной личности по ее достоинствам и недостаткам, а не по каким-то предвзвешенным рассудкам», – утверждала она⁷.

В период с 1845 по 1895 гг. в институт поступило 1 022 воспитанницы, из которых окончили курс обучения лишь 668 (65 %). Такое значительное число выбывших объясняется тем, что среди воспитанниц большой процент составляли дети чиновников, часто переезжавших с места на место. Действительно, из 668 выпускниц института 431 (64,5 %) были дочерьми чиновников и офицеров. Дочерей купцов было в два раза меньше – 214 (32 %), дворян – 12 (1,8 %), священников – 10 (1,5 %), число дочерей инородцев было и вовсе незначительным – 1 (0,2 %)⁸.

Девичий институт сыграл важную роль в становлении женского образования в Сибири. Это было первое и единственное заведение такого рода для девочек в Сибири в XIX в. Сибиряки смогли оценить значение женского образования, сами бывшие институтки поддерживали впоследствии развитие женского образования, работали в гимназиях, прогимназиях, сиропитательных домах, приютах по всей Сибири, пополняли штат классных дам в самом институте. Многие стали женами местного чиновничества и купечества. Свои идеалы, мысли, чувства они передавали детям, скромно, незаметно для многих меняли повседневный быт сибирского общества: «В черствую и грубую среду, часто даже не прикрытую наружным блеском, погруженную только в своекорыстные интересы, лишенную нравственных идеалов, институтка вносила новые жизненные начала... новые понятия, потребность умственной жизни, гуманность отношений и доходящее до самоотвержения чувство долга», – писал В.И. Вагин⁹.

Однако открытие отдельных учебных заведений, таких как сиропитательный дом Е.М. Медведниковой или Деви-чий институт, не могло решить проблему женского образования в регионе. На расширение сети учебных заведений существенное влияние оказывала потребность населения в образовании. Однако в первой половине XIX в. она была очевидна лишь для горожан, тогда как среди крестьян практически отсутствовала. Но в пореформенный период отношение к образованию вообще, в том числе к женскому, среди сибирских крестьян меняется, интерес к нему заметно возрастает. Этому способствовал приток переселенцев из Европейской России, образовательный уровень которых был значительно выше, чем у сибиряков. В связи с распространением техники возрастала потребность в технических знаниях, необходимых для ее использования. Кроме того, потребность в знаниях стимулировали рост товарности крестьянских хозяйств и широкое кооперативное движение, развернувшееся в Сибири в начале XX в.

В области начального образования официально различий между полами не существовало. Во второй половине XIX в. для девочек были доступны три типа начальных школ: одноклассные (с 3–4-летним курсом обучения) и двухклассные (с 5–6-летним сроком обучения) училища Министерства народного просвещения; одноклассные (2-годичные) и двухклассные (4-годичные) церковно-приходские училища, в них практиковалось как раздельное, так и смешанное обучение для мальчиков и девочек; Мариинские 3-классные женские училища (со сроком обучения 3 или 4 года), предназначенные для девочек-сирот.

Среди крестьян преобладал утилитарный подход к образованию. Они требовали от школы только обучения чтению, письму и счету. Упражнения, имеющие целью умственное развитие, считались бесполезными. Особенно ярко этот подход проявлялся в отношении к обучению девочек. Участники обследования крестьянских хозяйств Иркутской и Енисейской губерний приводили типичные

рассуждения крестьян: «Выучилась девка читать и мало-мало каракули ставить — для домашнего обихода и довольно; с обозами ей не ездить для записи расчетов, в старостах не служить — чего же больше»¹⁰. В некоторых губерниях Восточной Сибири, находившихся вдали от железной дороги, куда новые веяния проникали с опозданием, потребность крестьянского населения в грамотности оставалась очень слабой. В 1880-х гг. в Верхотенском округе Иркутской губернии основная масса крестьян была неграмотной. Свободное время молодежь проводила «на посиденках», где девушки вязали, сидели за прялками, а парни брэнчали на балалайке и играли в карты¹¹.

В целом грамотность сельских женщин оставалась довольно низкой. В 1897 г. в Сибири насчитывалось 3 631 начальное училище, в которых обучалось 113 469 детей, из них девочек было лишь 27 408, т. е. 24 %. К 1911 г. количество училищ возросло почти в два раза — до 6 099, а учащихся — в два с половиной раза — до 291 372, в том числе учащихся девочек — до 91 273 (31,3 % от числа всех учащихся). Большая часть начальных школ располагалась в Западной Сибири: в 1897 г. — 67,4 %, в 1911 г. — 56,4 %. Здесь же, соответственно, было сосредоточено большинство учащихся детей — 64,5 и 58,7 %, в том числе 63,4 и 55,6 % всех учащихся девочек¹² (Приложения. Табл. 28).

Частью системы образования в дореволюционной России были учебные заведения, готовившие рабочие кадры для промышленности и транспорта. В Сибири сеть профессиональных учебных заведений была представлена ремесленными школами и училищами в крупных губернских городах — Иркутске, Красноярске, Чите. Как правило, обучение в таких школах было совместным.

В 1897 г. в Сибири функционировало 27 ремесленных училищ, в них насчитывалось 1 448 учеников, из которых девочек было 142 (9,8 %). К 1911 г. количество училищ возросло более чем в два раза, их насчитывалось уже 63 с 3 919 учащимися, среди которых девочек было 904 (23 %). В Западной Сибири количество ремесленных училищ и учащихся

ся в них возрастало значительно быстрее, чем в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке¹³ (Приложения. Табл. 29).

В начале XX в. в сибирских городах стали создаваться ремесленные школы, предназначенные только для женщин. Так, в 1905 г. в Томске возникла городская женская профессиональная школа, которая выпускала мастериц и учительниц рукоделия для женских начальных школ. Принимались девочки 11 лет, имеющие начальное образование. Количество учащихся непрерывно возрастало: в 1905 г. в школу поступило 110 учениц, в 1906 г. – уже 116, в 1912 г. в школе училось 180 девочек¹⁴.

Женщины, имевшие профессиональное образование, открывали частные школы для девочек, вели занятия на дому. В основном это были курсы кройки и шитья. Так, в 1912 г. в Красноярске П.Я. Духовская, имевшая свидетельство Санкт-Петербургской ремесленной управы на звание мастерицы дамского портного, открыла школу кройки и шитья дамских и детских платьев. З.В. Иванова, жена горного инженера, давала частные уроки кройки и шитья¹⁵.

В целом система профессионального женского образования находилась в стадии формирования и не могла удовлетворить потребности развивающегося сибирского региона в кадрах, тем не менее наличие упомянутых специальных учебных заведений давало женщинам возможность начать самостоятельную трудовую деятельность.

Развитие в Сибири учреждений начальной школы для девочек, начавшееся в пореформенное время, поставило вопрос о переходе к среднему образованию. Начало созданию системы учреждений женского среднего образования в первой половине 1860-х гг. положили училища I и II разрядов. В 1860 г. в Иркутске были открыты училища I и II разрядов, а в Енисейске, Тюмени, Ишиме, Канске, Верхнеудинске – училища II разряда. До середины 1860-х гг. училища II разряда были открыты также в Ялуторовске, Троицкосавске, Тюкалинске, Чите, Нерчинске, Красноярске. В уездных городах (например, в Барнауле,

Бийске, Кузнецке) открывались училища III разряда (в них преподавали по программе мужских приходских училищ).

Курс обучения в училищах I разряда составлял шесть лет, включал обязательные и необязательные предметы. К первым относились Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история, краткий курс естественной истории, чистописание и рукоделие, ко вторым – иностранные языки (французский и немецкий), рисование, музыка, пение, танцы. Курс обучения в училищах II разряда был трехлетним и включал Закон Божий, краткую русскую грамматику, краткие курсы русской истории и географии, первые четыре правила арифметики, чистописание и рукоделие. В отличие от женских, в мужских реальных училищах основное значение имело изучение предметов естественно-математического цикла, а их выпускники могли поступать в технические, промышленные и торговые высшие учебные заведения.

В 1870 г. училища I разряда стали базой для создания женских гимназий, а училища II разряда – прогимназий. Правительство, заинтересованное в развитии среднего образования, принимало участие в материальном содержании школ, однако женским гимназиям придавался характер частных учебных заведений, которые должны были финансироваться преимущественно из местных источников. По учебному плану женских гимназий учебные предметы подразделялись на обязательные (Закон Божий, русский язык, математика, география, история, естествознание, физика, чистописание, рукоделия) и необязательные (немецкий и французский языки, рисование и музыка). Гимназии не готовили выпускниц к продолжению образования в высших учебных заведениях, а ориентировали на занятия педагогической деятельностью, хотя в дальнейшем учебные планы в женских гимназиях были приближены к учебным планам мужских учебных заведений. Циркуляром от 16 марта 1915 г. министр народного просвещения П.Н. Игнатьев ввел правила, разрешав-

шие девушкам, окончившим семь классов гимназии, в порядке экстерната сдавать экзамены в мужских гимназиях. Это давало возможность поступления в университет. 13 июля 1915 г. был издан циркуляр, обязывавший включать в программу 8-го класса женских гимназий для учениц, избравших своей специальностью математику, изучение этого курса в объеме курса математики в мужских гимназиях.

В 1895–1900 гг. главным источником финансирования женских гимназий служила плата за обучение – 42,4 %, на втором месте были пособия от городских обществ и частные пожертвования – 30,8 %, пособия государственного казначейства давали лишь 21,1 %. Гимназии вынуждены были прибегать к изысканию дополнительных источников финансирования, устраивая лотереи, музыкальные вечера и т. п. В прогимназиях основным источником финансирования были пособия от городских обществ и частные пожертвования (48,6 %), на втором месте – плата за обучение (31,5 %), затем пособия государственного казначейства (15,7 %), другие источники дохода (4,2 %) ¹⁶ (Приложения. Табл. 30).

Очень острой была проблема нехватки преподавательских кадров. В женских гимназиях и прогимназиях почти не было штатных преподавателей, в большинстве своем здесь работали совместители из мужских гимназий, учительских семинарий и уездных училищ. Из-за низкой оплаты в женских гимназиях вполне рядовыми считались случаи недокомплекта преподавателей, частая их смена. Учитель словесности Барнаульской женской гимназии Н.Ф. Шубкин в 1911 г. писал в дневнике: «Сравнивая свое положение с положением коллег по реальному училищу, невольно испытываешь чувство зависти и незаслуженной обиды. Разве не тот же самый труд несем мы, разве не тот же образовательный ценз требуют и от нас? А между тем такая резкая и обидная разница! ... Министерство народного просвещения еще раз показало свой антикультурный характер, отнесшись так пренебрежительно к русским женщинам и их образованию» ¹⁷.

За период с 1881 по 1905 гг. численность женских гимназий и прогимназий в России возросла с 262 до 564 (в 1,2 раза), а в Сибири – с 26 до 30 (на 15 %). Таким образом, Сибирь все же отставала от России ¹⁸. Количество гимназий в Западной Сибири с 1881 по 1911 гг. возросло с 14 до 23 (на 60,8 %), в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке – с 12 до 30 (в 2,5 раза). Для сравнения: за эти тридцать лет численность учениц в Западной Сибири выросла с 1 053 до 16 357 (т. е. в 15,5 раз), в Восточной – с 1 287 до 17 870 (т. е. в 13,8 раза) ¹⁹ (Приложения. Табл. 31).

Контингент учащихся в средних учебных заведениях первоначально составляли дети городских сословий. Это объясняется целым рядом причин: небольшим количеством гимназий, которые находились только в городах, что делало их малодоступными для сельских сословий; большими возможностями купцов, чиновников, промышленников подготовить своих детей к поступлению в гимназию; обременительностью платы за обучение для беднейших слоев населения. Кроме того, среднее образование не пользовалось спросом среди малоимущих городских и особенно сельских сословий, их потребности ограничивались в основном элементарными знаниями.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдалась тенденция демократизации женской средней школы. Спрос на среднее образование в деревне возрастал. Количество детей сельских сословий в средних учебных заведениях постепенно росло. Так, в период с 1880 по 1892 гг. в Красноярской женской гимназии обучалось 177 детей дворян и чиновников (41,3 %), городских сословий – 200 (46,7 %), духовенства – 26 (6 %), крестьян – лишь 25 (6 %); с 1905 по 1912 гг. детей дворян и чиновников – 321 (28,8 %), городских сословий – 490 (44 %), духовенства – 41 (3,7 %), крестьян – 240 (21,6 %) ²⁰. Начальница Ачинской женской гимназии А.Е. Скороходова отмечала возрастающее стремление к образованию среди девушек «из простой среды». Как правило, они не только получали образование, но одновременно были вынуждены работать, чтобы оплачивать свое обучение и даже содер-

жать родственников: «К великой чести таких девушек нужно сказать, что они заботятся не только о том, чтобы содержать своих братьев и сестер, но и стараются дать им образование, да и сами еще думают поучиться дальше. Несомненно, здесь велико и серьезное желание получить образование», — писала она²¹. Однако даже в начале XX в. в женских гимназиях и прогимназиях преобладали дети городских сословий. Так, в 1905 г. в Сибири дочери чиновников и дворян составляли 27,1 % всех учащихся женских средних школ, купцов и мещан — 51,5 % (по России соответственно 28,2 и 49,6 %). В Сибири был несколько ниже процент дочерей священников (3,3 %), чем в целом по России (5 %), но выше процент девочек сельских сословий — 18,1% (по России — 17,2 %) (Приложение. Табл. 32).

Значение женских гимназий и прогимназий в Сибири в конце XIX — начале XX вв. было очень велико. Хотя программа обучения в них не могла дать фундаментальных знаний, но гимназии многим сибирячкам открыли путь к профессиональной деятельности (прежде всего, к педагогической), стали подготовительной ступенью на пути к высшей школе, наконец, они изменили культурный облик сибирской женщины.

История высшего женского образования в России неразрывно связана с зарождением женского движения, и эта связь не случайна. Высшее образование открывало женщинам путь к ключевым постам на производстве, в государственной и общественно-культурной сферах, что являлось необходимым условием для достижения подлинного равноправия в обществе. Первым шагом к созданию высших учебных заведений для женщин было открытие в 1872 г. Высших женских медицинских курсов в Санкт-Петербурге и Высших женских курсов в Москве. Вскоре, в 1878 г., были открыты Высшие Бестужевские женские курсы. Открытию этих учреждений предшествовала многолетняя борьба за право женщин посещать университеты, в которой принимали участие такие видные деятели женского движения

в России, как Е.И. Конради, М.В. Трубникова, А.П. Филоsofova, Н.В. Стасова, Н.Н. Бекетов и др.

В Сибири во второй половине XIX в. на повестке дня также стоял вопрос о высшем образовании для женщин. Но вплоть до начала XX в. сибирячки, чтобы получить высшее образование, были вынуждены уезжать в университетские центры Европейской России. Там их ожидала нелегкая жизнь. По свидетельству современников, большая часть учащихся-сибиряков жила впроголодь²³. Корреспондент газеты «Сибирь» в 1900 г. так описывал жизнь курсисток из Сибири в Петербурге: «Из опрошенных курсисток пять заявили, что не имеют средств обедать ежедневно; одна вообще питается хлебом и чаем. ... Не лучше дело обстоит и с квартирами. ... Квартыры эти, по большей части, только подвалы и углы в квартирах сапожников, портных, отделенные перегородкой от мастерской, и это в лучших случаях. Сырость, угар, смрад, пьяная ругань и циничная болтовня через тонкую стенку, отсутствие солнца. Вот в таких условиях живет наша учащаяся девушка. Но, это, повторяю, еще лучшие условия. Бывают и худшие»²⁴.

Для помощи учащейся сибирской молодежи в 1884 г. было образовано Общество содействия учащимся-сибирякам в Москве и Петербурге, которое оказывало помощь студентам в виде ежемесячных пособий, единовременных ссуд, помогало в поисках работы. В числе прочих этой помощью воспользовались студентки Высших женских курсов в Петербурге, педагогических, женских врачебных, Надеждинских и др. курсов. В состав Распорядительного комитета Общества входили Н.М. Ядринцев и А.Ф. Ядринцева²⁵. Дом Ядринцевых стал своеобразным центром помощи сибирским студентам. Молодежь получала здесь не только материальную помощь, но всегда находила поддержку в своих духовных исканиях, стремлении послужить своими знаниями делу возрождения Сибири. Особенно теплое участие к сибирякам проявляла А.Ф. Ядринцева. Неоднократно посещавший «Ядринцевские четверги» П.М. Го-

ловачев писал о ней: «Своей простотой, искренностью, желанием помочь и словом, и делом умела привлечь каждого, ободрить... Ей нередко приходилось быть, можно сказать, духовником, которому поведывались и молодые радости, и горести»²⁶.

Аделаида Федоровна родилась в семье енисейского золотопромышленника Ф. Баркова. Первоначальное образование получила в гимназии Нижнего Новгорода. После ее окончания поступила на педагогические курсы в Петербурге. Еще будучи курсисткой, стала специальным корреспондентом издававшейся в Казани газеты «Волжско-Камское слово». В редакции газеты она и познакомилась с Ядринцевым, а в 1872 г. вышла за него замуж. С этого времени Аделаида Федоровна становится участницей всех проектов мужа. Она помогает ему в издании «Восточного обозрения», в котором ведет отделы хроники и культурных новостей, часто выполняет редакторскую работу, заменяя мужа, сопровождает его в научных экспедициях.

Аделаида Федоровна отличалась добротой и отзывчивостью, готовностью помочь любому нуждавшемуся, за что молодежь любовно называла ее «нашей матерью». Известный историк и общественный деятель В.И. Семевский писал о ней: «Это была одна из самых светлых, самых благородных, самых гуманных женщин, золотое великое сердце которой билось только для блага ближнего. Интересы общественные и литературные всегда были для нее выше личных интересов; она готова была на всякую жертву ради того, что она считала важным и необходимым, ради преуспевания печати, ради интересов сибирской молодежи, на пользу которой она трудилась до последней болезни, унесшей ее в могилу». Другой современник, известный историк и этнограф С.П. Швецов, дополняя эту характеристику, писал о ее разносторонней одаренности, эрудиции, благодаря которой она сумела встать на один уровень со своим знаменитым мужем: «По общим отзывам, это была женщина выдающаяся во многих отношениях. Обладая

обширным умом и хорошим развитием, она представляла с Николаем Михайловичем на редкость гармоничную пару, цельную, удивительно дополнявшую друг друга. И Аделаида Федоровна, по отзывам, была именно товарищем, принимавшим активное участие во всех его работах, а не только помощником своему мужу». Сам Ядринцев признавал благотворное влияние жены: «Ее обширное образование, знание нескольких языков, ее характер, ее трудолюбие и усердие удваивали и утраивали общие труды наши... Я узнал, что может внести женщина интеллигентная и умная в жизнь человека». Независимая, целеустремленная, образованная, с широким кругозором и взглядами на жизнь, Аделаида Федоровна сама была примером активной деятельницы женского движения, на который ориентировались молодые сибирячки.

Помочь всем нуждающимся студентам и студенткам из Сибири Общество не могло в силу ограниченности материальных средств, пожертвований, поступавших в его кассу. Тем не менее столичные Высшие женские курсы открыли путь к педагогической, научной, просветительской и общественно-политической деятельности значительному числу сибирячек. Многие из них после окончания курсов продолжили обучение за границей, к примеру, из Енисейской губернии — В.А. Баландина, Е.А. Комарова, Е.А. Красикова, Е.М. Крутовская, А.И. Кускова, Е.И. Окулова и др.²⁷ Другие возвращались на родину, принимали активное участие в общественно-культурной жизни, занимались преподавательской деятельностью: А.Е. Скороходова стала начальницей женской гимназии в Ачинске, К.А. Яковлева преподавала историю в Красноярской женской гимназии, заведовала Красноярской городской библиотекой имени Г.Н. Потанина и т. д.²⁸

В начале XX в. сибирская общественность подняла вопрос о создании высших женских курсов в Сибири. Женские курсы могли быть открыты только в таком городе, который имел бы университет или, по крайней мере, два мужских высших учебных заведения, чтобы их препода-

вательским составом обеспечить и будущие женские курсы. Таким городом мог стать только Томск. В 1888 г. здесь был открыт первый в Сибири университет, в 1900 г. — Технологический институт, в 1901 г. — Сибирское коммерческое училище. Помимо высших учебных заведений на территории губернии сложилась широкая сеть образовательных учреждений среднего и начального типа.

Открытие новых учебных заведений в городе вдохновило женщин заявить о своем праве на высшее образование. В 1901 г. жены профессоров Мария Шипицына и Ольга Зубашева составили петицию о допусчении вольнослушательниц в Томский университет. Указом Министерства народного просвещения в 1906 г. женщины были допущены в университет на правах вольнослушательниц, но в условиях наступления политической реакции уже в 1908 г. последовал запрет приема женщин²⁹.

На волне общественного подъема после первой русской революции женское движение за доступ к высшему образованию усилилось. В октябре 1906 г. Прасковья Васильевна Сергеева обратилась к томскому генерал-губернатору К.С. фон Нолькену с прошением разрешить открытие Высших историко-философских курсов для мужчин и женщин. Нолькен имел у местной общественности репутацию реакционера, неудивительно, что в этой просьбе он отказал. Однако Сергеева обратилась в Министерство народного просвещения, и в декабре 1906 г. получила желанное разрешение. Занятия начались 18 октября 1907 г. Согласно уставу Высших историко-философских курсов свидетельство об их окончании должно было приравняться к диплому государственного университета, поэтому список учебных предметов был широк и охватывал практически все сферы гуманитарных знаний: русская и всеобщая история, история искусств, философия, политэкономия, теория права и т. д. Читать эти предметы согласились лучшие профессора университета: И.А. Малиновский, В.В. Сапожников, Н.Н. Розин и др. Первоначально на курсы приняли 125 слушателей, и подавляющее большинство из них — 75 % — составляли женщины³⁰.

Сразу после начала занятий курсы попали под жесткий контроль властей. Чиновники рассматривали это заведение как рассадник революционных идей. Когда в 1908 г. в качестве преподавателя на курсы был приглашен Г.Н. Потанин, Городская дума постановила выселить их из занимаемого университетского помещения. Однако на помощь пришла Н.А. Тихонравова, бесплатно предоставившая часть помещений своей частной гимназии. Возникли финансовые сложности, т. к. томское купечество отказалось оказывать материальную помощь курсам, видя враждебное отношение к ним властей. В 1908 г. во время обыска у одного из слушателей изъяли тетрадь с революционными стихами. Это послужило поводом для закрытия курсов. Жандармское управление обвинило руководство в антиправительственной пропаганде.

Однако на смену губернатору К.С. фон Нолькену в сентябре 1908 г. пришел Н.Л. Гондатти, член отечественных и зарубежных научных обществ, покровитель науки и образования. В Томске при его содействии за три года было создано около двух десятков культурно-просветительных и профессиональных обществ. Пользуясь покровительством нового губернатора, прогрессивная томская интеллигенция возобновила борьбу за предоставление женщинам права на получение высшего образования. В 1909 г. представители научной и педагогической общественности Томска направили делегацию в Министерство народного просвещения с проектом создания первых в Сибири Высших женских курсов. Министерство проект одобрило, но финансовых обязательств на себя не приняло.

В конце лета 1909 г. ученый, этнограф Г.Н. Потанин, профессор Б.Л. Вейнберг, Е.Л. Зубашев, Н.И. Карташев, М.П. Соболев, И.А. Малиновский, М.П. Рыбалкин, В.В. Сапожников и В.Л. Некрасов создали Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам. 15 декабря 1909 г. состоялось первое собрание членов-учредителей, на котором избрали комитет Общества. В него вошли: профессора В.Л. Малеев, Н.И. Карташев,

В.В. Сапожников, профессор Е.Л. Зубашев и его жена О.А. Зубашева, жены профессоров, купцов и чиновников Томска Е.И. Обручева, Е.А. Макушина, А.А. Кухтерина, А.Ф. Фуксман, М.Е. Вейнберг, О.П. Лаврская, женщины-врачи Н.И. Микулина-Иванова и Н.А. Черневская-Щукина. Председателем комитета избрали Маргариту Мечиславовну Гондатти. Интеллигентная, образованная, она проявила искреннюю заинтересованность в распространении женского образования в Сибири³¹. Комитет первого состава развернул широкую деятельность — устраивались благотворительные лекции, вечера. Полученные средства направлялись в пользу Высших женских курсов. В январе 1910 г. членами Общества числилось 152 человека, а в 1911 г. — уже 663. В Обществе был представлен весь цвет интеллигентного и делового Томска: крупные предприниматели В. Выгнов, С. Горохов, И. и А. Кухтерины, Д. Зверев, профессора И. Грамматикати, И. Базанов, И. Бобарыков, инженеры В. Реутовский, Н. Боголюбский, врачи П. Ломовицкий, А. Макушин и др.

26 октября 1910 г. состоялось торжественное открытие курсов. Ректор Технологического института профессор Е.Л. Зубашев изложил историю высшего женского образования в России и историю возникновения Сибирских высших женских курсов. В яркой, эмоциональной речи он подчеркнул значение курсов для Сибири: «С сегодняшнего дня сибирская женщина получает возможность получать высшее образование у себя на родине. Сибирь приобретает новый рассадник высшего образования»³².

Первым директором курсов стал профессор Н.Ф. Кащенко. Он считал, что женское высшее образование имеет огромное значение для Сибири, так как здесь особенно остро ощущаются недостаток подготовленных преподавательских кадров в средних учебных заведениях, нужда местного населения во врачах, особенно женских и детских, потому в своей брошюре «Сибирские высшие женские курсы», вышедшей в 1912 г., Кащенко обращался ко всем городам Сибири, общественным организациям, си-

бирякам и сибирячкам с просьбой о финансовой помощи курсам³³.

Контингент слушательниц в первый год деятельности курсов был определен в количестве 80 человек. Это были выпускницы гимназий из 11 городов Сибири и Дальнего Востока, а также 11 городов Европейской России³⁴. В следующем, 1911 г. на курсы поступило 126 человек. Расширился круг городов, из которых приехали слушательницы — 20 сибирских городов и 21 город Европейской России³⁵.

В 1915 г. Министерство просвещения допустило 29 первых выпускниц к испытаниям в государственной экзаменационной комиссии. Выпускницы Е. Киселева, Т. Триполитова, Е. Воронина, Е. Волочнева были приняты в качестве ассистентов на кафедры университета. Журнал «Женское дело», издававшийся в Москве, приветствовал выпускниц Сибирских женских курсов: «Все мы, ваши предшественницы, получившие образование в Петрограде, Москве и других университетских городах России, счастливы осознанием, что вот, наконец, исполнилось еще одно заветное желание Сибири, и нашим детям и внукам, желающим учиться, не надо уезжать за тысячи верст от родного дома, терпеть там голод, холод, одиночество, все невзгоды людей, заброшенных на чужбину»³⁶.

В годы Первой мировой войны курсы существовали в составе двух отделений — естественного и математического. В период гражданской войны набор слушательниц резко сократился. Летом 1920 г. курсы были переданы в состав Томского университета и прекратили свое существование³⁷.

Высшие женские курсы в Томске были первыми в Сибири. Они положили начало становлению здесь высшего женского образования. Однако в начале XX в., утвердив свое право на получение высшего образования, женщины уже ставят вопрос о переходе от обучения на высших женских курсах, диплом которых все же не имел университетского статуса, к совместному с мужчинами обучению в университетах. Еще до открытия Высших женских кур-

сов в Томске в сибирской печати дебатировался вопрос о целесообразности отдельных заведений высшего типа для женщин. Некоторые участники разгоревшейся полемики утверждали, что суть проблемы женского равенства в сфере образования состоит именно в праве женщин получать его наравне, т. е. вместе с мужчинами, а не отдельно от них. Так, автор письма, опубликованного под заголовком «Нужен ли женский университет в Сибири?» в журнале «Сибирские вопросы» в 1909 г., заявлял: «Вопрос о высшем образовании для женщин сводится не к устройству самостоятельных женских университетов, а к открытию для них дверей существующих университетов... При дальнейшей борьбе за права женщины, несомненно, наступит момент, когда все высшие учебные заведения будут принимать женщин на одинаковых правах с мужчинами. К этому и надо стремиться, не смущаясь никакими препятствиями»³⁸. Правомочность такого подхода вскоре была подтверждена на практике. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война привела к значительному сокращению в университетах мужского контингента. Но суть вопроса была не только в том, что опустели студенческие аудитории, а в том, что на фронте потребовалось больше специалистов с высшим образованием, особенно врачей. Это заставило власти отказаться от разделения по половому признаку в сфере высшего образования и открыть двери вузов для женщин.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. возрастала потребность сибирского общества в женском образовании: сначала, под влиянием политических ссыльных, – среди купцов и чиновников, несколько позже, в связи с развитием капиталистических отношений, – среди сельских сословий. Развитие системы женского образования способствовало росту самосознания женщин, создавало условия для их включения в общественную жизнь. На рубеже XIX – XX вв. поколение «новых» – образованных, стремящихся найти свое предназначение в обществе – женщин многое сделало для дальнейшего развития женского образования в Сибири.

3.2. Научная, просветительская и культурная деятельность сибирячек

Промышленное освоение Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. вызывало необходимость изучения этой отдаленной окраины страны. Недостаток подготовленных специалистов заострил проблему участия в этом деле образованных женщин. Первоначально они выступали лишь как помощницы, ассистентки ученых. Такое сотрудничество долгое время было единственной формой, в которой женщины могли удовлетворять свой интерес к науке, свою любознательность.

Первой женщиной, проявившей себя на поприще изучения сибирского края, была Мария Прончищева. Вместе с мужем В.В. Прончищевым она стала участницей Великой Северной экспедиции по исследованию побережья Таймыра, продолжавшейся с 1733 по 1735 гг. В ходе экспедиции были открыты острова Петра, восточная группа островов Самуила и ряд других. Именем Прончищевой была названа бухта на восточном берегу Таймыра.

Сто лет спустя, в 1848 г., примеру Прончищевой последовала Екатерина Невельская. Она сопровождала мужа, известного путешественника и исследователя Дальнего Востока капитана Г.И. Невельского, возглавлявшего Амурскую экспедицию. Екатерина Ивановна родилась в селе Спасском Малоярославского уезда Смоленской губернии в семье смоленского помещика И.М. Ельчанинова. Получив образование в знаменитом Смольном институте, она в 1848 г. возвратилась домой в Смоленск. Вскоре ей пришлось пережить смерть матери, после чего она вместе с сестрой была взята на попечение дядей по матери В.Н. Зариным. Вместе с его семьей сестры в этом же году отправились в Иркутск, куда Зарин был назначен гражданским губернатором. Здесь и произошло знакомство Екатерины Ивановны с Г.И. Невельским, только что вернувшимся из морского путешествия, в ходе которого ему удалось устано-

вить судоходность устья Амура и наличие пролива, отделявшего его от Сахалина. Это открытие имело громадное значение для освоения дальневосточных рубежей и развития Российского тихоокеанского флота. Мужественный моряк был пленен обаянием, живым умом и красотой восемнадцатилетней девушки. Он сделал ей предложение, однако Екатерина Ивановна ответила на него согласием лишь в 1851 г. В апреле в Иркутске состоялась их свадьба, а в мае супруги выехали в Петровское зимовье на побережье Охотского моря, ставшее базой Амурской экспедиции, главой которой был назначен Невельской.

Молодая женщина вместе с другими участниками экспедиции преодолела невероятно трудный путь, сплавляясь по северным рекам, следуя караваном по труднопроходимому Охотскому тракту через топи, крутые подъемы и спуски Яблоновского хребта. Она поражала своим терпением и стойкостью даже бывалых путешественников. Сам Невельской, скупой на похвалы, спустя много лет, вспоминая об этом переходе, писал: «С геройским самоотвержением и без малейшего ропота она вынесла всю трудность и лишения верховой езды по топким болотам и диким гористым тайгам и ледникам Охотского тракта, сделав этот верховой переезд в 1 100 верст в 23 дня. Жена моя с первой минуты прибытия своего в Петровское показала необыкновенное присутствие духа и хладнокровие».

Екатерина Ивановна могла бы остаться в Аяне, где условия жизни были значительно легче, но она настояла на том, чтобы следовать с мужем в Петровское, где не было даже сносного жилья для зимовки. Свою настойчивость она объясняла не только желанием быть рядом с мужем, но и стремлением внести посильную лепту в дело, порученное Невельскому. В ее представлении укрепление русского влияния на дальневосточных рубежах было делом «чести отечества».

Первая зимовка в Петровском стала большим испытанием для экспедиции Невельского. Приходилось ютиться в наскоро построенных домах в большой тесноте, не имея

достаточно запасов топлива и продовольствия. Обстановка в экспедиции была суровой. Чтобы выжить, офицерам приходилось, забыв о сословных привычках, заниматься тяжелой физической работой наравне с простыми казаками: заготавливать дрова, строить склады и жилье. Екатерина Ивановна разделяла выпавшие на долю первопроходцев трудности. Она поселилась в одной из комнат небольшого домика, в котором проживала многодетная семья офицера Д. Орлова. Молодой женщине пришлось освоить хозяйственные занятия, которым ее не обучали в Смольном институте: копать грядки, садить овощи, солить грибы, мочить бруснику, коптить рыбу. Но она не замыкалась лишь на семейных заботах. Выучив язык аборигенов-нивхов, она часто посещала их жилища, обучала огородничеству, давала советы по обустройству жилища и быта. По свидетельству одного из участников экспедиции, Н.К. Бошняка, «к ней шли безбоязненно и всегда с уверенностью, что внимательный и ласковый взгляд хозяйки заметит каждого». Вообще, пример ее самоотверженного стоического перенесения трудностей и преданности мужу вдохновлял окружающих ее людей. Бошняк вспоминал: «Мы откровенно сознаемся, что многим обязаны ее внимательной любезности ко всем, и прямо скажем, что ее пример благотельно действовал на тех, можно сказать, несчастливиц из жен нижних чинов, которых судьба забросила вместе со своими мужьями на горькую долю. Часто находясь в обществе г-жи Невельской, мы никогда не слыхали от нее ни одной жалобы или упрёка, напротив, мы всегда замечали в ней спокойствие и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей провидение. ... Во всем обнаруживалась твердость ее характера, привычка к занятиям и способность обходиться без балов и вечеров, — способность, столь редко встречаемая в наше время!»

К осени 1854 г. Невельские перебрались из Петровского в Николаевск, который с этого времени превращается в главную базу Амурской экспедиции. И здесь, благодаря

радушью и гостеприимству Екатерины Ивановны, дом Невельских стал центром притяжения местного общества.

В 1856 г. Амурская экспедиция по решению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского была расформирована, и Невельской вынужден был покинуть Сибирь. Вместе с семьей он перебрался в Петербург, где получил назначение на должность в Морском ученом комитете. С этого времени заботы Екатерины Ивановны сосредоточиваются в основном на семейных делах, так как жизнь в столице требовала больших расходов, а материальное положение Невельских было не блестящим. С горечью Екатерина Ивановна признавалась в одном из своих писем, что за шесть лет своей службы на Амуре за свои подвиги и открытия муж получил лишь чины и кресты, не скопив при этом никакого состояния: «Если бы не пенсией, заслуженный кровавым потом на Амуре, и не кой-что от разоренного маленького имения, мы бы решительно нищенствовали».

И в Петербурге Екатерина Ивановна не переставала помогать мужу в его делах. Когда Невельской приступил к работе над книгой «Действия наших морских офицеров в 1849 году по исход 1855 года на отдаленном Востоке нашего отечества и их последствия», она вычитывала переписанные копии рукописи, вела переговоры с редакцией о ее публикации, а после смерти мужа в 1876 г. взяла на себя все заботы, связанные с выходом книги. Книга вышла в 1877 г. под названием «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского. Изданы супругою покойного Екатериною Ивановною Невельскою». Издание книги, которая по замыслу Невельского должна была стать памятником подвигам русских моряков на дальневосточных рубежах России, стало последней данью Екатерины Ивановны не только памяти ее мужа, с которым она разделила его подвижническую деятельность, но и самому делу освоения Дальнего Востока, в необходимость которого она верила до конца жизни.

Имя Екатерины Ивановны было увековечено ее мужем в названии мыса в проходе Невельского (Татарский пролив).

М. Прончищева и Е. Невельская не вели самостоятельных научных изысканий, но сам факт их участия в экспедиции имел громадный общественный резонанс, убеждая даже противников женской эмансипации в том, что далекие и опасные путешествия являются делом, посильным женщине.

Во второй половине XIX в. в роли помощницы известного геолога, палеонтолога, географа Ивана Дементьевича Черского выступила его жена Мавра Павловна.

Она родилась в Иркутске в небогатой мещанской семье. Хотя в детстве ей не удалось получить даже начального образования, но благодаря природной любознательности и настойчивости молодая девушка овладела грамотой и постоянно занималась самообразованием. Большое влияние на ее духовное развитие оказало знакомство с И.Д. Черским, за участие в польском восстании 1863 г. отбывавшим ссылку в Иркутске. Поселившись в доме матери Мавры Павловны, Черский обратил внимание на девушку, тянувшуюся к знаниям. Он стал ее первым учителем, сумел передать страстное увлечение наукой, сделать из почти неграмотной девушки прекрасного помощника в деле изучения Сибири, которому сам ученый посвятил всю свою жизнь.

Мавра Павловна под руководством Черского овладела знаниями и навыками сбора и описания коллекций растительных и геологических материалов, ведения метеорологических наблюдений. Выйдя впоследствии замуж за Черского, она стала неременной спутницей его научных экспедиций. Одновременно она взяла на себя всю тяжесть забот об устройстве семейного быта и воспитании родившегося в 1879 г. сына. Мавра Павловна старалась оградить Черского не только от материальных проблем, но и от интриг и преследований, которым он подвергался со стороны чиновников, относившихся с подозрением к политическому ссыльному.

В 1885 г. после амнистии семья Черских переехала в Петербург по приглашению председателя Географического общества П.П. Семенова-Тянь-Шанского для работы в музее РГО. Мавра Павловна и здесь продолжала помогать мужу, приводя в порядок дневники его сибирских экспедиций. Однако кабинетная работа не надолго могла увлечь Черского. Как только была завершена обработка экспедиционных материалов, он стал готовиться к новой экспедиции, в Якутию. Мавра Павловна вместе с 12-летним сыном решила сопровождать мужа в его путешествии.

Прибыв в 1891 г. в Якутск, Черские занялись подготовкой экспедиции. Мавра Павловна взяла на себя заботы по обеспечению снаряжения, став, по выражению мужа, «хозяйкой экспедиции». Она блестяще справлялась с этой обязанностью, умея прекрасно ладить с рабочими, располагая к себе людей доверием и терпением.

14 июля 1891 г. участники экспедиции вышли из Якутска, направившись к устью р. Амги. Путешествие верхом на лошадях по крутым подъемам и спускам Верхоянского хребта, через непроходимые лесные чащи требовало величайшего напряжения сил и зачастую было сопряжено с риском для жизни. При этом надо было вести наблюдения, собирать и консервировать ботанический и геологический материал. Часть пути до Верхне-Колымска экспедиция шла по реке Ясачной на карбасах. В Верхне-Колымске путешественники зазимовали. Хотя условия зимовки были довольно суровыми, все же благодаря неистощимой энергии и предприимчивости Мавры Павловны в спартанскую жизнь Черских были внесены некоторые элементы домашнего уюта. Муж мог спокойно работать над научными отчетами.

Здоровье Черского было уже сильно подорвано, но несмотря на это он принял решение продолжать экспедицию. Поскольку силы с каждым днем покидали его, вся тяжесть работы по руководству экспедицией легла на Мавру Павловну. Она сама производила разведку и обследование горных пород, вела записи и одновременно

ухаживала за умиравшим мужем. 25 июня 1892 г. Черского не стало. Смерть мужа явилась тяжелым ударом для молодой женщины, однако она, сознавая ответственность перед его памятью, нашла в себе силы продолжить экспедицию. Похоронив мужа на заимке Колымской, Черская двинулась к конечному пункту экспедиции в Нижне-Колымск, продолжая вести наблюдения, собирать коллекции, записывать фольклорный материал. Завершение начатого мужем дела было для нее лучшей памятью о нем. Закончив экспедицию, Черская возвратилась в Якутск, а оттуда выехала вместе с сыном в свой родной город Иркутск. Здесь она встретила очень теплый прием со стороны земляков и членов Восточно-Сибирского отдела РГО, собравших для нее небольшие денежные пожертвования. Однако Мавра Павловна попросила передать деньги в пользу неимущих студентов. Сама она очень сожалела, что не смогла получить образование, и хотела поддержать учащуюся молодежь.

Единственным научным трудом Мавры Павловны стал отчет по итогам экспедиции в Нижне-Колымск для ВСОРГО. Отчет имел большое значение, поскольку именно им руководствовались организаторы многочисленных экспедиций по изучению Якутии уже в советский период. В старости Мавра Павловна страдала от осознания того, что ей пришлось расстаться с научной работой. «Я очень сожалею, — писала она, — что смерть мужа не дала мне возможности к дальнейшим научным исследованиям»³⁹.

Верной спутницей и помощницей геолога, этнолога, археолога Дмитрия Александровича Клеменца была его жена Елизавета Николаевна. Она родилась в Красноярске в семье мелкого золотопромышленника Н.М. Зверева. Ее мать закончила Девичий институт в Иркутске и поэтому настояла на том, чтобы Елизавета Николаевна получила образование. После окончания Казанского института благородных девиц Елизавета Николаевна работала учительницей в Красноярске, затем преподавала арифметику в младших классах женской гимназии в Том-

ске. Мечтала продолжить образование на Высших женских курсах, однако средств на это не было, поскольку ее отец перед смертью разорился. Отработав несколько лет гувернанткой в семье губернатора А.П. Супруненко и накопив денег, в 1880 г. Елизавета Николаевна смогла уехать в Петербург. В 1884 г. она окончила Бестужевские курсы и приняла назначение начальницы в Минусинскую женскую прогимназию. В 1887 г. вышла замуж за ссыльного народника Д.А. Клеменца. В 1890 г. Дмитрий Александрович был приглашен в Иркутск на должность консерватора ВСОРГО. По свидетельству современников, Клеменцы оживили жизнь иркутской интеллигенции, а их квартира и музей превратились в культурный центр города.

Каждое лето супруги Клеменцы предпринимали научные экспедиции по Забайкальской области и Монголии. Елизавета Николаевна вела самостоятельную работу по археологии и ботанике. Вместе с известным ученым Я.П. Прейном она обработала богатые ботанические коллекции иркутского музея, составила образцовые программы для местных ботанических исследований. Одну из поездок в Монголию, на реку Керулен, Елизавета Николаевна совершила самостоятельно. Ей удалось провести археологические изыскания, собрать флористический материал. Она принимала участие в знаменитой и последней экспедиции Д.А. Клеменца в Турфан (Синьцзян) в 1898 г. Д.А. Клеменц собрал геологическую коллекцию, а Е.Н. Клеменц — большой гербарий.

Елизавета Николаевна обладала обширными познаниями в сфере археологии, этнографии и географии. Собранные ею гербарии поступили в Томский университет и до сих пор высоко ценятся специалистами. За научные работы по ботанике она получила специальную награду Академии наук — бриллиантовую брошь.

Необходимо отметить особую роль, которую сыграли сибирские областники в деле приобщения женщин к исследовательской деятельности. Будучи сторонниками женского равноправия во всех сферах, они не только в те-

оретических трудах, но и в личной жизни решали женский вопрос: помогали женам на пути самообразования, самореализации в науке и публицистике, общественной деятельности.

Первой русской путешественницей — исследователем Центральной Азии была жена областника Г.Н. Потанина — Александра Викторовна. Она родилась в 1843 г. в Нижегородской губернии в семье священника В.Н. Лаврского. С детских лет привыкла к спартанскому быту, трудам и заботам, которые она, как старшая в семье, разделяла с матерью. В раннем возрасте у нее проявились любознательность и одаренность. К восьми годам девочка уже умела не только читать, но и сочинять небольшие рассказы. Особенно её привлекали сюжеты о путешествиях в далёкие, загадочные земли, о которых она слышала от своей няни, часто ходившей на богомолье по святым местам. Незаурядные способности девочки были замечены Е.П. Юрьевой, теткой известного общественного деятеля 1860-х гг. П.Д. Боборыкина. Часто бывая в доме Лаврских, она взялась руководить ее образованием.

Большое влияние на духовное развитие Александры оказал ее брат Валериан, в юности друживший с Н.А. Добролюбовым. Он привил ей интерес к естествознанию, научил собирать гербарии, проводить химические опыты. Он же познакомил ее с либеральными идеями эпохи реформ 1860-х гг., частью которых стало движение за женскую эмансипацию. Александра Викторовна, ощущая в себе потребности и силы к выбору самостоятельного жизненного пути, приняла решение стать учительницей. После смерти отца в 1861 г. она открывает в его приходе школу для девочек, а в 1867 г., когда в Нижнем Новгороде открылось женское епархиальное училище, преподает в нем. Среди коллег и учениц она пользовалась уважением за прямоту, честность и отзывчивость.

Поворотным моментом в жизни молодой учительницы стала встреча в 1872 г. с другом ее брата Г.Н. Потаниным. Она произошла в Никольске, куда брат был выслан

за участие в революционной деятельности. Здесь же отбывал ссылку и Потанин. С первой встречи обнаружилось родство характеров и духовных интересов, которое стало фундаментом их будущего семейного союза, принесшего огромную пользу отечественной науке. О том, как резко улучшилось душевное состояние Потанина под влиянием знакомства с Александрой Викторовной, свидетельствовал его друг Н.М. Ядринцев: «Скоро я увидел, как отразилось на этом серьезном замкнутом человеке знакомство с Александрой Викторовной, какие потоки света хлынули на него, какими цветами радуги заиграло его воображение, какое идеальное настроение сказалось в его духе, какой полет получила мысль, сколько явилось новых планов, какой энергией дышала эта сильная натура».

Через год молодые люди поженились, а в 1875 г., благодаря хлопотам П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Потанин получил полное помилование и право переехать на жительство в Петербург. Здесь он начинает готовиться к экспедиции в Монголию, и Александра Викторовна деятельно помогает мужу в этом, изучая методику препарирования биологических экспонатов, составления гербариев, составляет библиографию научных трудов по изучению этих земель. На новом поприще особенно пригодились способности Потаниной к рисованию. Хотя она специально и не обучалась этому, но перед отъездом в экспедицию консультировалась по вопросам техники рисунка у известного художника Шишкина.

Первая экспедиция в жизни Александры Васильевны состоялась в 1876–1877 гг. За это время были пройдены сотни верст по Русскому и Монгольскому Алтаю, собран ценный материал по географии, геологии, энтомологии, ботанике, этнографии. Следующий год прошел для Потаниных за обработкой экспедиционного материала, а летом 1879 г. она вместе с мужем отправляется в экспедицию по Туве. Маршрут экспедиции проходил по южному склону Саянских гор и верховьям Енисея. Закончив вторую экспедицию, Потанины прибыли в Иркутск. Отчет об экс-

педиции занял два тома, в которых значительная часть материала принадлежала Александре Викторовне, хотя она и не являлась официальным участником экспедиции и не получала за свой труд никакой оплаты.

В Иркутске дом Потаниных стал для городской интеллигенции своего рода центром умственной жизни. Собрания у Потаниных, на которых обсуждались научные и общественные вопросы, вносили в жизнь чиновничьего Иркутска свежую струю, и поэтому отъезд их из города был воспринят общественностью как большая потеря. Один из современников писал, что после отъезда Потаниных город погрузился в спячку.

1880–1883 гг. Потанины провели в Петербурге. И здесь их скромная квартира практически никогда не пустовала. Особенно часто в ней бывали студенты-сибиряки, находившие в лице Александры Викторовны деятельного помощника и строгого судью. По общему признанию, ее влияние на молодежь «было очень сильно». «Упрек ее, иногда и не взыскательный, но промелькнувший в глазах или тоне, действовал больно, в ней чувствовался строгий критик... Ее строгое отношение к самой себе, ее непрерывная деятельность, энергия — все это привлекало в ней и воспитывало».

В 1883 г. началась новая экспедиция Потаниных в Восточный Тибет, которая продолжалась два года и шесть месяцев. За это время было пройдено 5 700 верст, собран большой материал для характеристики природы, экономики и общественного быта населения Внутреннего Китая. Отчитавшись за экспедицию перед Академией наук, Потанины в 1887 г. вновь возвращаются в Иркутск, где Григорий Николаевич возглавил деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО. В Иркутске вокруг Потаниных, как и в первый их приезд, вновь образовался кружок из местной интеллигенции. Александра Викторовна была душой этого кружка, она же помогала мужу и в деятельности отдела. Большим событием для Иркутска была публичная лекция А.В. Потаниной о бурятах. Впервые на

кафедру вошла женщина-ученый. «Она очень волновалась, читая, — вспоминали учительницы и гимназистки, присутствовавшие на лекции, — но волновались не меньше мы, чувствуя, что мы словно присутствуем при уравнивании человеческих прав женщины»⁴⁰.

Убедившись, что работа ВСОРГО налажена, Потанины в 1890 г. возвращаются в Петербург. В 1892 г. они вновь направляются в экспедицию в Восточный Тибет. Это путешествие стало последним для Александры Васильевны. Ее здоровье уже было подорвано тяготами и лишениями, которые приходилось переживать во время долгих экспедиций. 8 мая 1892 г. ее постиг первый удар, а 19 сентября на пути в Чунцинфу она скончалась. Похоронена в Кяхте.

Потанина была не только верным помощником своего мужа, выдающегося ученого, но вошла в науку как вполне самостоятельный исследователь. Она стала первой женщиной, проникшей в Центральную Азию. Сфера ее научных интересов была достаточно широка. Занимаясь энтомологией, ботаникой, она все же наиболее ярко проявила себя в этнографии. Ей принадлежат 17 научных работ, в числе которых исследование о хозяйстве бурят, религиозных верованиях народностей Тибета и театральном искусстве в Китае. Она была первым ученым-этнографом, которого привлекла проблема положения женщин у народов Азии. А.В. Потанина стала одной из первых женщин в России, принятых в члены РГО и удостоенных за свои научные труды золотой медали. Ее работы представляют интерес не только в академическом плане, но и в литературном: Александра Викторовна мастерски владела жанром литературного очерка. На формирование ее научного мировоззрения очень сильное влияние оказали материалистические идеи в естествознании 60-х гг. XIX в. Один из современников писал о ней: «Вообще ум у Александры Васильевны ясный, простой и реальный, носил на себе сильные следы влияния писателей 1860-х гг., он никогда не оставался в бездействии, быстро разбираясь в самых сложных вопросах..., суждения ее были разносторонние, строго

аргументированные и отличались оригинальностью и самобытностью». Ее человеческое обаяние отмечал известный русский критик А.В. Стасов: «Впечатление, произведенное на меня Александрой Васильевной, было совершенно особенным. Она не была красива, но в ней было что-то такое необыкновенное, притягательное для меня. В ее лице была какая-то страдальческая черта, которая делала ее необыкновенно симпатичной. У нее был взгляд такой, какой бывает у много думающих, много читавших, много видевших». Главное, что, по мнению Стасова, притягивало к Александре Васильевне самых разных людей, заключалось в «необыкновенной прочности душевной и надежности умственной». Стремясь найти свое призвание в жизни, Потанина не побоялась войти в закрытую тогда для женщин научную сферу, и, в свою очередь, стала ярким маяком, на который ориентировались следующие поколения женщин.

Видное место в историко-этнографическом изучении Сибири занимают труды М.В. Швецовы. Мария Васильевна родилась в 1856 г. в Орловской губернии в семье священника. В 1875–1877 гг. училась на женских курсах Медико-хирургической академии в Петербурге. Вышла замуж за этнографа, экономиста С.П. Швецова. За участие в народническом движении Швецов в начале 1880-х гг. был сослан в город Тюкалинск Тобольской губернии. Здесь Мария Васильевна вместе с мужем собирала материалы по социально-экономическому положению сельского населения.

В июле 1888 г. Швецовы приехали в Барнаул. Мария Васильевна была одним из организаторов Общества любителей исследования Алтая, состояла членом Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (ЗСОРО), участвовала в подведении итогов однодневной переписи населения Барнаула в марте 1895 г. В 1898 г. была командирована в экспедицию на Алтай. Занималась этнографическими и антропологическими исследованиями в селениях Змеиногорского и Барнаульского уездов, изучала общину «поляков» — русских старообрядцев, пе-

реселившихся в Польшу и во второй половине XVIII в. высланных на Алтай. Историко-этнографическим исследованием алтайских «поляков» Мария Васильевна внесла вклад в разработку таких важных научных проблем, как специфика процессов заселения и хозяйственного освоения юго-западных районов Сибири, характер материальной культуры и общественного сознания местного крестьянства, типология сибирской земледельческой общины.

Самостоятельной фигурой в научных кругах Сибири была Мария Васильевна Красноженова. Родилась в селе Бирюса Иркутской губернии в 1871 г. в семье телеграфиста, в 1890 г. окончила Красноярскую женскую гимназию и осталась в ней преподавать географию. По материальным причинам она не смогла продолжить образование на Высших женских курсах. Интерес к народному творчеству проявился у Марии Васильевны еще в гимназии. В отдельные тетради она записывала сказки, песни, заговоры, пословицы, загадки. Увлечение собиранием сибирского фольклора постепенно переросло в профессиональное дело. С 1907 г. Мария Васильевна – член ВСОРГО, фольклорист-этнограф.

Творческое наследие Красноженовой велико и разнообразно: под Канском она собирала материал по народной медицине; описала свадебные обычаи в Енисейской губернии; побывала практически во всех уездах Енисейской губернии. Собранный материал публиковала в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества». В 1914 г. РГО присудило ей серебряную медаль за сказки, опубликованные в сборнике к столетнему юбилею выхода сказок братьев Гримм. Позже Мария Васильевна выпустила два сборника сказок: «Сказки Красноярского края» (1937) и «Сказки нашего края» (1940)⁴¹.

Актуальным проблемам экономического и культурного развития Приенисейского края посвятила свои научные труды Вера Арсеньевна Баландина. Она родилась в с. Новоселовском Минусинского округа Енисейской губернии в семье купца Емельянова. Образование получила в

Красноярской женской гимназии. Окончив ее в 1887 г. с золотой медалью, поступила на физико-химическое отделение женских Бестужевских курсов в Петербурге. В столице она сближается с членами сибирского землячества студентов, среди которых преобладали областнические настроения. Свое будущее молодая девушка вместе со своим мужем – сыном известного сибирского предпринимателя Баландина, выпускником Петербургского университета – неразрывно связывает со служением сибирскому краю. Этому был подчинен и выбор направления ее научной работы. Тема ее диплома «Золото. Его происхождение и добыча в Енисейской тайге» непосредственно была увязана с практическими задачами промышленного развития Сибири.

Успешно закончив в 1893 г. курсы, она решает продолжить образование за границей и уезжает в Сорбонну. Здесь слушает лекции и работает в институте Пастера, затем стажировается в Женевской химической школе. Но интересы Баландиной не ограничивались только рамками академической науки. Она знакомится с постановкой дела народного образования в Европе, мечтая о применении передовых методов обучения у себя на родине.

После возвращения в Сибирь Баландина не прерывала своих научных изысканий. Она занималась селекционной работой по выведению новых сортов пшеницы, садовых культур и лекарственных растений. В начале XX в. после неурожая в Енисейской губернии сложилась тяжелая ситуация с обеспечением населения хлебом. Вера Арсеньевна не осталась равнодушной к этой проблеме. В 1905 г. в Красноярске вышла ее брошюра «Народный кооперативный кредит в Германии и России. К вопросу о кредите для сельского населения Енисейской губернии». Сравнив развитие кооперативных союзов в Западной Европе и в Сибири, она пришла к выводу о том, что кооперативное движение должно быть поддержано дешевым и доступным кредитом для крестьян, что обеспечило бы быстрый экономический подъем сельского хозяйства. На страницах

брошюры призывала Красноярский отдел Императорского Московского Общества сельского хозяйства организовать систему кредитования для крестьян⁴².

Много внимания Баландина уделяла изучению целебных свойств рапы сибирских соленых озер. В 1910 г. в Юрьеве была опубликована ее работа «Химический анализ воды Плodbищенского озера близ г. Енисейска Восточной Сибири»⁴³. В 1920-е гг. она занималась получением розового масла в Минусинском округе. В течение трех лет, с 1927 по 1929 гг., в Хакасии выращивала лекарственные растения для производства эфирных масел. О результатах своих опытов в 1929 г. Баландина опубликовала статью «К вопросу о культуре лекарственных и душистых растений и производстве эфирных масел в Сибири»⁴⁴.

Ее перу принадлежит более 50 публикаций. Признанием ценности ее научных трудов стало ее избрание в действительные члены ряда научных обществ: Немецкого химического общества в Берлине, Русского физико-химического общества, Вольного экономического общества, Красноярского подотдела Русского географического общества. Спектр интересов Веры Арсеньевны выходил далеко за рамки химической науки. Предпринимательница, меценатка, общественная деятельница, она много сделала для развития Енисейской губернии, была настоящим патриотом родного края, своей деятельностью стремилась служить его интересам.

Научные исследования по изучению сибирского края стимулировали краеведческие музеи. Во второй половине XIX в. музейное дело в Сибири переживало период становления. Один за другим открывались музеи в Минусинске, Красноярске, Тобольске, Омске и других городах. Они стали центрами научной и просветительской деятельности.

Активное участие в деятельности Минусинского музея принимала Е.Н. Клеменц. Она входила в комитет по постройке здания музея. На торжественном собрании в день начала строительства выступила с содержательной речью, в которой подчеркнула значимость музейного дела в

Сибири. Это был первый случай публичного выступления женщины в Минусинске. После открытия музея заведовала метеорологической станцией при нем, работала над составлением гербариев⁴⁵.

В 1897 г. М.Н. Костюрина вошла в состав распорядительного комитета Тобольского губернского музея. Под руководством комитета проводилась работа по пополнению и систематизации коллекций книг, сбору научного и краеведческого материала, пропаганде и популяризации научных знаний, изданию ежегодника. Члены распорядительного комитета обеспечивали успешное участие музея в выставках: всероссийских — в Москве и Нижнем Новгороде (1895–1896), всемирной — в Париже (1900) и первой Западно-Сибирской — в Омске (1911)⁴⁶. М.Н. Костюрина составляла каталоги коллекций этнографического и палеонтологического отделов музея. Вместе с другими членами комитета занималась реорганизацией музейной библиотеки. В 1899 г. выступила инициатором чтения лекций, разработав специальную программу, основанную на опыте проведения народных чтений в организованном ею Тобольском доме трудолюбия.

М.В. Красноженова стала основателем и бессменным руководителем Педагогического музея в Красноярске. Музей был открыт в 1898 г. и просуществовал до 1920 г. Это был первый в Сибири передвижной педагогический музей, его создание было вызвано недостатком наглядных пособий в учебных заведениях. Музей предоставлял учебные пособия всем школам бесплатно во временное пользование.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв. женщины начинают заниматься самостоятельной научной деятельностью. Их желание проводить научные изыскания было обусловлено стремлением найти свое призвание в жизни, а наличие соответствующих способностей позволило успешно самореализоваться в этой сфере. Немаловажную роль играло чувство ответственности за судьбу родного края, желание принести ему пользу.

Конец XIX – начало XX вв. ознаменовалось оживлением культурного развития сибирских городов. Усилился интерес к изобразительному, театральному искусству, музыке, открывались художественные и музыкальные школы и общества. Особенно интенсивно эти процессы протекали в городах Западной Сибири, где была сосредоточена основная масса чиновников и интеллигенции.

Во второй половине XIX в. расширяется сеть публичных библиотек. Возникли бесплатные народные библиотеки, читальни, книжные склады и магазины. Одной из первых женщин, вступивших на путь культурно-просветительской деятельности Сибири, была М.А. Гаевская. Мария Афанасьевна родилась в Иркутске в 1838 г. В 1855 г. окончила Девичий институт Восточной Сибири. Личная судьба ее не сложилась – дважды выходила замуж, но один за другим умерли мужья, затем дети. Невзгоды в личной жизни укрепили ее в стремлении посвятить себя служению обществу. В 1866 г. ее приняли на работу в Иркутскую публичную библиотеку, а через несколько месяцев, с января 1867 г., она стала ее заведующей. М.А. Гаевская выдавала книги читателям, составляла каталоги, вела отчетную документацию, подписку на столичные журналы⁴⁷.

В 1901 г. в благодарственном письме по поводу 35-летнего юбилея деятельности М.А. Гаевской читатели писали о том, что библиотека буквально стала ее детищем, настолько аккуратно она вела свое дело, с огромной любовью относилась к работе, вкладывая в нее всю душу: «Вот уже тридцать пять лет прошло с того времени, как вы, глубокоуважаемая Мария Афанасьевна, вступили в библиотеку и все это время бесменно, без отдыха несете эту тяжелую, утомительную, единообразную обязанность. Вы отдались этому делу со всей самоотверженностью женщины, Вы отдали ему свои лучшие молодые годы, свою энергию, свои силы»⁴⁸. Под этими словами поставили подписи более сотни читателей, что свидетельствовало об огромном уважении иркутян к деятельности М.А. Гаевской.

Старшая дочь сибирского просветителя П.И. Макуши-

на Елизавета Петровна свою жизнь посвятила культурно-просветительской деятельности. Она блестяще окончила женскую гимназию в Томске, поступила на Бестужевские курсы в Петербурге, а затем уехала в Бельгию продолжать образование на общественном факультете Нового университета. В 1899 г. в возрасте 26 лет вернулась на родину, не успев закончить обучение – по просьбе отца, так как ему была нужна помощница в делах. После возвращения Елизавета Петровна заведовала публичной библиотекой, принадлежавшей П.И. Макушину, была секретарем Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален. Она горячо любила свое дело. Современники вспоминали, как, тактичная, доброжелательная, Елизавета Петровна по-своему, словно любимую вещь от всего сердца, подавала книги читателям⁴⁹.

Усилиями таких подвижниц просвещения в сибирских городах были заложены основы библиотечного дела. Своей интеллигентностью, благожелательностью они создавали особую атмосферу уважения к знаниям, культурному наследию человечества.

Культурная жизнь университетского города Томска была насыщенной и разнообразной. Жены профессоров, приезжавших из Европейской России, были образованными дамами с развитым художественным вкусом. В 1890-х гг. Г.Н. Потанин писал: «Весь тон общественно-культурной жизни Томска все более задавали женщины... Они организовывали литературные дискуссии, музыкальные вечера, участвовали в благотворительных акциях»⁵⁰.

Осенью 1909 г. в городе был организован литературно-артистический кружок, члены которого ставили своей целью распространение в публике интереса к литературе и искусству. Председателем общества была избрана В.П. Соболева, жена профессора политической экономии, о которой Г.Н. Потанин отзывался как о «даме осведомленной в литературе и истории искусства, даме со вкусом и большим житейским тактом»⁵¹. Жена юриста, ректора Томского университета И.А. Базанова Лидия Павловна

возглавляла кружок любителей живописи. Ее кисти принадлежит портрет известного ученого, сибирского областника Г.Н. Потанина⁵².

Одаренные сибирячки становились ученицами знаменитых художников, имевших российскую и мировую известность. Так, внучка золотопромышленника П.И. Кузнецова Ксения Иннокентьевна Матвеева училась у сибирского художника Д.И. Каратанова. В 1912 г. К.И. Матвеева уехала в Москву, занималась в частных студиях, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Вернувшись в Красноярск, преподавала рисование в школах, участвовала в выставках красноярских и сибирских художников, писала картины в бытовом и историческом жанрах.

Ученицей художника А.И. Куинджи была Мария Ивановна Педашенко (в замужестве Третьякова). Ее отец генерал-лейтенант И.К. Педашенко был последовательно Амурским, Забайкальским, Иркутским и Енисейским губернатором. Мария Ивановна родилась в Благовещенске-на-Амуре, училась в Иркутской женской гимназии, окончила Академию художеств. Как художница проявила себя в жанре пейзажа. В 1903 г. Мария Ивановна организовала передвижную выставку картин петербургских художников. Выставка работала сначала в Красноярске, затем в Томске. Были представлены работы самой Марии Ивановны «Минусинская степь весною», «Устье реки Мань», «Саянский хребет» и др. Выставка вызвала восторженные отзывы красноярцев и томичей: «Это был первый опыт воздействия в таком масштабе на вкусы широких народных масс»⁵³.

В первой половине XIX в. в Сибири отсутствовали специальные музыкальные учебные заведения. Однако в домах состоятельных чиновников и купцов было принято учить своих детей музыке. В женских учебных заведениях на высокий уровень было поставлено преподавание музыки и пения. Так, в музыкальной жизни Иркутска весьма значительную роль играл Девичий институт Восточной Сибири. Талантливой преподавательницей фортепиан-

ной игры была В.П. Быкова. Добиваясь осмысленного исполнения произведений, выразительности, технической точности, она воспитала целую плеяду пианисток. Выступая на концертах в институте, в Благородном собрании, ее ученицы исполняли разнообразный и солидный репертуар: сонаты Л. ван Бетховена, пьесы Ф. Шуберта, Ф. Шопена, Ф. Листа. Многие ученицы посвятили свою жизнь педагогической деятельности: В.Г. Петрович и М.П. Шешукова давали частные уроки музыки, М.В. Подгорбунская и В.Г. Останина преподавали музыку в воспитавшем их институте⁵⁴.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Сибири открываются театры, начинают работу театральные труппы. Появляется целая плеяда талантливых женщин, посвятивших свою жизнь искусству. На иркутскую сцену пришла оперетта, здесь начинали свою карьеру многие впоследствии известные в Москве и Петербурге артисты. В 1880-х гг. на иркутской сцене начала выступать Л.Н. Мелиссова. Иркутянка, в 1895 г. она окончила Петербургскую консерваторию, затем завершила свое образование в Вене. Концертируя по городам Сибири, Л.Н. Мелиссова выступала в Иркутске в 1896 г., а в 1897 г. вернулась на несколько лет в родной город, вела здесь педагогическую деятельность. Известная в России талантливая опереточная артистка В.М. Иванова-Дункель тоже была иркутянкой.

Создание первого любительского хора и ансамбля в Томске связано с именем Р.К. Сирена, окончившего Стокгольмскую музыкальную академию. Приехав в Томск, он начал давать бесплатные уроки игры на скрипке и собрал небольшой кружок, члены которого составили инструментальный ансамбль. Среди его активных участников была Елизавета Алексеевна Дмитриева-Мамонова, супруга председателя губернского правления. Она была ученицей Н. Рубинштейна и прекрасной пианисткой. По ее инициативе в 1879 г. в Томске было открыто отделение Императорского Русского музыкального общества, она же стала его председателем. В октябре 1879 г. состоялся первый

концерт общества, который современники оценили как «выдающееся событие в культурной жизни Томска».

Выделялась своими музыкальными способностями Феофания Николаевна Тютрюмова, дочь поверенного в делах золотопромышленников Кузнецовых. Феофания в 1889 г. окончила в Красноярске женскую гимназию и затем поступила в консерваторию в Петербурге. В 1908 г. в Томске, где жили ее мать и сестра, она открыла музыкальную школу. Музыкальная школа Ф.Н. Тютрюмовой была известна по всей Сибири, а концерты с ее участием пользовались большой популярностью. Г.Н. Потанин писал: «Недели две тому назад здесь чествовали нашу пианистку Тютрюмову. Это было на музыкальном вечере в память Шопена, любимого ее композитора. Вечер вышел сплошной овацией. Аплодисменты бесконечные. Ей поднесли адрес в дорогой папке и корзину цветов»⁵⁵. Ф.Н. Тютрюмова стояла у истоков создания Сибирской народной консерватории, созданной в 1917 г.

Известной пианисткой в Красноярске была Мина Мироновна Крамник. Она окончила консерваторию в Вильно, преподавала музыку в учебных заведениях и на дому, выступала в концертах. М.М. Крамник явилась одной из основательниц Красноярского музыкального училища в 1920 г. и первой детской музыкальной школы в 1930 г. С большим успехом выступала с концертами талантливая пианистка Е. К. Покрассо. Уроки музыки на рояле давали К.М. Шпаер, Ю.В. Кузнецова, М.Ф. Рутц-Мурашова (окончила Петроградскую консерваторию), З.И. Дьякова, С.И. Пилявская и др.

Рост культурных запросов сибиряков проявился и в отношении к театру. В 1860-е гг. возникают Общества любителей драматического искусства. В их составе были жены купцов, чиновников. Так, активным деятелем Общества любителей драматического искусства в Красноярске была Зинаида Ивановна Шепетковская, жена городского головы Н.А. Шепетковского. Елена Францевна Галепль возглавляла Музыкально-драматическое общество в городе

Кургане Тобольской губернии⁵⁶. Е.С. Авксентьева руководила литературно-музыкально-драматическим обществом в городе Кузнецке Томской губернии⁵⁷. Такие общества организовывали подготовку любительских спектаклей, концертных программ, юбилейных вечеров в честь выдающихся деятелей культуры.

В 1870–1880-е гг. в сибирских городах начинается строительство отдельных зданий для театров, появляются талантливые местные исполнители. Среди них были и женщины, они становились актрисами и даже руководителями театральных трупп. В Томске в 1880-х гг. в городском театре играла драматическая группа под руководством Е.И. Авраховой. Сама антрепренерша прославилась как талантливая исполнительница комических ролей. Среди актрис положительные отзывы томской публики заслужили Балакшина-Карская, Велиханова, Иконникова, оперные певицы Картавина-Друзякина, Волина⁵⁸.

В Иркутске в конце 1890-х гг. работала антрепренером З.А. Малиновская. Среди наиболее известных актеров, выступавших на иркутской сцене, – Н.А. Каратыгина, Е.А. Демидова. Особенно высоко ценили иркутяне талант Е.Н. Горевой, с большим успехом выступавшей в ролях Катерины («Гроза» А.Н. Островского), Лизаветы («Горькая судьбина» А.Ф. Писемского), Марии Стюарт и др.⁵⁹

В 1902 г. в Красноярске в Народном доме-театре начала работать драматическая труппа под руководством К.П. Красновой. О Красновой отзывались как о серьезном, знающем свое дело антрепренере и хорошей актрисе. Она тщательно подбирала репертуар, внимательно следила за новинками драматургии, прилагала много усилий, чтобы получить новую, интересную пьесу, в частности, вела переписку с А.М. Горьким и получила от него согласие на постановку пьесы «Мещане» (это была первая пьеса Горького, которую он написал в 1902 г.). Уже в январе 1903 г. красноярцы увидели спектакль с одноименным названием⁶⁰.

Таким образом, развитие системы женского образования повлияло на расширение культурного кругозора сибирячек. Они перестали довольствоваться узкими рамками семьи и привычными формами досуга, стремились наполнить свою жизнь высокими духовными идеалами, активной творческой или общественной деятельностью. Образованные женщины вливались в ряды сибирской интеллигенции. Их инициатива в этой сфере была востребована, поскольку культурный уровень сибирских городов оставался низким. Это объяснялось малочисленностью и разобщенностью интеллигенции, удаленностью от культурных центров. Театр, литература, музеи, библиотеки, общественные организации развивались только в губернских городах. Наука, музыкальное образование, театр, литература переживали период становления, развивались благодаря самоотверженным усилиям немногих энтузиастов. Однако в целом уровень грамотности женщин был низким, а доступ в университеты для них по-прежнему был закрыт. Поэтому масштабы женской научной и культурной деятельности в регионе были скромными. Согласно данным переписи населения 1897 г., женщины составляли лишь 11,8 % всех занятых в сфере науки и искусства Сибири⁶¹.

Примечания

- ¹ Иркутский Сиропитательный дом Елисаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк. — Иркутск: Издание Совета Иркутского Сиропитательного дома, 1888. — С. 26.
- ² ГАИО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 155. Л. 1-2.
- ³ Там же. Д. 339. Л. 3-5.
- ⁴ [Вагин В.И.] Тридцатилетие иркутского института // Сибирь. — 1875. — № 2. — С. 1.
- ⁵ Исторический очерк деятельности Иркутского института Императора Николая I. Первое пятидесятилетие 1845–1895 гг. — Иркутск: Типо-Литография П.И. Макушина, 1896. — С. 12.
- ⁶ [Вагин В.И.] Тридцатилетие иркутского института... — С. 1.
- ⁷ Быкова, В.П. Записки старой смолянки. Ч.2. — Спб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. — С. 114.
- ⁸ Исторический очерк деятельности Иркутского института... С. 16–18.

⁹ [Вагин В.И.] Тридцатилетие иркутского института... С. 1.

¹⁰ Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний: в IV т. Т. II. Вып. 2. Иркутская губерния. — М., 1890. — С. 17.

¹¹ Р-ва. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и прочее // Сибирский сборник. — 1888. — Вып. 3. — С. 37–43.

¹² Азиатская Россия: в 3 т. Т.1. — Издание переселенческого управления землеустройства и земледелия. — Спб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. — С. 261–267.

¹³ Там же. С. 261–267.

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5640. Л. 68–72.

¹⁵ АААКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 4400, 4461.

¹⁶ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. — Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. — 249 с.; Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1899–1900 учебный год. — Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. — 308 с.

¹⁷ Шубкин, Н.Ф. Повседневная жизнь старой русской гимназии (Из дневника словесника Н.Ф. Шубкина за 1911–1915 годы) / публ., предисл. и послесл. В.Н. Шубкина. — Спб.: РХГИ, 1998. — С. 123.

¹⁸ Азиатская Россия... Т. 1. — С. 263–267; Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып.1. Общий ход развития школьного дела в Сибири, 1703–1917 гг. — Ново-Николаевск, 1923. — С. 86.

¹⁹ Там же.

²⁰ АААКК. Ф. 265. Оп.1. Д.11. Л.10.

²¹ ГАИО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 828. Л. 19–20.

²² Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири... — С. 89.

²³ Бельдеников, С. Сибирская молодежь в Петербургском университете // Сибирские вопросы. — 1907. — № 1. — С. 55.

²⁴ Мученицы знания // Сибирь. — 1900. — № 106.

²⁵ Отчеты Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам за 1884–1898 гг. — Спб., 1899. — С. 3–4.

²⁶ Головачев, П. Ядринцевские четверги // Сибирская жизнь. — 1902. — № 234. — С. 3.

²⁷ Мешалкин, П.Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX–XX веков). — Красноярск: СибГТУ, 2005. — С. 12–17.

²⁸ Там же.

²⁹ Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н.М. Дмитриенко. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1999. — С. 376.

³⁰ Там же.

³¹ Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов за осенний семестр 1910/11 академ. года. — Томск: Типо-лит. Сиб. Т-ва Печатного дела, 1911. — С. 1.

- ³² Сибирская жизнь. — 1910. — № 239. — С. 3.
- ³³ Кашенко, Н.Ф. Сибирские высшие женские курсы. Их положение, нужды и надежды. — Томск, 1912.
- ³⁴ Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов за осенний семестр... — С. 8.
- ³⁵ Отчет о состоянии и деятельности Сибирских высших женских курсов за 1911/12 учебный год. — Томск.: Типо-лит. Сиб. Т-ва Печатного дела, 1913. — С. 2–3.
- ³⁶ Женское дело. — 1915. — № 7. — С. 23.
- ³⁷ ГАТО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ³⁸ Нужен ли женский университет в Сибири? // Сибирские вопросы. — 1909. — № 4. — С. 23–24.
- ³⁹ Зарин, В.М., Зарина, Е.А. Путешествие М.П. Черской. — М.: Географгиз, 1952. — С. 56.
- ⁴⁰ Потанина, А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. — М.: Тип. Елизаветы Гербек, 1895. — С. XXXIII.
- ⁴¹ Мешалкин, П.Н. Неутомимый фольклорист-этнограф // Одержимые. О деятелях культуры Красноярск на рубеже XIX–XX вв. — Красноярск: Кн. Изд-во, 1998. — С. 64–73.
- ⁴² Баландина, В.А. Народный кооперативный кредит в Германии и России. К вопросу о кредите для сельского населения Енисейской губернии. — Красноярск, 1903. — С. 18.
- ⁴³ Баландина, В.А. Химический анализ воды Плодбищенского озера близ г. Енисейска Восточной Сибири. — Юрьев-Дерпт, 1910. — 20 с.
- ⁴⁴ Баландина, В.А. К вопросу о культуре лекарственных и душистых растений и производстве эфирных масел в Сибири // Сибиреведение. — 1929. — № 3–4. — С. 18.
- ⁴⁵ Адрианов, А.В. Памяти супругов Клеменц // Известия Восточно-Сибирского Отдела Русского географического общества. Т. 45. Иркутск, 1916. — С. 113–125.
- ⁴⁶ Дегальцева, Е.А. Женское движение в дореволюционной Сибири // http://zaimka.ru/07_2002/degaltseva_women/
- ⁴⁷ ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–106; Романов, Н.С. Воспоминания 1871–1933. — Иркутск. [1933]. Рук. № 298 ОРК ЗНБ ИГУ.
- ⁴⁸ ГАИО. Ф. 446. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–106.
- ⁴⁹ Сталева, Т.С. Сибирский просветитель Петр Макушин. — М.: Русский двор, 2001. — С. 253.
- ⁵⁰ Потанин, Г.Н. Письма: в 4 т. Т. 4 / Г.Н. Потанин; сост. А.Г. Грум-Гржимайло. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. — С. 103, 116.
- ⁵¹ Там же. С. 103, 116.
- ⁵² Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 гг. / отв. ред. С.Ф. Фоминых. — Томск.: Изд-во Том. ун-та, 1996. — С. 33.
- ⁵³ Малиновский, И. Город Томск / И. Малиновский, И.Г. Фрей-

дин, И.П. Гавровский. — Томск: Изд. Сибирского Т-ва печатного дела, 1912. — С. 343.

⁵⁴ Быкова, В.П. Записки старой смолянки. Ч. 1. — Спб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. — С. 396, 459.

⁵⁵ Потанин, Г.Н. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка / Г.Н. Потанин, М.Г. Васильева; сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колозова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — С. 156.

⁵⁶ Памятная книжка Тобольской губернии на 1915 г. — Тобольск: Издание Тобольского Губернского Статистического комитета, 1915. — С. 59.

⁵⁷ Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. — Томск: Издание Томского Губернского Статистического комитета, 1915. — С. 154.

⁵⁸ Малиновский, И. Город Томск... — С. 325.

⁵⁹ Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / отв. ред. Л.М. Дамешек. — Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2002. — С. 230.

⁶⁰ Лифшиц, Л. Театр Красноярск. — Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1957. — С. 17.

⁶¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. IV / под ред. Н.А. Тройницкого. — Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. — С. 231–371.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX — начале XX вв. в России развернулось широкое женское движение, под влиянием которого постепенно была скорректирована государственная политика в области женского образования, расширились сферы профессиональной занятости женщин, они стали играть активную роль в общественно-культурной жизни. Однако вплоть до 1917 г. женщины не имели политических прав, оставались неполноправными в сфере наследования имущества. Круг доступных для них профессий был ограничен, отсутствовало законодательство по охране материнства и детства.

Российское женское движение имело ряд характерных черт, отличавших его от западноевропейского феминизма. Во-первых, у истоков женского движения стояли представительницы привилегированных слоев дворянства и чиновничества, которые видели путь обретения гражданских прав, прежде всего, в борьбе за доступ к образованию и свободный выбор профессии. Во-вторых, относительно широкие права по распоряжению имуществом делали положение русских женщин в семье достаточно устойчивым. Однако активно пользоваться этими правами они начали лишь в пореформенный период, что способствовало активизации женского предпринимательства на рубеже XIX–XX вв. В-третьих, русские деятельницы женского движения не противопоставляли себя мужчинам, используя в своих целях общественные структуры и движения, создававшиеся ими совместно. Более того, именно мужчины считаются основоположниками женского вопроса в России. В-четвертых, женское движение в России отличало наличие прочных связей с революционно-демократическим движением. Отсутствие механизмов правовой защиты женской личности, консервативно-патриархальный подход властных струк-

тур к женскому вопросу толкали женщин на путь революционной борьбы с самодержавием.

Женское движение в Сибири развивалось в русле общероссийских тенденций, но имело ряд существенных особенностей. Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв. продолжала оставаться регионом интенсивной колонизации, что проявлялось в характере социально-экономических процессов, специфике состава населения. Постоянный приток переселенцев и ссыльных обеспечивал численное преобладание мужчин. На социально-демографические процессы оказывала значительное влияние ссылка, которая только усиливала диспропорцию полов. Доля людей среднего возраста в Сибири была выше, чем в других областях Российской империи. Был высоким процент холостых мужчин и вдовцов, среди женщин же, наоборот, процент состоявших в браке превышал показатели по Европейской России и империи в целом.

В Сибири женское движение не имело таких масштабов, как в Европейской России, поскольку вопрос о женском равноправии не стоял перед сибирским обществом с такой остротой. Причин сравнительной слабости власти главы семьи, менее стесненного положения женщин было несколько. Во-первых, это было обусловлено общей спецификой гражданских отношений в Сибири, никогда не знавшей униженного крепостного рабства. Здесь не существовало такой глубокой социально-культурной пропасти между различными слоями населения, как за Уралом. Поэтому если в Европейской России катализатором женского движения стали реформы 1860–1870-х гг., то в Сибири они не имели такого значения. Здесь и в докапиталистическую эпоху женщины всех сословий обладали относительно широкими личными, имущественными правами.

Во-вторых, определенное значение имел тот фактор, что в Сибири власть общины и сила патриархальных традиций изначально была слабее, чем в Европейской России. Несмотря на то что здесь действовало общероссийское законодательство, определявшее права женщин,

в реальной жизни правовые нормы, в значительной мере вплоть до начала XX в. сохранявшие патриархальные черты, сплошь и рядом не соблюдались. Женщина была более вольна в брачных отношениях, в выборе партнера, в имущественных делах, могла апеллировать к общественному мнению и закону, отстаивая свои права. Наконец, общность семейного имущества и значительный трудовой вклад женщин в совместное хозяйство выступали основой ее большей самостоятельности, обеспечивали уважительное отношение к ней. Если женщина хотела и могла сама содержать детей, вести хозяйство, платить налоги, то обычно ее право на трудовую деятельность не ограничивалось. В Сибири гораздо реже встречалось пренебрежительное отношение к женщине, принижающее ее личное достоинство и деловые качества. Потому развитие капиталистического уклада лишь ускорило тенденцию к либерализации семейных отношений, сделав ее необратимой. Таким образом, главным препятствием для сибирячек были патриархальные нормы, закрепленные государством на законодательном уровне.

Если в первой половине XIX в. женский труд ограничивался, главным образом, сферой домашнего хозяйства, то в пореформенное время под влиянием развития капиталистического уклада женщины начали принимать активное участие в кустарных промыслах, отходничестве, возросла численность женщин, работавших по найму. Это время характеризуется расширением применения женского труда в различных отраслях промышленности. Женщины все более активно вторгаются в сферу частного предпринимательства. Причем если раньше они просто продолжали дела умерших мужей или отцов, то в начале XX в. всё чаще встречаются случаи, когда женщины сами иницируют свое дело. Типично женским направлением в предпринимательстве становятся издательское, швейное дело, организация культурно-просветительских заведений (школы, детские сады и ясли).

Повышение образовательного уровня сибирячек спо-

собствовало тому, что они начинают осваивать профессии, требовавшие высокой квалификации, уверенно занимать должности в общественных и государственных учреждениях, ранее для них недоступные. Начавшаяся Первая мировая война лишь ускорила процессы феминизации. Женщины заменили мужчин и в сельском хозяйстве, и в промышленности, успешно реализовывали свои способности в медицине, педагогике.

Участие женщин в трудовой жизни, увеличение их вклада в семейный бюджет — все это обусловило изменение системы внутрисемейных отношений. Разрушался патриархальный уклад. Формировавшаяся в малой семье самостоятельная, образованная личность плохо совмещалась с тотальным контролем, подавлением инициативы. Это способствовало тому, что статус мужчины и женщины стал постепенно уравниваться. При этом новые тенденции не встречали в сознании сибирского общества сколько-нибудь серьезного сопротивления, но, напротив, находили поддержку. Даже в наиболее консервативной прослойке местного чиновничества проявлялось вполне лояльное отношение к привлечению женщин на государственную службу. Отчасти это объяснялось сугубо утилитарными мотивами, связанными с острой нехваткой профессионально подготовленных кадров. В Сибири в условиях недостатка специалистов женский квалифицированный труд был востребован как населением, так и местными властями, хотя законодательный запрет на общественную и государственную службу для женщин обрекал их преимущественно на тяжелый физический или низкооплачиваемый труд.

Менялись и сами сибирячки, участвуя в отходничестве, работая на фабриках. Самостоятельный труд вырабатывал самостоятельное мышление. Уходила неуверенность в своих силах, боязнь выйти за рамки дозволенного традиционными нормами.

Определенное влияние на процессы феминизации в Сибири оказывала специфика социокультурного укла-

да, которому был присущ своеобразный архаичный демократизм. В сибирском обществе не наблюдалось четких сословных барьеров, препятствовавших гражданской и политической консолидации общества, преодолению традиционных культурно-идеологических стереотипов, в том числе о неравноправии полов, которые сохранялись в Европейской России вплоть до XX в. Хотя с развитием капитализма все более начинает нарастать социокультурный разрыв между городом и деревней, в крестьянской среде гораздо дольше сохранялся патриархальный уклад, тогда как горожанки смелее осваивали новые социальные ниши, быстрее реагировали на либеральные идеи своего времени. Кроме того, горожанки могли использовать в борьбе за свои права всевозможные общественные и политические организации.

Женское движение в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. проходило преимущественно в форме нарастающей активности женщин в экономической, общественно-политической и культурной областях, в отличие от Европейской России, где, кроме этого, применялось давление на государственные и общественные структуры, создание обществ взаимопомощи женщин.

Таблица 1
Численное соотношение мужчин и женщин в Сибири по переписи 1897 г.

Губернии и области	Население											
	в городах				в уездах				в губерниях			
	м	ж	итого	жен- щин в %	м	ж	итого	жен- щин в %	м	ж	итого	жен- щин в %
Тобольская	44 995	42 356	87 351	48,5	661 899	684189	1 345 692	50,8	706 894	726 545	1 433 043	50,7
Томская	65 262	62 669	127 931	51,3	896670	903 078	1 799 748	50,2	961932	965 747	1 927 679	50,1
Енисейская	33 774	29110	62 884	46,3	265 194	242 083	507 277	47,7	298 968	271 193	570 161	47,6
Иркутская	33 084	29 711	62 795	47,3	240 995	210 477	451 472	46,6	274 079	240 188	514 267	46,7
Забайкаль- ская	23 987	18 791	42 778	44,0	318 556	310 708	629 259	49,4	342 543	329 494	672 037	49,0
Якутская	4 871	4 311	9 182	47,0	134 726	125 971	260 698	48,3	139 597	130 282	269 880	48,3
Амурская	19 851	12 983	32 834	39,5	48 418	39 054	87 472	44,7	68 269	52 037	120 306	43,3
Приморская	41 474	9 943	51 417	19,3	110 587	61 314	171 919	35,7	152 061	71 257	223 336	31,9
Сахалин	7 059	1 536	8 595	17,9	13 413	6 105	19 518	31,3	20 472	7 641	28 113	27,2
Итого	274 357	211 410	485 767	43,5	2 690 062	2 582 993	5 273 055	50	2 964 419	2 794 403	5 758 822	48,5

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. Т. I / под ред. Н.А. Тройницкого. – Спб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. – С. 3–5.

Количество женщин на 100 мужчин в 1897 г., абс.

Таблица 2

Российская империя	101,1
Европейская Россия	104,2
Сибирь	94,3
В том числе:	
Тобольская губерния	102,8
Томская губерния	90,4
Енисейская губерния	90,7
Иркутская губерния	87,6
Забайкальская область	78,3
Якутская область	93,3
Амурская область	76,2
Приморская область	46,9
о. Сахалин	37,2

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения... – С.4.

Численное соотношение мужчин и женщин в Сибири по переписи 1920 г.

Таблица 3

Губернии	городское				сельское				итого			
	м	ж	об. пола	жен-щин, в %	м	ж	об. пола	жен-щин, в %	м	ж	об. пола	жен-щин, в %
Иркутская	102364	98691	201055	49,1	344394	343663	688057	50,0	446758	442354	889112	49,8
Енисейская	73481	71963	145444	49,5	515511	541645	1057156	51,2	588992	613608	1202600	51,0
Томская	98076	100873	198949	50,7	435207	457715	892922	51,3	533283	558588	1091871	51,2
Новониколаевская	53627	61409	115036	53,4	561776	620635	1182411	52,5	615403	682044	1297447	52,6
Алтайская	64112	66331	130443	50,9	701143	783594	1484737	52,8	765255	849925	1615180	52,6
Омская	99061	96853	195914	49,4	735689	784520	1520209	51,6	834750	881373	1716123	51,4
Якутская	5823	5419	11242	48,2	133453	121809	255262	47,7	139276	127228	266504	47,7
Вся Сибирь	496544	501538	998083	50,3	3427173	3653581	7080754	51,6	3923717	4155120	8078837	51,4

Таблица составлена по: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.). Погубернские, поуездные и поволостные итоги // Труды Сибирского Статистического Управления. Т. 1. Вып. 5 / общ. ред. М.П. Крайникова. – С. 6-28.

Таблица 4

Количество женщин на 100 мужчин в Сибири в 1920 г., абс.

Губернии	На 100 мужчин приходится женщин:		
	среди городско- го населения	среди сельско- го населения	всего
Омская	97,8	106,7	105,6
Алтайская	103,5	111,8	111,1
Новониколаевская	114,5	110,4	110,8
Томская	102,9	105,2	104,7
Енисейская	97,9	105,1	104,2
Иркутская	96,4	99,8	99,0
Якутская	93,5	91,7	91,5
По Сибири	101,1	106,6	105,9

Таблица составлена по: Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.) ... – С. 4.

Таблица 5

Численное соотношение мужчин и женщин в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Годы	Общая численность населения	В том числе			
		мужчин		женщин	
		абс.	%	абс.	%
1858	2 936 036	1 495 928	51	1 440 108	49
1870	3 405 084	1 762 794	51,7	1 642 290	48,3
1897	5 758 822	2 964 419	51,4	2 794 403	48,6
1907	6 893 900	3 522 500	51	3 371 400	49
1916*	10 232 400	4 099 700	47	4 697 300	53
1920	8 078 837	3 923 717	48,5	4 155 120	51,5

Примечание* Данные только по сельскому населению Сибири

Таблица составлена по: Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. Наличное население за 1858 г. – Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1863. – С. 182–183; Статистический временник Российской империи. – Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1866. – С. 62–65; Ежегодник России, 1907 г. – Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1908. – С. 49 – 51; Горюшкин, Л.М. Население Сибири накануне октябрьской социалистической революции / Л.М. Горюшкин, В.П. Пронин // Историческая демография Сибири: сб.ст. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 87; Население Сибири (по материалам Всероссийской демографической переписи 1920 г.)... С. 6–28.

Таблица 6

Возрастной состав населения по данным переписи 1897 г., %

	до 1 года		1–9 лет		10–19 лет		20–59 лет		старше 60 лет	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Сибирь	3,5	3,6	21,6	23,2	19,5	20,7	47,3	44,8	8,1	7,7
В том числе:										
в городах	2,5	3,2	14,3	18,7	15,7	21,2	61,5	49,5	6	7,4
в уездах	3,5	3,6	22,3	22,9	19,9	20,6	47,3	44	7	8,9
Европейская Россия	3,7	3,5	24	23,4	21,3	21,4	44,1	44,5	6,9	7,2
В том числе:										
в городах	2,5	2,8	16	18	19,6	20,7	56,5	50,6	5,4	7,9
в уездах	3,8	3,6	25,2	24,1	21,6	21,9	43,8	44,2	5,6	6,2
Российская империя	3,4	3,4	24	23,9	20,9	21,1	44,7	44,6	7	7
В том числе:										
в городах	2,5	2,8	16,8	19,1	19,1	20,7	56,3	49,8	5,3	7,6
в уездах	3,5	3,4	24,1	24	21,2	21,3	45	45,1	6,2	6,2

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. IX.

Таблица 7

Средний возраст жителей России в 1897 г., %

	Средний воз- раст		В том числе в городах		В уездах	
	м	ж	м	ж	м	ж
Сибирь	26,7	25,7	28,1	26,9	26,6	25,6
Европейская Россия	24,9	25,5	26,4	27,4	24,7	25,2
Российская империя	25,0	25,3	26,1	26,8	24,8	25,1

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. IX.

Таблица 8
Семейное состояние населения Сибири в 1897 г., %

Возраст, лет	Холостые и девицы		Состоящие в браке		Вдовцы		Разведенные	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
до 10	99,9	99,9	0,1	0,1	-	-	-	-
10-14	99,9	99,9	0,02	0,04	0,08	0,002	-	0,05
15-19	88,7	84,6	11	15,2	0,23	0,15	0,07	0,05
20-29	43,1	18,1	55,8	80,3	0,8	1,3	0,3	0,3
30-39	14,5	5,06	82,4	89,6	2,6	5,0	0,5	0,3
40-49	10	4,2	83,3	82,6	6,1	12,8	0,6	0,4
50-59	8,2	3,8	78,7	69,9	12,5	25,8	0,6	0,5
60 и старше	7,3	4,3	60,4	41	31,8	54,2	0,5	0,5
Итого	55,2	50,5	39,8	41,3	4,6	7,9	0,4	0,3

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. 80-81.

Таблица 9
Семейное положение населения Российской империи в возрасте 15-49 лет в 1897 г., %

	Холостые и девицы		Состоящие в браке		Вдовы		Разведенные	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Российская империя	30,1	22,3	64,3	64,1	5,4	13,4	0,2	0,2
Европейская Россия	28,9	23,6	65,2	62,7	5,7	13,5	0,2	0,2
Сибирь	30,8	20,6	61,7	66,2	7,1	12,8	0,4	0,3

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. XII.

Таблица 10

Сословная структура населения Сибири и Европейской России в 1897 г., %

	Дворяне потомственные	Дворяне личные и чиновники	Личное дворянское звание	Почтовые граждане и купцы	Мещане	Крестьяне	Казань	Иностранцы	Иные	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
В Сибири	0,3	0,2	0,5	0,3	5,6	69,2	4,3	14,4	1,7	0,3
В Европейской России	0,9	0,9	0,5	0,5	10,5	84,0	1,5	0,4	0,2	0,8

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. 97-98.

Таблица 11

Состав населения по вероисповеданиям в 1897 г., %

	Православные		Старообрядцы		Католики		Другие христианские религии (протестанты и сектанты)		Мусульмане		Иудеи		Буддисты и ламансты		Другие нехристиане		Итого	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Европейская Россия	81,5	81,8	1,7	1,9	4,8	4,5	3,4	3,5	4	3,6	4	4	0,1	0,1	0,5	0,6	100	100
Сибирь	84,9	86,7	3,9	4,4	0,8	0,3	0,3	0,2	2,4	1,9	0,6	0,5	4,8	3,7	2,3	2,3	100	100

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. 252–259.

Таблица 12

Соотношение мужчин и женщин в составе различных вероисповеданий в Европейской России и Сибири в 1897 г., %

	Православные		Старообрядцы		Католики		Другие христианские религии (протестанты и сектанты)		Мусульмане		Иудеи		Буддисты и ламансты		Другие нехристиане	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Европейская Россия	48,8	51,2	46,0	54,0	50,1	49,9	48,4	51,6	51,3	48,7	48,7	51,3	51,8	48,2	49,6	50,4
Сибирь	50,9	49,1	51,6	48,4	7,3	28,7	63,9	36,1	57,0	43,0	53,6	46,4	58,1	41,9	51,6	48,4

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... – С. 252–259.

Таблица 13

**Доля женщин среди ссыльных
в Сибири в 1882–1898 гг.**

Годы	Ссыльных				Добровольно последовавших за ними				
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	детей	всего	ж, %
1882	8652	553	9361	5,9	-	1366	2628	3994	34,2
1883	10105	599	10704	5,6	-	1062	3168	4230	25,1
1884	9319	589	9908	6,0	-	1659	3783	5442	43,9
1885	8179	500	8679	5,8	-	1232	3370	4602	36,6
1886	8380	418	8798	4,8	-	1171	2570	3741	31,3
1887	8728	436	9164	4,8	15	1355	3124	4494	30,2
1888	8668	426	9089	4,7	7	1285	2942	4234	30,4
1889	7934	440	8374	5,3	9	1221	2776	4006	44,0
1890	8561	442	9003	4,9	14	1306	2922	4242	44,7
1891	8200	406	8606	4,7	4	1418	3259	4681	30,3
1892	6509	286	6795	4,2	16	1173	2846	4035	29,1
1893	8569	450	9019	5,0	22	1947	4411	6380	28,4
1894	8462	456	8918	5,1	16	1979	4871	6866	28,8
1895	8983	428	9411	4,6	24	1761	4010	5795	30,4
1896	8224	377	8601	4,4	8	1519	3570	5097	29,8
1897	6331	265	6616	4,0	12	1240	2916	4168	29,8
1898	6712	274	6986	3,9	8	1350	3254	4612	29,3
Итого	140016	7345	147361	5,0	155	24044	56420	80619	29,8

Таблица составлена по: Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. — Спб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1900. — С. 4–5, Приложение 3. — С. 6–7.

Таблица 14

**Показатели грамотности населения в 1897 г.
по возрасту и полу, %**

Возраст, лет	% Грамотных в Российской империи			В том числе в городах			% Грамотных в Сибири			В том числе в городах		
	м	ж	об. пола	м	ж	об. пола	м	ж	об. пола	м	ж	об. пола
Все население	29,3	13,1	21,1	54,0	36,5	45,3	19,2	5,1	12,3	48,0	28,3	38,1
В том числе: 4–9	8,4	4,9	6,6	11,5	9,0	10,1	5,9	2,5	4,2	19,7	15,3	17,5
10–19	45,5	21,8	33,6	72,4	55,6	64,1	26,1	10,0	18	71,4	50,6	61,0
20–29	44,9	19,5	32,3	66,2	48,5	59,4	29,1	7,7	18,4	55,0	30,1	42,5
30–39	39,5	15,7	27,6	64,2	40,2	53,0	28,3	5,6	16,9	55,1	30,1	42,6
40–49	33,2	12,6	22,9	58,8	33,5	46,7	23,3	4,0	13,6	50,5	23,5	37,0
50–59	26,5	11,1	18,7	53,9	31,8	42,2	17,7	2,9	10,3	44,9	17,6	31,2
60 и старше	13,7	7,2	10,4	47,2	25,8	35,1	9,1	1,8	5,4	27,1	10,3	18,7

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... С. XVI, XVII, 36, 39, 50–55, 188; Приложение к Т. I. С. 40–41.

Таблица 15

Количество лиц, получивших образование выше начального (в % по отношению к населению)

Образование	Сибирь		Европейская Россия		Российская империя	
	м	ж	м	ж	м	ж
Высшее	0,08	0,004	0,17	0,009	0,15	0,01
Высшее специальное	0,02	0,001	0,05	0,001	0,04	0,001
Высшее военное	0,004	-	0,008	-	0,007	-
Среднее	0,67	0,66	0,94	0,74	0,89	0,81
Среднее специальное	0,12	0,01	0,14	0,01	0,13	0,02
Среднее военное	0,07	-	0,12	-	0,11	-
Всего	0,98	0,68	1,45	0,77	1,35	0,84

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... — С. XVIII.

Таблица 16

Удельный вес грамотного населения по сословиям и полу в возрасте 10 лет и старше, 1897 г., %

Сословия	% грамотных в России			% грамотных в Сибири		
	м	ж	оба пола	м	ж	оба пола
Дворяне, чиновники и их семьи	88,0	81,8	84,7	73,2	69,1	71,1
Духовенство и их семьи	96,7	79,2	87,3	77,7	66,5	72,1
Почетные граждане, купцы, мещане	64,9	40,6	52,4	50,1	31,1	40,6
Сельские сословия	36,7	12,7	24,6	27,4	9,7	18,5

Таблица составлена по: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... — С. 160–163, 188–195.

Таблица 17

Сведения о численности населения Сибири, занятого проституцией, в 1897 г.

Губерния, область	м	% от общей численности мужского населения	ж	% от общей численности женского населения
Томская губерния	29	0,003	259	0,03
Тобольская губерния	35	0,005	198	0,03
Енисейская губерния	11	0,004	136	0,05
Иркутская губерния	5	0,002	104	0,04
Якутская область	8	0,005	-	-
Забайкальская область	2	0,0005	29	0,009
Приморская область	74	0,05	464	0,6
Амурская область	-	-	126	0,3
о. Сахалин	-	-	-	-
Итого	164	0,005	1316	0,05

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. IV / под ред. Н.А. Тройницкого. — СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. — 371 с.

Таблица 18

Промысловые занятия населения трех округов Иркутской губернии (Балаганского, Нижнеудинского и Иркутского) в 1893 г., абс.

Округа	Виды промысловых занятий																		Итого	
	выделка кож		выделка сукна и войлока		придиль- шки и ткачи		вязание сетей и неводо- в		гончары		кирпич- ники		рыболовс- тво		сбор орехов		прочие			
м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж			
Иркутский	32	-	4	60	-	81	8	13	20	17	25	4	485	2	252	15	6	-	832	192
Балаганс- кий	46	-	1	8	3	13	8	-	10	-	27	1	741	-	85	-	5	-	926	22
Нижне- удинский	114	21	1	-	3	1	4	-	7	-	17	1	1435	113	6	-	4	-	1587	136
Итого	192	21	6	68	6	95	20	13	37	17	69	5	2661	115	343	15	15	-	3345	350

Таблица составлена по: Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии: в IV т. Т. IV. Вып. 5. Енисейская губерния. — Иркутск: Тип. штаба Иркутского военного округа, 1893. — С. 310.

Таблица 19

Доля женщин среди занятого самостоятельного сельского населения Сибири в 1897 г.

Губернии и области	Земледелие				Животноводство			
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %
Тобольская губерния	223901	25307	249208	10,2	4333	423	4756	8,9
Томская губерния	254472	17898	272370	6,6	12867	1777	14644	12,1
Енисейская губерния	75146	5813	80959	7,2	5267	576	5843	9,9
Иркутская губерния	72862	4057	76919	5,4	2026	207	2233	9,3
Амурская область	14400	391	14791	2,6	265	10	275	3,6
Забайкальская область	65955	4302	70257	6,1	32366	2313	34679	6,7
Приморская область	17459	422	17881	2,4	4134	249	4383	5,7
Якутская область	4679	712	5391	13,2	42190	7980	50170	15,9
Сахалин	4948	343	5291	6,5	279	28	307	9,1
Итого	733822	59245	793067	7,5	103727	13563	117290	11,6

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам... — С. 331—371.

Губернии и области	Лесные промыслы				Рыболовство и охота				Извозный промысел			
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %
Тобольская губерния	1323	85	1408	6,0	7693	369	8062	4,6	1565	23	1588	1,5
Томская губерния	3985	66	4051	1,6	7158	117	7275	1,6	2434	37	2471	1,5
Енисейская губерния	1902	24	1926	1,3	3846	238	4084	5,8	2178	36	2214	1,6
Иркутская губерния	1530	53	1583	3,4	1107	21	1128	1,9	1872	22	1894	1,2
Амурская область	262	3	265	1,1	262	4	266	1,5	1375	5	1380	0,4
Забайкальская область	705	4	709	0,6	931	56	987	5,7	1264	6	1270	0,5
Приморская область	4584	18	4602	0,4	8508	162	8670	1,9	1492	6	1498	0,4
Якутская область	2619	22	2641	0,8	3754	539	4293	12,6	1041	11	1052	1,1
Сахалин	118	-	-	-	1435	16	1451	1,1	19	1	20	5,0
Итого	17028	275	17303	1,6	34694	1522	36216	4,2	13240	147	13387	1,1

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам... — С. 331–371.

Таблица 20

Заработная плата сельскохозяйственных рабочих Сибири в 1901–1905 гг., коп.

	Пеший рабочий на своих харчах	Пеший рабочий на хозяйских харчах	Работница на своих харчах		Работница на хозяйских харчах	
			абс.	% к оплате рабочего	абс.	% к оплате рабочего
Томская губерния	а) 67 б) 75 в) 84	а) 48,3 б) 63 в) 67,6	а) 44 б) 56 в) 61,3	а) 65,7 б) 74,6 в) 72,9	а) 32,2 б) 41 в) 48,3	а) 66,6 б) 65,0 в) 71,4
Енисейская губерния	а) 80 б) 90 в) 100	а) 60 б) 75 в) 80	а) 50 б) 64 в) 70	а) 62,5 б) 71,1 в) 70,0	а) 40 б) 43 в) 45	а) 66,6 б) 57,3 в) 56,0
Амурская область	а) 80 б) 86 в) 99	а) 61 б) 64 в) 71	а) 59 б) 71 в) 79	а) 73,7 б) 82,5 в) 79,7	а) - б) - в) -	а) - б) - в) -

Примечание: а) в период весенних посевов, б) во время сенокосов, в) при уборке урожая

Таблица составлена по: Горюшкин, Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. — Новосибирск: Наука, 1967. — С. 125; Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. — Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1905. — С. 206; Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. — М., 1909. — С. 346.

Таблица 21
Выдано отходных свидетельств в Иркутской губернии в 1887–1888 гг.

	До 3 месяцев				6 месяцев				На 1 год			
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Крестьянам	6425	614	7039	8,7	1064	448	1512	29,6	2260	913	3173	28,8
Иногородцам	986	23	1009	2,3	347	6	353	1,7	988	49	1037	4,7
Поселенцам	496	53	549	9,7	107	15	122	12,3	10451	628	11079	5,7
Итого	7907	690	8597	8,0	1518	469	1987	23,6	13699	1590	15289	1,0

Окончание табл. 21

	На 2 года				На 3 года				Итого			
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %
	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Крестьянам	4	5	9	55,6	11	2	13	15,4	9764	1982	11746	16,9
Иногородцам	-	-	-	-	-	-	-	-	2321	78	2399	3,3
Поселенцам	-	-	-	-	-	-	-	-	11054	696	11750	5,9
Итого	4	5	9	55,6	11	2	13	15,4	23139	2756	25895	10,6

Таблица составлена по: Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения... – С. 310.

Таблица 22

Доля женщин среди рабочих
на частных золотых приисках Сибири в 1881 г.

Области и округа	Число рабочих				
	мужчин	женщин	детей	итого	ж, %
Енисейский	9439	601	148	10188	5,9
Красноярский	297	-	-	297	-
Канский и Нижне-удинский	548	40	12	600	6,7
Олекминский	9256	1236	51	10543	11,7
Верхнеудинский и Баргузинский	1097	72	-	1169	6,2
Нерчинский	5268	257	173	5698	4,5
Амурская обл.	3279	191	20	3490	5,5
Приморская обл.	274	2	-	276	0,7
Всего	32183	2483	404	35070	7,1

Таблица составлена по: ГАИО. Ф. 712. Оп.1. Д. 629. Л. 770.

Таблица 23
Половой и отраслевой состав рабочих обрабатывающей промышленности
Сибири в 1885–1895 гг.

Группы производства	1885 г.			1895 г.		
	мужчин		женщин	мужчин		женщин
	абс.	%		абс.	%	
всего на- емных рабочих	388	100,0	-	606	89,3	-
Металлообрабатывающее	135	77,0	21	231	62,6	85
Химическое (в т.ч. спичечное)	666	69,7	146	490	46,5	377
Текстильное (в т.ч. производ- ство шерсти)	48	100,0	-	40	97,6	-
Деревообрабатывающее	19	100,0	-	225	76,8	41
Производство бумаги	741	87,6	45	587	71,2	39
Стеклозное	493	77,7	102	662	69,8	285
Строительных материалов	1447	96,6	28	1191	84,5	140
Кожевенное, овчинно-шубное	225	98,4	2	471	80,0	22
Свечное, мыловаренное, сало- топленное	2790	89,5	89	1708	94,2	42
Винокурное (в т.ч. водочное)	146	96,0	2	193	85,0	21
Пищеваренное	72	43,1	20	60	18,0	118
Табачно-папирное	599	97,5	6	818	94,1	14
Мукомольное	335	99,7	-	437	87,6	19
Прочие производства	8135	89,7	461	7719	77,6	1203
Итого						

Таблица составлена по: Андрущенко, Б.К. Состав рабочих обрабатывающей промышленности Сибири (1861–1895 гг.) // Вопросы истории дореволюционной Сибири: сб. ст. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – С. 144–159; Свод данных фабрично-заводской промышленности в России за 1885–1887 гг. – Сиб.: Издание департамента торговли и мануфактуры, 1889. – С. 50–98.

Таблица 24
Половой и отраслевой состав рабочих промышленности Сибири по переписи 1897 г.

Губернии и области Сибири	Добывающая промышленность				Металлообработка				Производство по обработке волокнистых веществ				Обработка продуктов животноводства и растениеводства			
	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %	м	ж	всего	ж, %
Тобольская губерния	26	3	29	10,4	2655	27	2682	1,0	2036	6384	8420	75,8	3876	396	4272	9,3
Томская гу- берния	6162	213	6375	3,3	4297	25	4322	0,6	3210	4789	7999	60,0	5062	229	5291	4,3
Енисейская губерния	7673	78	7751	1,0	2664	60	2724	2,2	1096	1010	2106	48,0	2520	418	2938	14,2
Иркутская губерния	785	13	798	1,6	2679	25	2704	0,9	433	461	894	52,0	1921	289	2210	13,1
Забайкаль- ская область	5501	110	5611	2,0	28	1	29	3,5	100	236	336	70,2	772	219	991	22,1
Амурская область	4641	38	4679	0,8	454	-	454	-	37	37	74	50,0	404	89	493	18,1
Приморская область	1080	-	1080	-	1155	-	1155	-	78	57	135	42,2	621	132	753	17,5
Якутская об- ласть	678	72	750	9,6	383	-	383	-	9	28	37	75,7	169	80	249	32,1
Сахалин	274	-	274	-	132	-	132	-	7	27	34	79,4	99	7	106	6,6
Итого	32820	527	33347	1,6	14447	138	14585	0,9	7006	13029	20035	65,0	15444	1859	17303	10,7

	Деревообработка				Химическое производство				Винокурение				Другие отрасли обрабатывающей промышленности			
	ж		ж, %		ж		ж, %		ж		ж, %		ж		ж, %	
	м	всего	м	всего	м	всего	м	всего	м	всего	м	всего	м	всего	м	всего
Тобольская губерния	2933	514	3447	14.9	301	148	449	33.0	463	38	501	7.6	1288	164	1452	11.3
Томская губерния	4739	87	4846	1.8	643	96	739	13.0	636	21	657	3.2	1725	51	1776	2.9
Енисейская губерния	4759	87	4846	1.8	51	9	60	15.0	496	14	510	2.8	641	45	686	6.6
Иркутская губерния	1710	51	1761	3.0	108	27	135	20.0	469	29	498	5.8	1525	156	1681	9.3
Забайкальская область	828	3,0	831	0.4	61	-	61	-	152	12	164	7.3	620	14	634	2.2
Амурская область	754	1	755	0.1	16	1	17	5,9	96	1	97	1.0	343	3	346	0.9
Приморская область	648	9	657	1.4	115	18	133	13.5	79	-	79	-	937	1	938	0.1
Якутская область	184	3	187	1.6	9	-	9	-	3	-	3	-	56	4	60	6,7
Сахалин	149	11	160	6,9	2	-	2	-	2	-	2	-	35	-	35	-
Итого	16724	766	17490	4.4	1306	299	1605	18,6	2396	115	2511	2,2	7170	438	7608	5,8

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам... — С. 331-371.

Таблица 25

**Наемная плата прислуге и чернорабочим
в Сибири в 1910 г.**

Губернии (области)	Домашней прислуге в месяц (в рублях)				Чернорабочим в день (в копейках)			
	м		ж		м		ж	
	min	max	min	max	min	max	min	max
Тобольская	5	40	2	15	50	150	30	100
Томская	5	50	3	10	65	180	40	120
Енисейская	8	120	3	12	65	120	40	100
Иркутская	4	18	3	12	50	150	50	150
Забайкальская	15	75	5	15	80	150	40	125
Якутская	9	25	2	15	58	120	36	50
Амурская	15	100	8	25	100	150	100	120
Приморская	8	75	5	39	80	200	80	150

Таблица составлена по: Города России в 1910. – Спб.: Типо-литография Н.Л. Ныркина, 1914. – С. 1048.

Таблица 26

Количество женщин-врачей в Сибири в 1911 г.

	Количество врачей	Из них женщины		Количество фельдшеров	Из них женщины		Акушеров
		абс.	%		абс.	%	
В Западной Сибири	411	24	5,8	637	111	17,4	186
В Восточной Сибири	286	15	5,2	598	93	15,5	146
На Дальнем Востоке	155	16	10,3	339	26	7,6	132
Итого	852	55	6,4	1574	230	14,6	464

Таблица составлена по: Азиатская Россия: в 3 т. Т. 1. — Издание переселенческого управления землеустройства и земледелия. — Спб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. — С. 276

**Уровень образования городских учительниц Сибири
в 1895–1900 гг., абс.**

	Западная Сибирь		Восточная Сибирь		Итого
	местные урожен- ки	уроженки Европей- ской Рос- сии	местные урожен- ки	уроженки Европей- ской Рос- сии	
Высшие женские курсы	-	1	-	4	5
Светские средние учебные заведения	127	16	122	14	279
Духовные учебные заведения	-	-	12	2	14
Институты благородных девиц	-	10	14	8	32
Начальное и домашнее образование	27	18	7	1	53
Итого	154	44	155	29	383

Таблица составлена по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. – 249 с.; Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1899–1900 учебный год. – Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – 308 с.

Таблица 27

Половой состав учащихся начальных школ Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Таблица 28

Регион	1897 г.					1911 г.				
	кол-во учебных заведений		количество учащихся			кол-во учебных заведений	количество учащихся			
			м	ж	итого ж, %		м	ж	итого ж, %	
Западная Сибирь	2446		55887	17375	73262 23,7	3440	120454	50724	171178 29,6	
Восточная Сибирь и Даль- ний Восток	1185		30174	10033	40207 25,0	2659	79645	40549	120194 33,7	
Вся Сибирь	3631		86061	27408	113469 24,2	6099	200099	91273	291372 31,3	

Таблица составлена по: Азиатская Россия... – С. 261–267.

Таблица 29

**Половой состав учащихся ремесленных училищ Сибири
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

Регион	1897 г.					1911 г.				
	учебные заведения		учащиеся			учебные заведения	учащиеся			
			м	ж	итого ж, %		м	ж	итого ж, %	
Западная Сибирь	9		364	70	434 16,1	39	1235	813	2048 39,7	
Восточная Сибирь и Даль- ний Восток	18		942	72	1044 6,9	24	1780	91	1871 4,9	
Итого	27		1306	142	1448 9,8	63	3015	904	3919 23,1	

Таблица составлена по: Азиатская Россия... – С. 261–267.

Таблица 30

Источники финансирования женских гимназий и прогимназий в Сибири в 1895–1900 гг., %

Источники финансирования	Западная Сибирь		Восточная Сибирь и Дальний Восток		Сибирь	
	гимназии	прогимназии	гимназии	прогимназии	гимназии	прогимназии
Пособия от государственного казначейства	27,7	24,1	12,7	5,1	21,1	15,7
Пособия от городских обществ и частные пожертвования	36,4	48,1	24,1	49,3	30,8	48,6
Плата за обучение	35,3	22,7	56,1	42,4	45,5	31,5
Другие источники	0,6	5,1	7,1	3,2	2,6	4,2

Таблица составлена по: Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1895. – 249 с.; Памятная книжка Управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1899 – 1900 учебный год. – Иркутск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. – 308 с.

Таблица 31

Женские средние учебные заведения в Сибири (1881 – 1911 гг.), абс.

Учебные заведения	Число учебных заведений				Число учащихся			
	1881	1894	1905	1911	1881	1894	1905	1911
Западная Сибирь								
Гимназии	2	3	9	17	806	864	4601	15363
Прогимназии	12	12	8	6	1247	1580	1516	994
Те и другие	14	15	17	23	1053	2444	6117	16357
Восточная Сибирь и Дальний Восток								
Гимназии	3	7	8	25	507	1183	4372	16947
Прогимназии	9	9	5	5	780	1008	1202	923
Те и другие	12	16	13	30	1287	2263	5574	17870
Вся Сибирь								
Гимназии	5	10	17	42	1313	2087	8973	32310
Прогимназии	21	21	13	11	2027	2660	2781	1917
Те и другие	26	31	30	53	3340	4707	11691	34227
Россия								
Гимназии	84	154	399	-	29958	47854	170502	-
Прогимназии	178	171	165	-	21400	23977	30259	-
Те и другие	262	325	564	-	51358	71731	200761	-

Таблица составлена по: Азиатская Россия... – С. 263–267; Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1. Общий ход развития школьного дела в Сибири, 1703–1917 гг. – Ново-Николаевск, 1923. – С. 86.

Таблица 32

Социальный состав учащихся в женских средних учебных заведениях Сибири в 1905 г. (абс, %)

Происхождение учащихся	В Сибири			В России		
	гимназии	прогимназии	итого	гимназии	прогимназии	итого
Чиновники и дворяне	1372 (29,8%)	217 (14,3%)	1589 (27,1%)	50534 (30,5%)	4497 (15,3%)	55031 (28,2%)
Купцы и мещане	2197 (49,1%)	813 (67,3%)	3010 (51,5%)	81225 (49,2%)	15426 (52,4%)	96651 (49,6%)
Священники	150 (3,2 %)	42 (2,7%)	192 (3,3%)	7853 (4,9%)	1466 (5,1%)	9319 (5%)
Сельского сословия	814 (17,9%)	239 (15,7%)	1053 (18,1%)	25587 (15,4%)	8001 (27,2%)	33588 (17,2%)
Итого	4533 (100%)	1311 (100%)	5844 (100%)	165199 (100%)	29390 (100%)	194589 (100%)

Таблица составлена по: Юрцовский, Н.С. Очерки по истории просвещения... – С. 89.

Таблица 33
Отраслевая структура занятости самодельного населения Сибири в 1897 г.

Отрасль занятости	Западная Сибирь			ж, %	Восточная Сибирь			ж, %
	м	ж	итого		м	ж	итого	
Сельское хозяйство	519732	46042	565774	8,1	263643	17664	281307	6,3
Промышленность	40072	13284	53356	24,9	36024	4148	40172	10,3
Строительство	18600	49	18649	0,3	25684	46	25730	0,2
Транспорт	4269	121	4390	2,8	5203	129	5332	2,4
Связь, почта	654	23	677	3,4	1054	22	1076	2,1
Торговля	15644	1531	17175	8,9	11077	1180	12257	9,6
Кредитные и коммерческие учреждения	115	-	115	0	126	-	126	0
Содержание трактиров, гостиниц, меблированных комнат и питейных заведений	2287	574	2861	20	1985	529	2514	21
Сфера обслуживания	12499	8485	20984	40,4	8051	5664	13715	41,3
Прислуга и поленщики	31725	29846	61571	48,5	27154	23503	50657	46,4
Администрация, суд, полиция	4115	18	4133	0,4	3460	14	3474	0,4
Вооруженные силы	6101	1	6102	0,02	17378	-	17378	0
Общественная (земская, государственная) и сословная служба	3187	24	3211	0,8	2430	8	2438	0,3
Служба при благотворительных учреждениях	52	58	110	52,7	42	92	134	68,7
Религиозная служба	2444	1274	3718	34,3	1672	469	2141	21,9
Просвещение	1849	1104	2953	37,4	1553	671	2224	30,2
Наука, литература, искусства	246	16	262	6,1	243	43	286	15
Здравоохранение	1265	588	1853	31,4	1433	551	1984	27,8
Рантье, пенсионеры	17623	11778	29401	40,1	9907	7643	17550	43,6
Лишенные свободы и отбывающие наказание	4063	346	4409	7,9	6664	889	7553	11,8
Проституция	20	371	391	94,9	3	248	251	98,8
Прочее	13211	8765	22006	39,8	10168	1763	11931	14,8
Итого	696999	124391	821390	15,1	434954	65276	500230	13,1

Отрасль занятости	Дальний Восток				Сибирь			
	м	ж	итого	ж, %	м	ж	итого	ж, %
Сельское хозяйство	109896	10899	120795	9	893271	74605	967876	7,7
Промышленность	19663	619	20282	3,1	95759	18051	113810	15,9
Строительство	11611	-	11611	0	55895	95	55990	0,2
Транспорт	4754	19	4773	0,4	14226	269	14495	1,9
Связь, почта	567	40	607	6,6	2275	85	2360	3,6
Торговля	6609	138	6747	2,1	33330	2849	36179	7,9
Кредитные и коммерческие учреждения	27	-	27	0	268	-	268	0
Содержание трактиров, гостиниц, мебельных компаний и питейных заведений	1270	108	1378	7,8	5542	1211	6753	17,9
Сфера обслуживания	2046	1753	3799	46,1	22596	15902	38498	41,3
Прислуга и поденщики	22148	5645	27793	20,7	81027	58994	140021	42,1
Администрация, суд, полиция	1865	8	1873	0,4	9440	40	9480	0,4
Вооруженные силы	35929	-	35929	0	59408	-	59408	0
Общественная (земская, городская) и словесная служба	341	6	347	1,7	5958	38	5996	0,6
Служба при благотворительных учреждениях	15	4	19	21,1	109	154	263	58,6
Религиозная служба	552	24	576	4,2	4668	1767	6435	27,5
Просвещение	377	132	509	26	3779	1907	5686	33,5
Наука, литература, искусства	233	38	271	14	722	97	819	11,8
Здравоохранение	914	149	1063	14	3612	1288	4900	26,3
Раньше, пенсионеры	4260	3346	7606	44	31790	22767	54557	41,7
Лишенные свободы и отбывающие наказание	6664	937	7601	12,3	17391	2172	19563	11,1
Проституция	11	523	534	97,9	34	1142	1176	97,1
Прочее	5600	375	5975	6,3	29009	10903	39912	27,3
Итого	235354	24763	260117	9,5	1367307	211430	1578737	13,4

Таблица составлена по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам... С. 231 - 371.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЖЕНСКИЙ СОЦИУМ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	
1.1. Женский контингент населения Сибири	25
1.2. Социально-правовой статус сибирской женщины	46
ГЛАВА 2. ЖЕНЩИНА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	
2.1. Женский труд в крестьянском хозяйстве	86
2.2. Труд сибирячек в промышленности	96
2.3. Женщины-предпринимательницы	104
2.4. Женский труд в непроизводственной сфере	113
ГЛАВА 3. ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	
3.1. Женское образование	147
3.2. Научная, просветительская и культурная деятельность сибирячек	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
ПРИЛОЖЕНИЯ	199

Научное издание

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Олеся Михайловна Долидович

Вера Ивановна Фёдорова

ЖЕНЩИНЫ СИБИРИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

(Демографический, социальный,
профессиональный аспекты)

Монография

Редактор С.Ю. Глазунова

Корректор Е.И. Пинженина

Верстка О.Г. Кузнецова

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.

Редакционно-издательский отдел КГПУ,

тел. 222-12-89

Подписано в печать 10.11.08. Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. 13,5. Заказ 477. Тираж 150 экз.

Цена свободная

Отпечатано ИПК КГПУ,

тел. 223-48-60